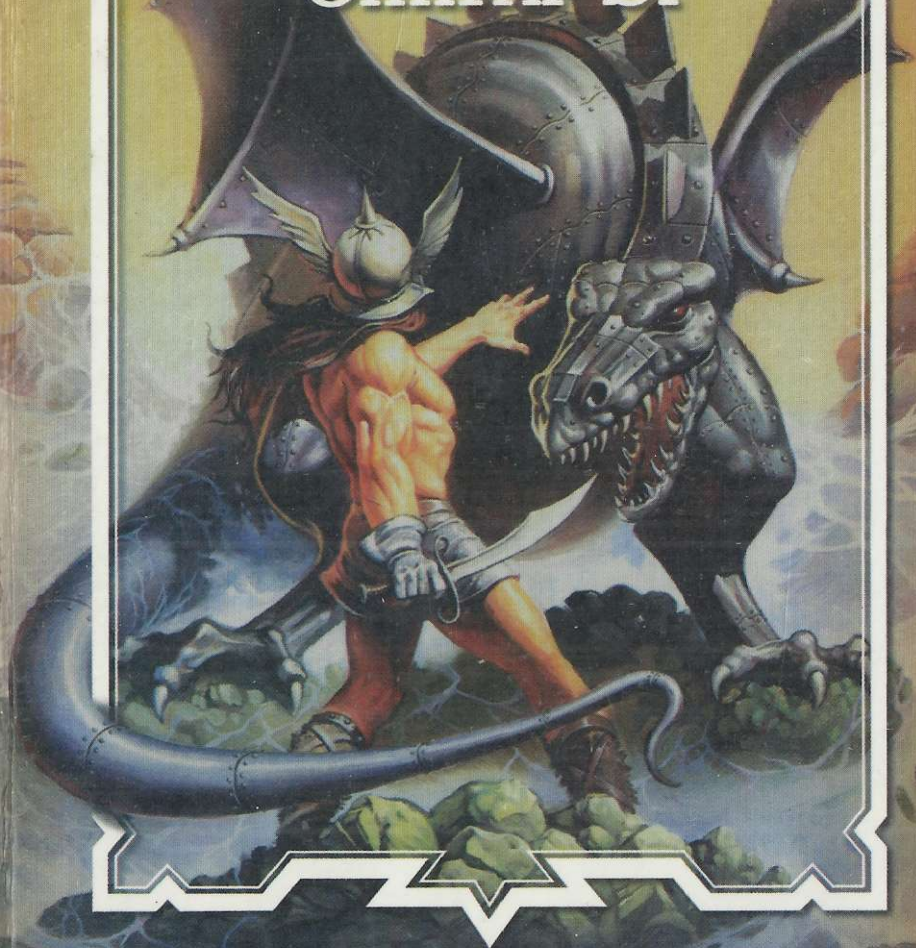


ВАННИК КОНАН

КОНАН И ПРИНЦ ЗИНТАРЫ

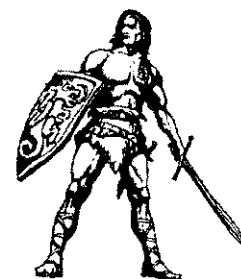


САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7
КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9	КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО 14
КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16	КОНАН И ТАЛИСМАН ЗАА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИЧ НЕРТАЛА 18	КОНАН И ГОРОД ПЛЕНЕННЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА 21
КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕННИКИ БЕЗДНЫ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28
КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛЫ ИДОЛА 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ПРЕЗМАИ 35
КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОЖИРАТЕЛИ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН И ВАЛДЫЧИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42

Великий **КОНАН**

КОНАН И ПРИНЦ ЗИНГАРЫ



ИЗДАТЕЛЬСТВО **act** МОСКВА 2002

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)
К64

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

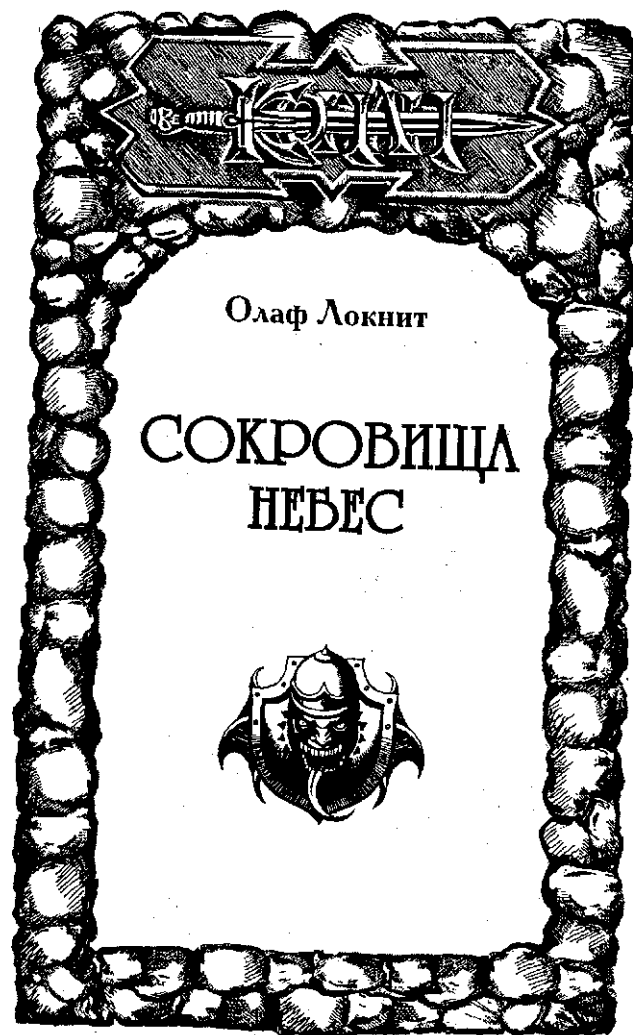
*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с разрешения автора.*

Книга подготовлена издательством «Северо-Запад Пресс»

Подписано в печать с готовых диапозитивов 08.02.2002.
Формат 84×108¹/32. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,68. Тираж 10 100 экз. Заказ 1271.

ISBN 5-17-012500-3

© Conan Properties, 2002
© Серия «Конан» на русском языке,
ООО «Издательство АСТ», 2002
© Русский текст, «Северо-Запад Пресс», 2002
© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998





Пролог Город Неожиданностей



*Середина лета 1264 года.
Шадизар, Замора*

Рак только ни называли это не такое уж большое, но зато не в меру шумное и грязноватое поселение у подножия Карнашских гор! И Столицей Воров, и Логовом Обмана, и Распроклятой Дырой, и Зловонным-Пятном-На-Лице-Земли, и Приютом Авантюристов, и даже Храмом-Ажи-Под-Открытым-Небом, хотя последнее несколько не соответствует истине. Святилища покровителя города располагались вовсе не под открытым небом, а в предназначенных для того местах — шадизарские обыватели уважали своего небесного Хранителя и никогда не забывали делиться с ним полученной добычей или долей от выгодной сделки.

Говоря по правде, Шадизар стоило бы назвать «Городом Причудливых Обстоятельств». Упомя-



нутые обстоятельства порой сплетались в столь диковинную цепь, что приходилось изрядно постараться, дабы определить конец и начало этой цепи, не говоря уж о причинах, в силу которых возникало то или иное звено событий.

Вряд ли кому пришло в голову связать между собой ряд мелких происшествий, имевших место на протяжении трех последних дней в разных городских кварталах.

Скажем, что может быть общего между пребывающей в крайне расстроенных чувствах содержательницей процветающего веселого дома и заурядным уличным воришкой, между парочкой охотников за старинными рукописями и практикующим кофским волшебником, между предсказательницей будущего и вышибалой в средней руки таверне?

Между тем кое-что общее у этих личностей имелось. Место проживания — таверна «Уютная нора» в Третьем Обманном переулке квартала Нарикано. Небольшой постоялый двор, черепичная крыша коего дала этим летом приют незаурядному (но, если придерживаться строгой буквы закона, преступному) сообществу на вольных хлебах.

Верховодил в компании Джай Сигдим по прозвищу Проныра, в таверне хозяйничала бывшая наемница на покое, бритунийка Лорна, и до последнего времени дела шайки были вполне благополучны.

Если бы не стечение обстоятельств... Ох уж эти обстоятельства!



Камешком, сдвинувшим лавину, послужил невинный с виду хрустальный флакон, заполненный ярко-оранжевой жидкостью и издавна напоминавший созревший плод апельсинового дерева. Флакончик оказался в руках карманника Ши Шелама, испытывавшего порой прямо-таки непреодолимую тягу к розыгрышам и пытавшегося из любой ситуации извлечь хоть какую-то выгоду.

Итогом его предприимчивости стало соглашение с госпожой Кэто Сувейбой, владелицей борделя «Алмазный водопад», также желавшей запустить флакон с удивительным зельем. Ши и двое его друзей — Джай Проныра и асир Райгарх, вышибала «Уютной норы» — провели не самую худшую из ночей в «Водопаде», не заплатив за сие увеселение ни единого медного кафара.

Однако госпожа Сувейба не поучила желаемого — Ши подсунул ей наскоро состряпанную подделку, обладавшую таким же цветом и вкусом.

На следующий день обман раскрылся. Причем во всей неприглядной очевидности — прекрасная Кэто лишилась своих золотисто-рыжеватых кос, покрылась чешуей и стала напоминать гигантскую ящерину.

Неудивительно, что госпожа Сувейба впала в ярость. Будучи накоротке с магическим искусством, она пожелала надолго испортить жизнь своим обидчикам.

Возмездие не заставило себя ждать: Ши превратился в девушку Шеллу, Райгарх перестал



обращать внимание на женщин и обратил свой взгляд на созданий своего же пола... Что до Джая, то Проныра просто исчез. Вышел из занимаемой им комнаты на втором этаже таверны и сгинул.

В тот миг никто не обратил внимания на это странное обстоятельство. У компании из «Уютной норы» хватало иных забот. Например, Хисс и его подружка Кэрли — дружная парочка, промышлявшая розысками и перепродажей старинных книг — который день металась по городу в поисках исчезнувшего неведомо куда фолианта в черной кожаной обложке. Нынешней ночью они забрались в дом колдуна Рилеранса, прослышав, что в его библиотеке имеется нечто похожее, и едва не стали добычей охранявшей усадьбу стражи. Хисс и Кэрли сумели удрасть, прихватив с собой несколько рукописей, но являлась хоть одна требуемой — этого они пока сказать не могли...



Глава 1

Песчаная скрижаль



сталась последняя, — сказала Кэрли. Голос у нее внезапно осип, и слова прозвучали неразборчиво. Девушка откашлялась и повторила четче: — Последняя. Будешь открывать?

Хисс провел пальцами по заскорузлой обложке книги, при дневном свете приобретшей зеленоватый оттенок, и ничего не ответил. Кэрли терпеливо ждала, понимая, что в таком деле то ропить приятеля не следует.

Они сидели в крохотном садике на задворках «Уютной норы», перед ними на столике из бамбуковых жердин красовалась разложенная сегоднешняя добыча, и настроение у обоих было прескверным.

Из семи книг — больших фолиантов в черных кожаных обложках — ни одна не подходила под описание разыскиваемой. Леуком рукописи.



Хиссу и Кэрли достались созданный полторы сотни лет назад редчайший список второго тома «Психургической некромантии и обрядовой символики» стигийского мага Аззорета, «Иероглифика мистерий Ктеис» кого-то из учеников или последователей Склоса, считавшиеся безнадежно утерянными лет тридцать тому «Начала ономастики» Харконна Кофийского, два отлично выполненных bestiaria кхитайской работы, потраченные записки какого-то неведомого исследователя Черных Королевств и еще много иных пергаментных раритетов, кои по достоинству оценит высокочудное и предприимчивое общество книголюбцев с улицы Ишлаз.

Однако трактат на старокофийском под названием «Россыпь сочных песчинок» просочился у компаньонов сквозь пальцы.

У Кэрли еще оставалась робкая надежда, что заполученный с такими сложностями том из шкафа с ловушками не обманет их ожиданий. Он так внушительно выглядел, так поблескивал стертой бронзой по углам накладок! Он просто обязан оказаться чем-нибудь потрясающим, иначе все их ночные мучения и последующая беготня с прятками по рассветным улицам Шадизара идут псу под хвост.

Побегать им пришлось изрядно. Рилеранс не собирался так запросто расставаться с наглецами, сунувшимися в его библиотеку, и пустил по их следам целую маленькую армию из стражников вкупе с кофийскими бойцовыми псами. От собак молодые люди отделались возле дома



старшины цеха мясников Пайгута — на его дворе обитало с три десятка жутких тварей, больше смахивающих на голодную волчью стаю, чем на мирных четвероногих друзей человека. Заслышав крики и лай, Пайгутова свора вылетела из ворот и радостно набросилась на противника, не различая правых и виноватых, преследователей и убегающих.

Хисс и Кэрли вовремя взобрались на крышу соседнего дома, с чувством выполненного долга полюбовались на вспыхнувшее побоище и отправились восвояси — к одной неприметной таверне, стоящей в Третьем Обманном переулке квартала Нарикано. Туда они добрались без приключений, убедились, что большая часть слуг и постояльцев еще спит, кое-кто отсутствует, развлекаясь в городе, и обосновались в садовой беседке. Местечко тихое, прохладное, наполненное сухим шелестом выгоревших листьев. Драгоценный белый шиповник Лорны отцвел с луну назад, тавернщица дотошно собрала в мешок все лепестки до единого, утверждая, будто знает рецепт особой бритунийской настойки — глотнешь и умрешь счастливым. Компания на всякий случай не поверила и с нетерпением ждала, когда хозяйка выполнит свое обещание.

Загадочная книга лежала поверх зеленоватокремовых ребристых стеблей кхитайского деревца и, как положено рукописи, хранила упорное молчание. Хисс пристально смотрел на нее, словно пытался силой взгляда преодолеть толстую кожу обложки и добраться до строчек на



желтоватых листах пергамента. Кэрли не выдержала и легонько толкнула его локтем — открывай, не томи!

На свет появился короткий нож с рукоятью черного дерева. Слегка изогнутое лезвие во второй раз подцепило верхнюю бронзовую застежку, изображавшую леопарда в прыжке, и откинуло ее в сторону. Раздался еле слышный щелчок.

Хисс справился с нижним зажимом, приподнял тяжелую обложку (Кэрли затаила дыхание, прикусив кончик языка)... и вдруг выпустил ее из рук.

— Открывай ты, — молодой человек резко повернулся к напарнице. — Мне... как-то не по себе.

— А... я тоже боюсь, — робко заикнулась девушка, но любопытство пересилило. Она аккуратно распахнула книгу (оковка переплета глухо стукнула по дереву) и с жадным нетерпением уставилась на первый лист, где обычно переписчики разноцветными буквами выводили заглавие.

Листа не существовало. Кто-то яростно выдрал его из книги, оставив разлохмаченную кромку. Пропал и первый десяток страниц, тоже оторванных, что называется, «с мясом».

— Кхм, — Кэрли озадаченно наклонила голову и покрутила спускавшийся с виска каштановый локон. — Кто-то настолько не любил чтение? Или ему не понравилось содержание?

— Листай дальше, — здраво решил Хисс.



Девушка послушно переложила справа налево несколько пустых листов и обрадованно зацокала языком, наткнувшись на выведенные быстрым косым почерком строки. Писавший явно торопился, потому что буквы налезали друг на друга, текст перекашивался то влево, то вправо, украшался кляксами, разводами и жирными зачеркиваниями. На полях кое-где скалились размашисто нарисованные морды хищных зверей и черепа.

— Чьи-то личные записи, — уверенно заявила Кэрли и, прищурившись, внимательно вгляделась в строчки. — Немедийский язык, только самую каплю устаревший. Так, наверно, писали и выражались лет с полсотни назад. Может, это и есть, что нам нужно?

— «Удивительный случай, — медленно проговорил Хисс, разбирая хитросплетения незнакомого почерка. — Девчонка, помещенная в сухой колодец, продолжает оставаться в живых. Видно, сыграло роль низкое происхождение, дарующее поразительную выносливость. Девчонка не кричит — неужели умудрилась ничего не сломать при падении? Распорядился спустить ей еды и воды. Посмотрим, нельзя ли обернуть сие досадное происшествие на пользу. Допустим, определить степень живучести этой особы...»

— Чего? — оторопела Кэрли, выслушав. — Хисс, я ничего не понимаю!

Ее приятель торопливо пролистнул с пятюк страниц, остановился на проведенной вдоль среза листа волнистой черте и вполголоса прочел:



— «...Такая досада — пришлось расстаться с Эскель! Она была самой хорошенькой, продолжая оставаться миловидной посейчас, спустя три дня. Своеобразно миловидной, ибо хранение тела на леднике ненадолго спасает его от прикосновения смерти. Придется немедленно начать балъзамирование. Ее очаровательная головка займет достойное место в сокровищнице. Да, чуть не забыл! Девчонка из колодца (ее, как выяснилось, зовут Мирна) пыталась сбежать, выбравшись по скинутой кем-то веревке. Поймана на Закатном холме и приведена обратно. Новая головная боль — выяснять, кто был сообщником. Мирну до выяснения обстоятельств — в нижний подвал вместе с животными. Там ей самое место. Маленькая, хитрая, грязная тварь...»

Кэрли неожиданно протянула руку, распахнув книгу почти на середине, наклонилась и очень спокойным голосом произнесла попавшийся ей на глаза отрывок:

— «...Оддир (на вид — десяти лет, сам точно не знает) и Тала по прозвищу Козочка (двенадцати лет, для своего возраста на удивление хорошо развита и сообразительна). Мальчишка похож на мышонка — пищит, хнычет, просится домой, пугается темноты и громких звуков. После поселения в клетку впал в непрекращающуюся истерику. Годится только на кухню, к празднеству начала осенней охоты.

Тала испробована в качестве прислужницы. Первые два раза много кричала, выказывала сопротивление, прикидывалась безумной и хотела



повеситься на шнуре от балдахина. После надлежащего внушения успокоилась и начала относиться к своим обязанностям с подобающим рвением. К началу зимы вполне сможет заменить столь неудачно потерянную незабвенную Эскель...» — Кэрли поперхнулась и растерянно спросила: — Кому это принадлежало, Хисс? Кто это писал? Зачем? О чем? Это вымысел? Страшная сказка, бредни выжившего из ума писаки?

— Именно что выжившего, — Хисс захлопнул книгу и брезгливо оттолкнул ее подальше, словно фолиант мог его укусить. — Пока ты читала, я вспомнил и сообразил. Эта история случилась лет за двадцать до того, как нас с тобой угораздило появиться на свет. Ты наверняка слышала это имя — Рюциль из Айгена. Да слышала, слышала, о нем до сих пор говорят шепотом!

— Рюциль Людоед, — Кэрли заерзала, отодвигаясь подальше от мирно лежащей рукописи. — Рюциль Немедиец, глава дворянства в графстве Айген. Рюциль Шилале, считавшийся образчиком немедийского рыцарского духа. Рюциль — убийца детей, чернокнижник, алхимик и кто он там еще... Помнится, когда открылась правда о том, чем занимается в подвалах своего имениа месьюр Рюциль, тогдашний король Немедии даже не решился собирать суд Высшей Палаты и выносить это дело на общее обсуждение. Замок Шилале окружила королевская гвардия, его взяли штурмом за одну ночь и сожгли всех, кто там находился — владельца, его родственников, друзей, стражей, слуг и даже тех, кто



оставался в подвалах. Чтобы ни одна живая душа не разнесла слухов по стране. Народу и дворянству объявили, будто в замке началась чума. Шилале потом срыли до основания, место перепахали и засыпали солью. Король Вюртель, как я слышала, до конца жизни обвинял себя в том, что допустил резню в Айгене, но, мол, иного выхода не существовало. Получается... — Кэрли дотронулась до края обложки, тут же отдернув палец, словно обожглась, — у нас тут нечто вроде дневника Рюцциля? Как он мог уцелеть?

— Подделка? — Хисс неохотно потер между пальцами края листов, всмотрелся в слегка выцветшие чернила и решил: — Не исключено. Однако подделка, сработанная во времена жизни Рюцциля, возможно, сразу после его смерти. Пергамент старой выделки, и начертания букв тоже не нынешние.

— Интересно, что случилось с мальчиком Оддиром? — вполголоса, обращаясь к самой себе, поинтересовалась Кэрли.

— Съели его на пиру в честь начала охотничьего сезона, — огрызнулся Хисс. — Под видом молочного поросенка с яблоками или годовалого ягненка в винном соусе. Что еще с ним могло случиться? Рюцциль, если верить легендам, любил подавать ничего не подозревающим гостям такие блюда. Потом, когда Шилале уничтожили, многие из бывших друзей месьора Рюцциля давали зарок до конца жизни не есть мяса или, вспомнив его изысканные обеды, незамысловато лезли в петлю головой.



— Тьфу на тебя! — девушка быстро отвернулась, прижала руку ко рту и сдавленно закашляла. Отдышавшись, спросила: — И что предлагаешь делать... с этим? Продать поскорее?

— Продавать мы ее не станем, — после некоторого тягостного размышления проговорил молодой человек. — Конечно, мы могли бы выручить за нее оч-чень даже кругленькую сумму, только... Зря мы ее утащили. Есть вещи, которыми лучше лежать спокойно за семью замками.

— Тогда сжечь! — азартно предложила Кэрли. — Гикол наверняка уже растопил большой очаг, сунем в пламя — и дело с концом!

Хисс посмотрел на коварную книгу, уделил внимание небу, постепенно заполнявшемуся вылинявшей голубизной, и окрестным кустам. Кэрли, скрывая нетерпение, выкопала каблуками сандалий под столом две глубоких борозды.

— Мы ее спрячем, — твердо сказал Хисс. — Когда суматоха уляжется, сядем еще разок и как следует подумаем. Ты будешь смеяться, но мне начинает казаться, будто самое лучшее — подбросить книгу обратно к дому Рилеранса. Пусть подавится, коли ему так правится перечитывать на сон грядущий всяческие ужасы.

Кэрли нахмурилась, решая. Предложение компаньона выглядело разумным. Сейчас не до дневников сумасшедшего убийцы, жившего с полвека назад.

— Хорошо, — согласилась она. — Где будем прятать? К нашим услугам тайник на чердаке, два — в саду, три или четыре укромных местеч-



ка в таверне, и еще с десятков захоронок во владениях наших разнообразных знакомых, вряд ли подозревающих об этом. Кстати, как полагаешь, мы должны рассказать о нашем сомнительном сокровище Джаю... или Аластору?

— Вообще-то не помешало... — задумчиво протянул Хисс, но договорить не сумел. Над головами компаньонов хлопнуло открывающееся окно, из него появилась взъерошенная голова Джая и сердито осведомилась:

— Где вас демоны носили целую ночь? И, если приспичило секретничать, говорили бы тише. Вопли разносятся на полгорода! С кем вас угораздило сцепиться? Хотя погодите, я сейчас спущусь. Вина принести?

— И раздобудь поесть чего-нибудь, — попросила Кэрли.

— Угу, — Джай кивнул и скрылся в темном проеме, занавешенном туранским ковриком с вышитыми на нем птицами крайне беспечного вида.

* * *

До Хисса и Кэрли долетели поскрипывание половиц под тяжестью шагов, обыденная возня поспешно собирающегося человека и стук захлопывающейся двери. Приятели ждали. Хисс, поборов отвращение, дотянулся до книги в черном переплете и неприяженно перевернул страницы, остановившись где-то на середине. Наткнувшись на картинку, наглядно показывавшую спо-



собы расчленения человеческого трупа, он скринулся и захлопнул фолиант.

— Я бы успела добежать до Карпашских ворот и вернуться обратно, пока Джай изволит спускаться по лестнице, — недовольно бросила Кэрли. Приятели подождали еще немного, но предводитель шайки из таверны «Уютная нора» не показывался. Хисс недоуменно пожал плечами и встал:

— Наверное, зацепился языками с Лорной. Расскажем ему попозже. Пошли, я придумал, где укрыть книгу. Потом прогуляемся в город, послушаем, что носится в воздухе. Заодно перекусим и навестим Ишлаз.

Тайник, выбранный Хиссом, около года назад соорудили Ши, он сам и Кэрли. Он представлял из себя небольшой деревянный сундучок, пропитанный для лучшей сохранности купленным в гномском квартале особым составом из смолы, растертых в порошок камней и настоев каких-то трав. Сундучок вкопали в землю под корнями особенно густо разросшегося барбарисового куста, изо всех сил стараясь не повредить растение. На крышке уложили пласт дерна, поросший мелкими цветами камнеломки. Знающему человеку достаточно потянуть укрытую в определенном месте тонкую цепь, чтобы крохотный кусок лужайки приподнялся и сдвинулся в сторону, открывая доступ к сундуку.

К нынешнему дню в нем хранились резная вендийская шкатулка (к сожалению, пустая) и набор фальшивых печатей гильдии оружейников



Бельверуса. К ним присоединилась завернутая в лоскут вытершегося красного бархата толстая книга. Остальные фолианты Хисс и Кэрли схоронили в другом секрете, прятаясь рядом с вечно полуразвалившейся поленницей и надежно замаскированным россыпями опилок.

Две книги, кхитайский сборник с изображениями диковинных животных и «Начала ономастики», Хисс прихватил с собой, намереваясь сегодня же продать их кому-нибудь из торговцев рукописями с Ишлаза, дабы возместить расходы компаньонов.

Джай не появился. Для очистки совести компаньоны заглянули в таверну, где наткнулись на Ферузу и громогласно распоряжавшуюся в кухне Лорну.

— Ты Проныру не видела? — вопрос Хисса отвлек гадалку от ежеутреннего колдовства над чашками, кувшином горячей воды и лакированной коробочкой, наполненной мелко нарезанными лепестками ярко-красных цветов. Феруза готовила из них старинный туранский напиток, пить который могли немногие, в том числе она сама, Джай и, как ни странно, Райгарх.

— Вечером был здесь, — предсказательница по-кошачьи зевнула, вежливо прикрыв рот широким рукавом халата. — Разве не его голос только что доносился сверху?

— Его, — подтвердил Хисс. — Он обещал спуститься, но застрял по дороге.

— Проще всего сходить и глянуть, где он прохлаждается, — вмешалась Кэрли и, превра-



щая слова в дела, взбежала на второй этаж постоянного двора.

Феруза принялась заливать сложенные в глиняную чашку лепестки тонкой струйкой кипятка, и по обеденной зале таверны поплыл горьковато-острый запах летней степи. Хисс принюхался и звонко чихнул. Гадалка тихонько рассмеялась, тряхнув распушенными рыже-золотистыми локонами.

— Его нету, — свесилась через перила лепившейся к стенам большого зала галереи Кэрли. Озадаченно развела руками и добавила: — Комната стоит нараспашку... ну, а Джай точно испарился.

— Наверное, спустился по другой лестнице, — предположила туранка. Глянула на слегка обеспокоенных Хисса с Кэрли и поинтересовалась: — Вам срочно нужно куда-то убежать? Хотите, я передам ему, что вы торопились и не смогли дождаться?

— Идет, — согласилась Кэрли. — Пусть в следующий раз пошевеливается.

Компаньоны исчезли быстрее, чем гадалка успела сделать первый глоток из своей чашки. Феруза неспешно пила сладковатый настой, размышляя над тем, куда могло занести не ночевавшего сегодня в «Норе» Малыша. Мальчик из варварской страны как-то подозрительно быстро усваивал неписанные городские законы. Ши (или Джай?) сплетничал, будто Малыш уже обзавелся симпатичной приятельницей, и Феруза от души надеялась, что незнакомка не навлечет на лох-



матую и не слишком осмотрительную голову Медвежонка каких-нибудь неприятностей.

Потихоньку гадалка радовалась, что тогда, почти две луны назад, не ошиблась в выборе и сумела настоять на своем. Компания из «Норы» — лучшее среди худшего, что мог подбросить мальчику суматошный, яркий и обманчивый Шадизар. Малыш скоро научится его порядкам и... Любопытно, что ждет его потом? Феруза как-то пыталась спросить у тарока о дальнейшей судьбе Конана, но получила те же символы, что и в первые дни знакомства. Меч, перечеркнутый двумя молниями. Уходящая за горизонт дорога. Протянутые друг к другу ладони. Сверкающая чаша в женской руке. Замок на скале. Рассыпанные монеты. Войны, вечное странствие за недостижимой целью, друзья, приключения, женщины, утекающее сквозь пальцы золото. Тарок прав — мальчишка рожден для чего угодно, кроме мирной жизни и пребывания на одном месте.

От Малыша мысли Ферузы плавно перешли на принесенного им на постоялый двор диковинного зверя пекудо в желтоватой чешуе. Зверек, освоившись, начал вести себя непринужденно и нахально — подкапывался под стены, кусал за ноги гостей и прислугу, не успевших вовремя убраться с его пути, задушил одного из Лорниных цыплят, но, ко всеобщему восторгу, ловко ловил мышей и крыс. Добычу пекудо не ел, а рядом выкладывал возле крыльца. Лорна, видя с утра эдакие подношения, только вздыхала.



Гадалка наведлась на кухню, где хозяйка обнаружила недостачу трех телячьих окороков и вовсю препиралась со слугами — отыскивала чистую миску, в которую незамедлительно полетели кусочки мяса, разбитое яйцо и остатки зелени. Вернувшись в зал, Феруза присела в углу, тихо постукивая согнутым пальцем по краю миски и зоя: «Пушок, Пушок, ты где?»

Зверек выкатился откуда-то из-под лестницы, сунулся в миску вытянутой мордой, фыркнул и с аппетитом зачавкал, разбрызгивая вокруг белые капли. Феруза нерешительно погладила его по закованной в броню спине, гадая, куда мог подеваться Джай. Ему давно пора объявиться в таверне и потребовать завтрака...

Вместо Проныры в зал спустился проснувшийся Аластор, и Феруза очень быстро напрочь позабыла о своих тревогах. К тому же она собиралась сегодня нанести визит к одной не слишком знатной, но богатой даме, желавшей наилучшим способом устроить свое будущее, а идти туда надо на другой конце города, и туранка совершенно не собиралась проделывать долгий путь в одиночестве.

* * *

Забдар, владелец книжной лавки в начале улицы Ишлаз, оценил принесенный Хиссом и Кэрли фолиант кхитайской работы в восемьдесят империалов. После ожесточенной торговли цена выросла до ста двадцати, но, выйдя из лав-



ки, Хисс продолжал ворчать, призывая в свидетели всех богов и утверждая, будто продешевил и за книгу вполне можно было выручить сто пятьдесят замечательных золотых кругляшков, украшенных хитросплетениями туранской вязи и изображением трех слегка изогнутых сабель. Кэрли вполголоса обозвала приятеля Верховным Жабопоклонником. Это подействовало — Хисс опомнился, пробормотав: «О чем бишь я?..»

Торговца Забдара наверняка интересовало происхождение расписанного золотом и кроваво-красной киноварью bestiaria, однако он смог удержаться от расспросов, ехидно бросив на прощание: «Никак дряхлая бабушка оставила в наследство?» «Бабушкиным», «теткиным» или «дедушкиным наследством» именовали любую ценную вещь, происхождение которой владелец предпочитал держать в тайне.

— Куда теперь? — безнадежно спросила Кэрли, когда парочка компаньонов выбралась на Ишлаз и зашагала вниз по склону холма. — Столько бегали, высунув язык, а книги не нашли.

— Займемся библиотеками при храмах, — как можно увереннее ответил компаньон.

— Так нас туда и пустили, — недоверчиво фыркнула девушка. — Жрецы, как и колдуны, слишком дорожат своими секретами и книгохранилищами, чтобы распаивать их для каких-то уличных проходимцев.

— Допустим, не проходимцев, — оскорбился Хисс. — Я знаю кое-кого из служителей при хра-



ме Митры, которые ценят золото не меньше нас, грешных...

— Опять копаться в пыльных архивах? — Кэрли подхватила юбки и нарочито потрясла ими, словно выбивая из складок упомянутую пыль, долженствующую закружиться вокруг нее серым облаком.

— Предложи что-нибудь другое, — раздраженно откликнулся ее спутник. — Нет, коли тебе надоела возня с книгами, мы можем пойти в «Цветок папируса», отыскать этого Леука и заявить, что работа нам не по силам. Само собой, придется вернуть задаток, а уж какие слухи о нас пойдут — сама сообразишь!..

— Я просто имела в виду, что мы поразительно смахиваем на книжных червей или двух злых библиотечных крыс, — примирительно сказала девушка. — Вместо того, чтобы напрасно кричать друг на друга, пойдем где-нибудь перекусим. Мы наверняка что-нибудь придумаем и отыщем эту треклятую книжку, только я есть хочу. А когда я хочу есть — я ничего толком не соображаю.

— Я согласен, — кивнул Хисс. — Выбирай, какую таверну мы осчастливим нашим присутствием?

Компаньоны огляделись по сторонам. Им не повезло — в этот ранний час на глаза не попалось ни одной гостеприимно распахнутой двери. Только на перекрестке возился около тележки, перебирая свежиспеченный товар, торговец лепешками.



— Самая свежая крольчатина! — Кэрли заунывно передразнила обычные выкрики уличных торговцев, и ехидно добавила: — Только вчера мяукала. Возьмем на пробу, авось, не отравимся?

Пирожки, согласно шадизарским традициям, обильно начиненные мясом, кусочками сыра и колбасы, щедро пересыпанные горстями пряностей и залитые соусом, иногда вызывали рвоту не только у непривычных гостей Города Воров, но и его коренных обитателей, способных съесть что угодно и в каком угодно виде. Хиссу и Кэрли повезло. Их покупка казалась на вид вполне приемлемой для желудка и даже — о чудо из чудес! — была завернута в кулек, лихо свернутый торговцем из извлеченного из-под прилавка небрежно оторванного листа пергамента.

— Хорошие манеры проникают даже в наш пропащий городишко, — высокопарно изрекла Кэрли, облизывая пальцы и указывая на пергаментный кулек. — Интересно только, какой несчастный труд завершил свою жизнь, ставместищем для презренной пищи?

— Это просто пустой листок, — Хисс развернул хрустящий сверток, заляпанный пятнами жира, и показал с обеих сторон напарнице. — На нем ничего не написано. Кэрли Бар-Азарак, поделись тайной — где ты научилась столь изысканно выражаться? «Презренная пища», надо же!

— Ой, — сдавленно пискнула девушка и, наклонив голову, подозрительно вгляделась в желтоватый обрывок телячьей шкурки.



— Что «ой»? — не понял Хисс.

— Мне показалось... — растерянно начала Кэрли и перебила сама себя: — Нет, не показалось! Смотри!

Выхватив лист, она торжествующе ткнула в проглядывающие сквозь масляные лужицы строчки.

— Этого только что не было! А потом появилось!

— Да? — Хисс наклонил лист так, чтобы на него падало побольше солнечного света. Верная боевая подруга не ошиблась: кое-где на пергаменте (видимо, под воздействием солнца) проступил текст, выполненный безукоризненной рукой опытного писца. Для записи использовались буквы общепринятого на Полуденном Побережье шемского алфавита, похожие на россыпь хитро выполненных крючков, закорючек и петель.

Приятель озадаченно переглянулись и нагнулись над листом.

Ближе к верхнему срезу страницы, там, где обычно размещается название новой главы, красовалась размашисто выполненная желтой и оранжевой красками надпись: «Кэтерлин-Нирена Бар-Азарак».

— Эй, это ведь мое полное имя! — ошарашено пробормотала Кэрли.

Дальше шли разрозненные обрывки строк и отдельные слова: «На Полуденном Побережье в году Белой Собаки», «так хотела стать чем-то большим», «мир за пределами крохотной дерев-



ни Кемпаль, где самым значительным событием в году полагали...» и отчетливо различимая длинная фраза: «Теперь она уверена, что прошлое никогда не вернется и ее надежды рано или поздно сбудутся. Во всяком случае, она собирается приложить для этого все возможные усилия».

— Кемпаль — это где? — чуть заплетающимся языком спросил Хисс. Его приятельница, выглядевшая почему-то слегка испуганной и съевшейся, судорожно дернула плечом, прежде чем ответить:

— Самая обычная рыбацкая деревушка, от Асгалуна тридцать лиг вдоль побережья Закатного Океана к полуночи. Провинция и глухомань, где меня угораздило появиться на свет. Когда мне стукнуло четырнадцать лет, я сбежала оттуда и отправилась поискать счастья в столице... — она трянула головой, приходя в себя, вцепилась в листок пергамента и яростно прошипела: — Откуда кому-то может быть известна моя жизнь?

— Тихо, тихо, — Хисс осторожно забрал у явно потерявшей голову девушки драгоценный лист, а саму Кэрли толкнул в образованный стенами высокого забора закуток, дабы ее крики не привлекли постороннего внимания. — Для начала постарайся успокоиться. Ты заметила, что сперва листок был совершенно чистым? Слова появились только после того, как я назвал тебя вслух. Что случится, если произнести еще чье-нибудь имя? Например...



— ...Лорна! — выпалила Кэрли и жадно уставилась на потрепанный кусочек пергамента.

Шемские буквы словно подернулись тонким налетом серо-золотистого песка. Он засыпал предыдущий текст, закрутился крохотными воронками, на краткое мгновение имя Кэрли сменилось иным, выведенным резкими штрихами бритунийской грамоты: «Лоркана, дочь Хедда, из семьи...», затем лист свернулся в трубочку и рассыпался пригоршней мелкого шелестящего праха.

— Почему ты назвала Лорну? — Хисс бездумно отряхнул ладони.

— В голову пришло, — Кэрли чуть расширенными глазами, в которых мелькали искорки рассеянного безумия, следила за тем, как крохотный холмик песка разлетается по улице под порывами легкого ветра.

— Стой здесь! — распорядился Хисс и, прячась за выступами стен, устремился к ничего не подозревавшему торговцу пирожками, расхваливающему свой товар. Возник у него за спиной, присмотрелся к чему-то и вернулся обратно, доложив:

— В повозке спрятан здоровенный том. Наш приятель выдирает из него листы и вертит из них кульки.

— Мы должны его увидеть! — непререкаемым тоном заявила Кэрли и попыталась вырваться из своего убежища. Хисс мягко запихал ее обратно.

— Ты что, намерена подойти и сказать: «Почтенный, дай-ка мне ту книжечку, что лежит у



тебя под прилавком?» — язвительно спросил он. — А потом закричишь: «Даю сто золотых, только продай ее мне!». Тут и скорбный рассудком догадается, что книга, за которую с легкостью отдадут сотню империалов, вполне может стоить и сто пятьдесят, и пятьсот, и сколько угодно.

— Тогда как нам быть? — Кэрли преданно взглянула на напарника, зная, с какой легкостью в его изобретательной голове рождаются замыслы обвещения ближних своих вокруг пальца.

— Причешись. Выпрямись. Поправь юбку, — распорядился Хисс. — Ты... — он задумался, потом размахисто кивнул. — Ты Юнра Тавилау, дочка Аземы Тавилау, главы книготорговой гильдии Шадизара, запомнила? Старого Азему знают все, хотя бы понаслышке.

— Юнра Тавилау, — послушно повторила Кэрли. — Дальше что?

— Дальше ты идешь к лавке, покупаешь пирожок, с отвращением грызешь его и между делом заводишь вежливый разговор о том, почему это уважаемый торговец настолько не испытывает трепета перед рукописями, что заворачивает в них свои дурно сляпанные лепешки. Заставь его показать тебе книгу, которую он прячет под прилавком. Если боится, пусть показывает, не выпуская из рук. Ты внимательно посмотришь, выразительно ахнешь и скажешь, что, возможно, это легендарный седьмой том «Исторических заметок» Фивана Герия Аквилонского, но ты не



уверена. Вот если бы книгу увидел твой высокоученый папочка... Плети какую хочешь чулуху, главное — вымани его с улицы вон в тот проулок.

— И?

— И будь готова в случае чего бежать быстро и далеко.

— Уж это тонкое искусство я давно освоила, — вздохнула Кэрли.

* * *

Торговца пирожками звали Мизиль. Читать он не умел, считать — ровно до тридцати, ибо его выручка никогда не превышала этой скромной суммы, про Азему с Ишпаза слышал от своего двоюродного брата, водоноса на Каменном Рынке, и свято чтит Первый закон Шадизара — «никому не доверяй».

Впрочем, Юнра Тавилау выглядела безобидной девицей, слегка помешанной на книгах, и в своих речах была весьма убедительна. От волнения она постоянно теребила вырез блузки, без того превышающий обычные представления о скромности, и Мизиль со смешком подумал, что месьор Тавилау, должно быть, не слишком озабочен надлежащим воспитанием дочери.

Однако при своей неграмотности Мизиль не мог пожаловаться на отсутствие здравого смысла. В этой книге, которой так интересуется молодая госпожа, ровным счетом ничего не написано. Да-да, можете сами посмотреть и убедиться. Со-



вершенно пустая книга. Где он ее взял? Странная такая история приключилась. Хотите пирожок? С черносливом? Или лучше с изюмом?

Так вот, книгу эту Мизиль честно купил ровно за пять серебряных монет у свояка, что служит в таможенной охране на Карпашских воротах. К свояку же книжка угодила вовсе диковинным промыслом.

Слышали, недавно задержали гномский караван, под завязку наполненный краденым людским добром? Сваяк как раз в карауле стоял, когда это все происходило. Пока то, пока се, господин верховный дознаватель бегают, распоряжается, гномы вопят, кого-то ловят, фургоны досматривают, стражники, не будь дураки, прихватили себе кое-чего по мелочи. Сваяк вот сцапал вазочку чеканного серебра, кинжал кривой, с бирюзовыми накладками, и вот эту книгу. Думал продать кому-нибудь на Ишлазе. Глянь — в книге-то одни пустые странички. Кто такую возьмет? Разве что Мизиль, пирожки заворачивать. Жалко, конечно, хорошую вещь не надлежащим образом использовать.

Обложка наверняка старинная — кожа черная, потрескавшаяся, и замочки бронзовые позеленели. Но кульки из страниц накручиваются просто замечательно — пергамент хороший, плотный...

Поскольку Мизиль напроць не желал покидать уютное место за тачкой с пирожками, в действие вступил план, условно называемый «Помогите заблудшему».



Кто-то хлопнул увлеченно рассуждавшего торговца по плечу. Некий житель славного города Шадизара заплутал в квартале Сахиль и желал бы узнать, где находится Кривоколенный переулок. Мизиль и Кэрли, перебивая друг друга, принялись объяснять. К ним немедленно присоединились проходивший мимо медник, старьевщик с полной корзиной тряпья, мальчишка-посыльный и торговка яблоками.

Когда же шумный спор завершился и его участники разошлись, Юнра Тавилау ушла своей дорогой, искавший дорогу незнакомец — своей. Мизиль покотил тележку дальше, но, намереваясь обслужить очередного покупателя, внезапно обнаружил, что толстая книга в черном переплете претерпела чудесные изменения. Теперь ее от начала до конца заполнял текст, перемежаемый непонятными картинками, изображениями пентаграмм и диковинных созданий. Мизиль поскреб в затылке, без труда догадавшись, что книгу подменили. Только зачем? Почему просто не украли?

Не найдя ответа, он следующим же вечером продал книгу с пентаграммами в книжную лавку на Ишлазе, выбрав ту, что казалась побогаче.

Книга стоила ровно сто золотых империалов. Мизиль никогда не видел и не держал в руках такой суммы, но распорядился ею вполне разумно — приобрел хлебную лавку, с намерением стать из презираемого уличного торговца достойным купцом.

Спустя пять лет он добился желаемого.



* * *

Застежки книги имели вид сомкнутых человеческих рук, и открывались без всяких усилий. Хисс пролистал книгу от начала до конца, убедившись, что торговец сказал чистую правду — на чуть шершавых страницах не имелось ни одной буквы, ни единой строчки. Только еле заметный мелкий песок, забившийся в переплет да порой слетающий с переворачиваемых страниц.

— Кэтерлин-Нирена Бар-Азарак, — отчетливо произнесла Кэрли, смотревшая через плечо приятеля.

Книга, лежавшая в развернутом виде на коленях у Хисса, зашелестела — еле различимый шорох пробегающего по выгоревшей сухой траве ветра. Страницы трепетали, медленно поднимаясь, изгибаясь и перекладываясь на другую сторону. Фолиант листал сам себя — от середины к концу, пока не остановился на нужном месте. Золотистые песчинки заплясали по изначально пустой странице, начавшей постепенно заполняться словами, словно кто-то невидимый старательно выписывал букву за буквой, фразу за фразой.

Компаньоны заворожено читали:

«Кэтерлин-Нирена Бар-Азарак. Родилась в третий день второй летней луны в шемской деревне Кемияль на Полуденном Побережье в году Белой Собаки, по аквилонскому же счету — в 1244. Рожденная в большой и не слишком процветающей семье, ненавидела две вещи — нужду



и безвестность, однако именно они неотступно преследовали ее в первые годы жизни. Ее ждала судьба всех деревенских девочек: хлопоты по дому, торговля на рыбном рынке, замужество с человеком, выбранным семьей, рождение детей, воспитание потомства и скорая смерть под грузом обыденных забот. Однако маленькая Кэтерлин-Нирена хотела стать чем-то большим, нежели ее приятельницы. Ее тянул к себе огромный мир за пределами крохотной деревни Кемияль, где самым значительным событием полагали ежегодную ярмарку в Дни Осеннего Прилива или поездку к родственникам в близлежащий городок Тариат.

В четырнадцать лет Кэтерлин-Нирена бежала из дома вместе с проезжим караваном, направлявшимся в Асгалун. Она сумела расположить к себе жену старшего караванщика и нанялась к ней служанкой. До пятнадцати лет Кэтерлин-Нирена (взявшая себе имя Нира) прожила в Асгалуне, учась всему, что положено знать благовоспитанной девице и надеясь обрести свое счастье в замужестве с состоятельным человеком. Так Нира познакомилась с Аборланом Бар-Инциком, приказчиком богатой торговой артели «Гамилькар», убедившим ее помочь в изготовлении поддельных заемных писем артели. Обманом получив сумму в двести сорок пять золотых шемских сиклей, Нира рассталась со своим поклонником, сменила имя, став девицей Линной, и в начале 1260 года по основанию Аквилонии открыла собственное дело...»



— Лавку по торговле тканями, — Кэрли протянула руку, звякнув медными браслетами и перелистав несколько страниц, — я продержалась ровно три луны, потом мой промысел прогорел. Я продала лавку и занялась поисками своего места в мире. Была содержанкой, нянькой у детей одной весьма милой дамы, шлюхой в портовой таверне, создательницей фальшивых векселей, подружкой аргосского корабельщика — он увез меня из Асгалуна в Мессантию — актрисой в уличном театре, воровкой... Сумела вместе с дружкой пристроиться служанкой во дворец, откуда мы стянули местную достопримечательность, санфир «Морская Дева», продали его зингарскому перекушнику, едва не попались и разбежались по разным странам...

Кэрли говорила все быстрее и быстрее, и Хисс понял, что сейчас его напарница либо закатиет истерику, либо ударится в горькие слезы по своей нескладной судьбе.

— Кому сейчас легко? — философски спросил он, прервав неожиданную исповедь девушки. — В конце концов, ты отчасти добилась своего. Ты не бедствуешь, тебя знают и уважают, у тебя даже есть друзья — чего еще желать?

— Ну... наверное, — растерянno согласилась Кэрли и опасливо покосилась на книгу.

— Не наверно, а точно! — убежденно заявил Хисс. — Поэтому не вздумай хныкать. Давай лучше посмотрим, что за чудо нам досталось.

Он распахнул фолиант на титульном листе — нетронутым, бледно-желтоватом — затем озада-



ченно почесал кончик носа и нерешительно спросил:

— А как зовут тебя? Именно тебя, книгу? Кто тебя написал?

По пергаменту с шорохом пронеслась неразличимая человеческим глазом волна, оставив после себя три броских слова, начерченных алыми и золотыми буквами: «Россыпь сочтенных песчинок». В нижней трети страницы возник искусно выполненный тонкими линиями рисунок — круг солнечных часов, стрелка в виде устремленного к небу меча, отбрасываемая ею золотая тень почти достигла полудня.

Кэрли шумно сглотнула.

— Я сплю, — шепотом произнесла она.

— И тебе снится кошмар, — поддержал Хисс. — Причем этот кошмар вижу и я. Хватит смелости спросить еще про кого-нибудь?

— Малыш, — брякнула девушка.

Книга осталась неподвижной.

— Не работает! — искренне огорчилась Кэрли.

— Может, ей нужно не прозвище, а настоящее имя? — предположил Хисс. — Как на самом деле зовут Малыша? Он говорил, какое-то короткое варварское имечко...

— Конан, — вспомнила девушка.

Страницы ожили, поспешно сменяя одна другую. Фолиант добрался по последней трети и замер. Невидимая рука густо обмакнула кисть в темно-синюю краску, выведя в начале листа буквы, похожие на нордхеймский рунический алфа-



вит, напоминавший набор прямых линий, перечеркнутых направленными в разные стороны ветвями. Из букв сложилось требуемое имя, «Конан Канах», затем заструился текст, написанный на аквилонском:

«Он родился в 1249 году в горах Киммерии, во время зимнего поволения, в маленьком, затерянном среди ущелий и долин селении Гленнах, в семье кузнеца. Его воспитателями были и остаются непогода, кулак и меч, а силой, толкающей вперед — собственное любопытство. Он стремится получить от мира все и готов платить за знание всем, что у него есть. Пройденная им дорога пока коротка, однако на ней уже нашлось место и смертям, и потерям, и победам, и поражениям. Сейчас он обитает в Шадизаре, и этот город станет для него местом начала новой жизни — яркой, как вспышка далекого костра в ночи.»

— Коротко и емко, — заметил Хисс. — Значит, Малышу действительно всего пятнадцать от роду. Однако тут почему-то не сказано, с какой радости он покинул свои родные горы и что с ним происходило, пока он не добрался до Шадизара.

— Значит, имелась веская причина, — отмахнулась Кэрли, вошедшая во вкус. — Давай попробуем еще разок! Похоже, в этой книге записано все про всех! Ну-ка... Кодо!

Незамедлительно выяснилось, что подлинное имя Ночного Кошмара — Коддрак Сиверн и ему ровно тридцать пять лет. Книга описывала Кодо как человека, пытающегося никому не показы-



вать своей внутренней сущности и старающегося казаться намного хуже, чем он есть. Перечислялись вершины, взятые Кодо по пути «наверх»: предводитель уличной шайки подростков, вышибала в таверне «Красный бык», охранник лавок на Каменном рынке, вначале приятель, затем помощник одного из людей Назирхата уль-Вади, нынче — глава маленького отряда по сбору налогов с жителей квартала Нарикано в пользу уль-Вади и правая рука старшины квартала. Также говорилось о том, что Кодо Ходячий Кошмар втайне от своего покровителя оказывает постоянную поддержку обществу «Друзья Нуждающихся» и на его средства содержится приют для брошенных детей, расположенный в квартале Сахиль, Нижний Боевский проезд, второй дом по правой стороне.

— Кодо и «Друзья Нуждающихся»? — Кэрли показалось, что ей изменило зрение. — Кодо и благотворительность? Никогда бы не подумала... Может, это он в память о бедном детстве?

— Жутковатое творение, — Хисс потянулся закрыть фолиант, но, не выдержав искушения, произнес: — Аластор!

«Аластор Кайлиени, появился на свет в 1238 году в Шеме, место рождения находится на караванной дороге между городами Шушан и Эрук. Мошенник по призванию, авантюрист по складу характера, вор — из тяги к острым ощущениям. Нынешнее место проживания — Шадизар», — неожиданно кратко отозвалась Книга. Незримый писец мгновение поразмыслил и добавил: —



«Честолюбив, азартен, одинок, мечтает обзавестись семьей, привязан к своим друзьям, имеет большой круг врагов, однако не мстителен».

— Немного, — с сожалением сказал Хисс. — Я-то рассчитывал узнать, каким образом он умудрился проникнуть в недостижимые кладовые торговых домов Ианты...

— Интересно, а если назвать имя человека, живущего не в Шадизаре, то каким тогда будет ответ? — задумчиво произнесла Кэрли. — Или, допустим, спросить про кого-нибудь, кто уже умер? Ой, как думаешь, что напишет Книга, если назвать имя кого-нибудь из богов? Давай попробуем!

— Не рискуй по пустякам, — нарочито сердитым тоном проворчал Хисс, однако неугомонная подружка уже наклонилась над Книгой, проговорив:

— Иштар!

Над страницами взмыл крохотный песчаный вихрь, сложившийся в ярко-красные, трепещущие пламенем буквы, наискось перечеркнувшие лист:

— «Никогда не задавай вопрос, если не уверена, сможешь ли осмыслить ответ!»

— Получила? — ядовито спросил Хисс, когда напарница, сдавленно вскрикнув, отпрянула назад. — Совершенно правильно сказано — не лезь туда, где ничего не смыслишь.

Кэрли обиженно надулась. Ее приятель задумчиво перебирал пустые листы, на самом деле хранившие в себе жизнеописания множества лю-



дей, и вполголоса напевал обрывок неведомо как запавшей ему в память песни:

Катись, моя кибитка,
По лезвию ножа.
Холщовая накидка,
Песчаная скрижаль.
Пока еще трубит призывно рог,
Пока что живы имена и лица,
Читайте в колеях больших дорог

Скрижалей наших пыльные страницы...*

— Хисс, — окликнула Кэрли, — как полагаешь, этот Леук — кто он такой? Колдун? Он ищет книгу для себя или для кого-то? Не содрать ли нам с него побольше, раз он такой богатый? Хисс? Что с тобой?..

Книга встрепенулась. С шорохом опадающих осенних листьев захлопали переворачивающиеся страницы, пока не открыли коричнево-зеленую надпись и строгие линии немедийских букв:

— «Хэлкарс Целлиг, седьмой барон Альстейнский.

Родился в двадцать восьмой день Первой весенней луны 1240 года в Альстейне, фамильном поместье, расположенном в краю Соленых Озер Немедии. С начала 1257 года находился в Бельверусе, служа при королевском дворе оруженосцем старшего брата. После рыцарского посвящения благодаря незаурядным способностям был

* Перевод А. Бочаровой.



замечен герцогом Лавароном, главой Вертрауэна, тайной немедийской службы, и перешел под его руку, став помощником хранителя Большого архива.

Весной 1261 года был уличен в прелюбодейской связи с графиней Ориенной ди Илькар и на поединке чести убил ее законного супруга. В это же время месьор Лаварон установил, что барон Целлиг, обремененный игорными долгами и содержанками, перепродает тайны Пятого Департамента аквилонским лазутчикам. Опасаясь мести герцога, Целлиг бежал на Восход, укрывшись в столице Заморийского протектората, городе Шадизаре. Там его дважды (третья осенняя луна 1261 года и первая зимняя луна 1262 года) настигали посланники Вертрауэна, от которых он сумел избавиться.

Летом 1261 года Суд Высшей Палаты приговорил Целлига к лишению права ношения герба и удалил его имя из списков немедийского дворянства. В настоящее время Хэлкарс Целлиг известен как мошенник Хисс Змеиный Язык».

— Это правда? — Кэрли растерянно моргнула. — Хисс, это правда?

— Совершеннейшая, — чужим, заledenевшим голосом отозвался Хисс. Он разжал руки и тяжелая книга упала, распластавшись на теплых камнях мостовой Шадизара. — От первого до последнего слова.



Глава 2

Храм неудачников



Во всем Шадизаре не нашлось бы человека несчастливее, чем неприметная с виду девица по имени Ильха Нираель. Она принадлежала к тем удивительно бесталанным созданиям, которым от рождения предугадано спотыкаться на ровном месте, опаздывать на любые встречи, пытаться входить в запертые двери и с лучшими побуждениями вступать в глупейшие истории.

У нее никогда не получалось довершить начатое до конца или толково выполнить порученное. Она и жизнь-то свою не могла наладить — вечно доверялась не тем людям, теряла чужие деньги, связывалась с заведомыми мошенниками и по неосторожности выбалтывала доверенные секреты. Она отчаянно старалась быть такой, как ее двоюродные сестренки, но проходил день-другой — и сшитое ею платье расплзалось по



швам, а выпеченный пирог оказывался несъедобным. Ее ставили за прилавок с фруктами — и обнаруживали недостачу, ибо девчонка либо отпускала в долг, либо путалась с расчетами. Сажали вышивать бисером, но нитки в ее руках тут же превращались в клубок змей, а бусины злонамеренно раскатывались по комнатам. Доверенные ее попечению соседские дети непременно обжирались зеленых груш или убегали со двора, оказываясь под колесами проезжавшей мимо телеги.

Ильха взидала на творимые ею разрушения в детстве — с тихим отчаянием, повзрослев — со смирением. Ни она сама, ни ее знакомые не могли понять, отчего девочку преследуют разнообразные несчастья. Воспитывавшая Ильху тетка со знанием дела утверждала, что у племянницы просто-напросто руки воткнуты не тем концом и голова набекрень. В точности как у покойной матушки. Не говоря уж про папашу, славного неизменными проигрышами в любые азартные игры — от простейших «трех скорлупок» до запутанного туранского ак-чиграка.

К совершеннолетию Ильхи семейство Нираель с горечью признало: оно породило истинную неудачницу. Неудачницу во всем, от хозяйственных дел до внешности. Природа вроде бы не обделила девушку, однако не позаботилась расположить ее черты в надлежащем согласии.

С первого взгляда Ильху называли «миленькой», со второго же замечали, что рот у нее крупноват, нос слишком велик, скулы остро вы-



даются вперед, а края глаз скошены вниз, придавая лицу навечно застывшее выражение растерянного удивления. Вдобавок девочка выросла сухопарой и напрочь лишенной женской грации.

Устав подсчитывать убытки от приносимых ею неурядиц и вконец отчаявшись спихнуть эдакое чудо замуж, семья выставила Ильху за дверь. Ради приличия девушку снабдили небольшой суммой золотых монет и устроили на работу в прачечную, рассудив, что в таком ремесле трудно что-либо испортить.

Как бы не так!

На следующий же день горевшая стремлением показать себя с наилучшей стороны Ильха опрокинула лохань с горячим настоем ивовой коры, опарив ноги трем оказавшимся поблизости прачкам и безнадежно испортив отданные в стирку кружевные наряды богатой куртизанки Риретты.

После надлежащего скандала Ильху, само собой, рассчитали.

Подобные истории повторялись всюду, куда бы судьба не забрасывала невезучую девицу из старинной шадизарской семьи Нираелей.

Став танцовщицей в таверне «Золотой павлин», Ильха в один из вечеров поскользнулась, потеряла равновесие и приземлилась точнехонько на стол, за которым закусывали грозный Назирхат уль-Вади и его гости. Будучи служанкой в доме процветающего ростовщика Фаракеша, разбила драгоценную вазу аргосского цветного стекла. Ее выпороли, но простили. Ильха, отча-



янно пытаюсь убедить хозяев в своей полезности, по недосмотру смахнула на пол серебряную монетку достоинством в один дебен — талисман Фаракеша, с которого начали складываться его богатства. Закатившуюся в щель между половинцами монету искало все семейство, слуги и домочадцы, но так и не нашли. Почтенного ростовщика хватил удар. Ильха Нираель снова очутилась на улице — без денег и без маленького сундука с личными вещами.

Деввица оказалась упрямой, снова и снова пытаюсь совладать со своей невезучестью. Однако хрупкие предметы в ее руках продолжали ломаться, тарелки и кружки неумолимо падали на пол, вино лилось мимо чаши, отданные займы деньги не возвращались, края одежды неумолимо цеплялись за торчащие гвозди, а время шло.

Ильхе Неудачнице, как ее звали в глаза и за глаза, стукнуло двадцать три года. Надежды угасали, как угольки в залитом водой костре. Деввица Нираель прозябала, с горем пополам занимаясь древнейшим женским ремеслом. Здесь ей тоже не везло. Более нахальные красотки отбивали клиентов, дружки-покровители отбирали выручку, которой и без того насчитывалось маловато, а сообразительные охотники до дармовщины быстро смекнули, что, коли поведать Ильхе душещипательную и трогательную историю, всегда можно рассчитывать на ее сочувствие и бесплатную ночь.

Две луны тому небеса смилостивились, решив дать Ильхе последнюю возможность проявить



себя. Дружок пристроил ее в веселый дом на Ак-Сорельяне. Конечно, это был не «Алмазный водонад», всего лишь скромный приют радости в нижней части улицы Соблазнов, но Ильха восприняла разочарованной душой и преисполнилась решимости на сей раз не ударить в грязь лицом.

Седмицу назад хозяйка заведения с грохотом распахнула дверь крохотной комнатухи, отведенной новой девице, и громогласно объявила — с нее довольно! Видит Иштар, она честно пыталась относиться к этой опибке богов с пониманием и снисхождением. Однако человеческое терпение имеет пределы! Здесь приличный бордель, а не благотворительное общество! Она, достопочтенная Марша Хин, не намерена и впредь содержать за свой счет никчемную девчонку со сворой ее прихлебателей! Приличных посетителей в этот хлев силком не затащишь, зато всякие бездельники таскаются, как к себе домой! Нашептывают великовозрастной дурочке в уши сказочки о своей пропащей жизни, а та, окончательно ополоумев, кормит их, ссужает деньгами и обслуживает задарма!

— От тебя никакой пользы! — завершила обличающую речь госпожа Марша. Ильха поняли-во вздохнула и принялась собираться.

Дружок, к которому она явилась с горестной новостью об изгнании с Ак-Сорельяны, сказал то же самое:

— Да ты, смотрю, вовсе спятила? Я бегаю, как осел со стручком перца в заднице, хлопочу, от-



сыпаю этой жирной сволочи Марше полный кошелек империялов, чтобы тебя приняли, а ты вот как решила отблагодарить за заботы?

— Но я... — робко заикнулась Ильха.

— Сгинь! — потребовал бывший сердечный друг. — И больше мне на глаза не попадайся!

Ильха ушла — что же ей еще оставалось делать?

По здравому размышлению впереди ее ожидало тусклое существование сначала в роли дешевой уличной проститутки, затем опустившейся стареющей нищенки. Все ее земное имущество составлял кривобокий сундук с потрепанными нарядами, три серебряных монеты да прикормленный за время жизни в заведении черный в рыжую полоску тощий кот, прозванный ею Тиллем. Однажды Ильха видела редкую стигийскую монету подобного наименования, где на оборотной стороне восседала надменная кошка в короне. На морде Тилля иногда появлялось схожее выражение, особенно если ему удавалось стащить у уличного разносчика кусок мяса или куриную ножку.

— Что будем делать? — спросила она у кота. Собратья по несчастью сидели на продавленной крышке сундука, а сам сундук торчал на задворках недосягаемой отныне улицы Соблазнов.

Зверь, разумеется, не ответил, занятый тщательным вылизыванием ободранного в драках хвоста. Ильха почесала его за ухом, дернула себя за кончик жидковатой косы тусклого коричневого оттенка, и тоскливо задумалась.



Снова становится шлюхой она не хотела. Падать в ноги родственникам? Выгонят. В лучшем случае — дадут немного денег. Идти к Каменному рынку, где устроена площадка для ищущих наемной работы, встать там и покричать: «Не нужна ли кому служанка с дырявыми руками и бестолковой головой?»

Она знала место, где, возможно, ее примут без лишних вопросов. Большая митрианская обитель на полуночной окраине города. Что ж, быть послушницей не так уж плохо. Крыша над головой, еда, а с порученной ей работой она как-нибудь справится. Огород вскапывать или, скажем, полы мыть. Иное дело, что Ильху совсем не привлекала жизнь в четырех стенах обители, черное мешковидное облачение и полное отсутствие каких-либо радостей.

— Хоть вешайся, — безраздно поделилась с котом девица Нираель. Тилль открыл пасть, издав хрипло-согласное «Мяу!».

Идею повеситься Ильха тоже отвергла. Во-первых, ей говорили, что это очень больно. Во-вторых, она здраво предположила, что с ее «удачливостью» либо веревка оборвется, либо сломается ветка, к которой она привяжет эту самую веревку, либо выяснится, что она неправильно затянула узел и ей выпадет уныло барахтаться в воздухе под жизнерадостный хохот зевак.

Представив эту картину, Ильха вздрогнула.

— Нет, так на Пустые Равнины я добираться не стану, — заявила она коту. — Я знаю, что сделаю! Пойду и напьюсь! Вдрызг!



Втайне Ильха надеялась, что ее неудачливость тут окажется полезной. Ведь, будучи пьяной, она вполне может упасть в канаву и захлебнуться. Или ее подвернуть под руку ссорящимся ворами. Или... Мало ли что может произойти в таком городе, как Шадизар?

Правда, тут ее ждала новая трудность. Желудок Ильхи напрочь не выносил дешевых туранских и шемских вин, соглашаясь принимать лишь сладкие офирские настойки, стоившие не меньше серебряной монеты за кувшин. Трех кувшинов наверняка не хватит. Поколебавшись, Ильха слезла с сундука, согнала кота и принялась рыться в тряпках. Выбрав наиболее хорошо сохранившиеся платья, небрежно связала их в узел и отправилась на поиски старьевщика. Кот вприпрыжку побежал следом. Сундук остался стоять нараспашку.

* * *

Ей приснился кошмар — она сорвалась с вершины отвесной скалы, но, вместо того, чтобы разбиться о торчавшие внизу камни, полетела вверх и упала в непрерывно вращающийся облачный водоворот. Ее мотало и швыряло из стороны в сторону, так что голова грозила вот-вот оторваться, а где-то неподалеку раскатистый голос вещал о мирах, странствующих по глади небесных сфер и пылающих вечных звездах.

— Ой, да заткнись ты! — пробормотала Ильха, просыпаясь и осознавая, что ей снова не по-



везло. У нее жутко болела голова, урчало в животе и, как это не печально, она оставалась в мире живых. — У человека похмелье, а всякие недоумки вопят тут над ухом...

Встав на четвереньки, она поползла куда-то и врезалась головой в некую преграду.

— Вот и звезды, — уныло признала Ильха, когда перед глазами весело замельтешили разноцветные искорки. Она села, привалясь к стене. Вокруг стояла темнота — то ли непроглядная ночь, то ли она забралась в какое-то неосвещенное помещение. — Единственные звезды, которые я видела в своей жизни. Забавно, правда? Прожить на земле двадцать с лишком лет, ни разу не задирая головы к небу. Чего там хорошего, в этом небе? Если не солнце до одурения, то солнце до ослепления. И дождей у нас не бывает. Почти не бывает.

Она не понимала, к кому обращается — к себе, к наверняка потерявшемуся Тиллю или к приснившемуся голосу. Просто ворчала вслух, тихо страдая и перебирая совершенные оплошности.

— И так всегда! Дзин-нь — и нету у старого скряги чаши ценой в сто золотых. Почему? Одна благонамеренная дурочка хотела вытереть с нее пыль. Дзин-нь — и у расфуфыренной дамочки нет лучшего наряда. Потому что кое-кто, пытаясь всего лишь пришить тесьму, ненароком уронил сей наряд в чан с помоями, представляешь? Дзин-нь — и кто-то вылетает на улицу, ибо по доброте душевной, но скорее по глупости тянет



на своей шее дармоедов, которым самим лень почесаться... Чего говорить! — она в отчаянье махнула рукой. — Одно слово — пропащая неудачница. Да-да, — она попыталась выпрямиться и гордо задрать подбородок. — Я именно такая! Я, Ильха Нираель из Шадизара, самая большая неудачница в мире! Эй, где здесь выход?

Голова прояснилась. Ильха сообразила, что сидит в углу какой-то крохотной узкой каморки с необычно высоким потолком. Слева от нее виднелась неширокая стрельчатая щель, через которую просачивались косые солнечные лучи — дверца или окно. Пол помещеньица, насколько разглядела изрядно растерянная девица, складывался из чередующихся плит черного и белого камня, стены — гладкие, полированные, тоже каменные. Куда это ее занесло? На подвал непохоже, на тюремную камеру — тоже. Надо выбираться, пока никто не заметил и не выгнал. Еще окажется, что ее с пьяных глаз занесло, скажем, на Кладбище-под-Платанами, и она славно переночевала в чьем-то фамильном склепе.

Едва не застряв в проеме, Ильха вылезла наружу. Огляделась. Увидела заросший лопухами и полынью пустырь, парочку бродящих вокруг колышка коз, крыши спрятавшихся за глинобитными заборами приземистых домиков. Очертания просевшей городской стены. Окраины на полуночном восходе, задворки кварталов Нарикано или Менжди.

— Мяу! — из-под лопухового листа высунулась недовольная морда Тилля.



— Как ты сюда попал? — изумилась Ильха. — Что, так и ходил за мной? А какой сегодня день, хотелось бы знать?

Она повернулась, дабы узнать, что послужило ей приютом. Увидев, растерянно подняла брови и склонила голову набок. Недоверчиво присвистнула сквозь зубы. Осторожно потрогала пальцем холодную кладку.

Перед ней возвышалось нечто, смахивающее на молельню или маленький придорожный алтарь в честь кого-то из божеств. Сооружение высотой в два человеческих роста, вырубленное из блоков черно-синеватого с серебристыми прожилками камня. По углам — четыре витые колонны дымчато-серого хрусталя или стекла. Остроконечная черепичная крыша цвета мореного красного дерева. На самой маковке горит ослепительно блестящий тонкий шпиль. Единственный проход — тот, через который вышла Ильха — обрамлен плоскими колоннами и украшен строгим портиком. На фронтоне что-то вырублено.

Донельзя удивленная девушка подошла поближе и встала на цыпочки, чтобы рассмотреть символ. Глаз. Выпуклый, широко распахнутый глаз. Вместо зрачка вставлен граненый плоский камешек, отливающий густыми винно-красными бликами.

Тилль безмятежно почесал растопыренные усы о бордюр в нижней части колонны. Ильха несколько успокоилась. Раз животное не боится, значит, в этой диковинной штуке не заключено



никаких злых сил. Но кому пришла в голову сумасбродная мысль возвести посреди пустыря капище? Да еще посвященное непонятно какому божеству из бесконечного пантеона Материка?

Из любопытства Ильха обошла молельню по кругу, наткнувшись на еще одну загадочную вещь — кое-где возле фундамента росли маки невиданного темно-фиолетового, почти черного цвета. Девушке стало жутковато. Изящное строение из черного мрамора смотрелось посреди обыденного пустыря дико и непривычно. Допустим, как если бы слоняющиеся вокруг козы начали рычать или на городскую площадь шлепнулся огнедышащий дракон.

— Спасибо за ночлег, а теперь я пойду, ладно? — нерешительно обратилась она к глазу на фронтоне и осторожно поняtilась.

Каменные веки внезапно дрогнули. Верхнее резво соскользнуло вниз по выпуклому зрачку, поднялось обратно и повторило это действие несколько раз, в точности уподобясь моргающему спросонья человеку.

Ильха ойкнула и плюхнулась в жесткую траву. Ей стоило бы по-настоящему испугаться, а она ощутила невероятное облегчение. Все встало на свои места. Наконец-то ей хоть раз в жизни что-то удалось! Она напилась, и у нее наступила белая горячка. Ей мерещится. Ничего страшного. Пройдет.

Поэтому девушка без всякого испуга, но даже с интересом смотрела, как глаз, изучая окружающий мир, вращается туда-сюда, как искрит-



ся драгоценный зрачок, то заслоняемый веком, то вновь открывающийся. Кот тем временем обнаружил проход внутрь молельни, старательно приняхался, но войти не решился.

Проморгавшись, темно-алый Глаз уставился на Ильху — как ей показалось, вопросительно. Та глуповато хихикнула и помахала ему рукой.

— В небытии не обретишь бытия, пребывая во мраке, не познаешь света, — внушительно изрек голос, признанный Ильхой за тот самый, что слышался ей во сне.

— Только не надо опять все сначала, — недовольно скривилась девушка. — Это я уже слышала. Ясные звездочки, небеса в огне и... — она нахмурилась, вспоминая проповедь из кошмара, — ага, про вечное сражение мрака и света тоже не стоит. Я этого не понимаю и, честно говоря, мне наплевать на свет, тьму и ихние драки. Да! — в доказательство слов она размашисто кивнула и пожалела: — Я думала, белая горячка — это интереснее. Ладно, голос непонятно откуда и живой глаз из камня тоже сойдут. Скажи еще чего-нибудь, только не слишком заумное, а?

— Ты, дитя, полагаешь меня плодом своего воображения, возбужденного излишним потреблением горячительных напитков? — интонация Голоса сменилась с возвышенно-отрешенной на ироническую.

— Конечно! — радостно согласилась Ильха. — Молельни не разговаривают. Если же разговаривают, значит, перед нами чудо или какая-то хитрость жрецов. Чудес я не стою, да и устраивать



ради меня такое представление не будут. Значит, ты мне кажешься. Или?.. — она попыталась встать, дабы получше осмотреть фундамент здания, но снова шлепнулась на землю. — Или там кто-то прячется? В подвале? Вылезай! Нечестно обманывать бедную пьяную женщину!

— Пить, между прочим, вредно, — наставительно заметил Голос.

— Без тебя знаю, — огрызнулась Ильха. — Так ты есть или тебя нет?

— Смотря что понимать под словами «есть» и «нет», — задумчиво откликнулся Голос. Глаз снова моргнул и слегка развернулся, чтобы лучше видеть собеседницу. — Я осознаю себя как разумное создание, но, скажем, затрудняюсь определить свое место в пространстве и времени. Ты, надо полагать, видишь перед собой предмет, изначально относимый твоими сородичами к ряду неодушевленным, и потому не в силах принять мысль о том, что таковой предмет способен... Погоди, как ты определяешь и называешь сама себя? Или, допустим, вон то маленькое создание, которое пребывает на грани моего видения?

— Я человек, — уверенно сказала Ильха. — Женщина. Меня зовут Ильха Нираель. А он — кот. Домашнее животное. Тилль, а ну брысь отсюда!

— Какова разница между существами, обозначаемыми тобой «человек» и «животное»? — мгновенно подбросил новый вопрос Голос. Ильха смирилась с тем, что он — не ее выдумка, и ста-



рательно задумалась, пытаясь ответить поточнее.

— Та-ак... Я, которая человек, умею разговаривать с себе подобными, думать, воображать, придумывать то, чего на самом деле нету, заранее представлять свои поступки... э-э... что еще? Ах да! — она вспомнила подхваченную где-то фразу, показавшуюся ей чрезвычайно умной и загадочной: — У меня есть душа и разум, я могу чему-то научиться. Оно, животное, имеет только данные от рождения умения и никак их не развивает. Оно простое. Его кошачий дедушка ловил мышей, и прадедушка ловил мышей, и пра-пра-предок ловил мышей, и он будет ловить этих мышей тем же самым способом, вот! А человек может придумать мышеловку, чтобы...

Ильха остановилась перевести дыхание. Никогда раньше ей не приходилось так много и быстро соображать, причем не на простенькую тему, сколько и чего купить, да еще укладывать неподатливые мысли в слова.

Голос ничего не ответил. Глаз опять моргнул. Тилль, поняв, что хозяйка застряла тут надолго, мяукнул, сел и принялся мыть лапой морду.

— Ты чего все время моргаешь? — по-хозяйски осведомилась Ильха.

— Песок ветром заносит, — как-то растерянно отозвался Голос.

Девушка решительно сорвала лист лопуха побольше, встала, забралась на приступку колонны и, дотянувшись, старательно вытерла окружность Глаза от налипших песчинок. Рубиновый



зрачок удивленно скосился на нее. Ильха при-
смотрелась и заметила в глубине багрового кри-
сталла мерцающие и плавно перемещающиеся с
место на место серебристые искорки.

— Я думаю, ты какой-то дух, — заявила она,
спрыгнув на землю. — Дух, загнанный либо в
эту моленную, — она звонко шлепнула ладонью
по холодной стене, — либо в тот камень, кото-
рым ты смотришь.

— Что такое «дух»? Нечто общее с тем, что
ты называешь «душой»?

— Ну... Духи — они вроде как боги, только не
такие могущественные. Ты какое-нибудь чудо
можешь сотворить? Скажем, превратить вот этот
лопух, — она подняла скомканный зеленый
лист, — в золотой? Или сделать так, чтобы
Тилль вырос до размеров тигра?

— Наверное, нет, — после долгого раздумья
признал Голос. — Зачем тебе понадобилось чудо,
дитя?

— Да не мне! — удивилась бестолковости оби-
тающего в черной моленной духа Ильха. — Тебе!
Ты хоть представляешь, где находишься и на
что похож?

— Признаться, пока не очень...

— Ты торчишь на пустыре городка под назва-
нием Шадизар, что в стране Заморе, — терпели-
во растолковала девушка, присаживаясь напро-
тив узкой двери. — С виду ты — капище из тем-
ного мрамора. На макушке у тебя торчит шпиль,
вроде как серебряный, а над входом вырублено
изображение глаза. Глаз смахивает на живой.



Еще откуда-то изнутри тебя доносится голос. Да-
же для нашего изрядно взбалмошного города ты
представляешь удивительное зрелище. Если бы
ты умел что-нибудь делать... — от нехватки слов
она выразительно потрясла кистями, — такое,
что можно увидеть или потрогать руками... Я бы
могла сочинить историю и объявить тебя хра-
мом какого-нибудь еще не принятого здесь бо-
жества. Нам бы для начала хоть самое крохот-
ное чудо, чтобы произвести нужное впечатление.
Потом слухи сами разлетятся. Вот... — она замя-
лась. — Ну, скажем, если бы ты смог избавить
меня от постоянной неудачливости...

— Такой вещи, как удача или неудача, не су-
ществует! — оглушительно громыхнул Голос.
Ильха дернулась, кот смерил моленную презри-
тельным взглядом. — Есть лишь то, что мы и
окружающие нас создания внушают себе о собст-
венных душевных качествах, достоинствах и не-
достатках!..

Девушка Нираель замерла.

Что-то в услышанном задело в ее душе еще
никогда не пробуждавшуюся струну, и та зазве-
нела колокольчиком на шее у козы. Нет, по-ино-
му! Как серебряный бубенец, что поет на сбруе
породистой лошади или трепещет на запыляе-
мых танцовщицы.

— Повтори-ка, что ты сказал, — мягко попро-
сила она.

— Тебе понравилось? — почему-то обрадовал-
ся Голос. — Произвело, так сказать, глубокое
впечатление? Ты бы в это поверила?



— Думаю, что поверила, — медленно произнесла Ильха.

— Есть такое учение, — разливался Голос. — Неудачников не бывает. Бывают существа, недостаточно верящие в собственные силы. Их просто нужно подтолкнуть, поговорить с ними, внимательно выслушать их жалобы и убедить, что они такие же, как их прочие сородичи. Тогда у них все пойдет на лад. Не сразу, конечно, постепенно...

— Ты действительно можешь это сделать? — встрепелась Ильха. — И такое учение существует?

Голос утробно хихикнул, отчего молельня слегка вздрогнула, а Тиаль возмущенно зашипел:

— Если нет, мы его придумаем.

— «Мы»? — подозрительно уточнила девушка.

— Конечно. Ты говоришь, я дух, запертый в этом сооружении? Для простоты пусть так и будет. Но какой смысл бесцельно торчать посреди, насколько я вижу, — зрачок лихо повернулся в глазнице; обозревая пустырь, — незаселенной пустоши? Ты, похоже, создание умное и сообразительное, а я, признаться, пока не слишком разобрался, кто я есть, где нахожусь и что являю собой. Ты поможешь мне, я попытаюсь помочь тебе.

— То есть я стану как бы твоя жрица? — замирая от непонятного предвкушения чего-то удивительного, выдавила Ильха.

— У вас это называется так?



— Ладно, я согласна, — девушка сочла страннейший договор заключенным и перешла к насущным делам. — У тебя имя есть? Нужно ж мне как-то к тебе обращаться. Храм Безымянного или Неведомого Бога тоже сойдет, хотя, на мой вкус, звучит как-то мрачновато.

Глаз наполовину прикрылся веком, словно бы погрузившись в задумчивость.

— Мне кажется, у меня было имя, — донеслось из молельни. — Много имен... За давностью лет я позабыл их. Если ты считаешь, что иметь имя необходимо, постараюсь вспомнить.

— Идет, — Ильха встала. — Значит, так. Сейчас мне нужно кое-куда сходить и кое-что раздобыть. Заодно пушу слушок-другой. Я ненадолго. Не скучай. Тиаль останется тут. Если кто будет приставать — пугни его. Зарычи там или еще что. Жаль, что ты не можешь кидаться молниями.

— Зато я умею делать вот так!.. — с гордостью заявил Голос.

Воздух вокруг молельни ощутимо потемнел, наполнился пронзительно-стонущим воем ветра, перемежаемого далеким и угрожающим не то перезвоном огромных цепей, не то скрежетом когтей непредставимо гигантского зверя. В дополнение ко всему прочему на шпиле вспыхнула цепочка ярких трескучих огоньков, разбежавшихся по стенам. Кот встретил появление искр пронзительным мяуканьем и на всякий случай юркнул в лопухи. Глаз налился темным пурпуром и угрожающе заблестел.



— Здорово, — искренне кивнула Ильха. — Пригодится на будущее. Обещаю, я скоро вернусь.

И она бодро шагала через пустырь, чувствуя, как теплая земля сама подталкивает ее, заставляя идти быстрее. Возможно, к обретению вечно ускользающей удачи.

* * *

Больше всего Ильха боялась, что о маленькой молебне на пустыре прослышит кто-нибудь из служителей принятых в Шадизаре верований. Тогда в этот заброшенный уголок окраины явится храмовая стража, капище черного мрамора своротят или сожгут, а его новоявленную служительницу запросто прогонят или, что гораздо хуже, выставят прочь из города.

Однако миновало три дня, никто из жрецов их не тревожил, зато начали появляться настоятельно озирающиеся по сторонам личности, шепотом интересовавшиеся, что это за черная штукавина, и правду ли говорили в таверне «Пещера демона», будто...

— Смотри что вам угодно именовать правдой, — бойко отвечала натасканная Голосом Ильха и вела пришедших знакомится с молебней. На пороге обычно возлежал обнаглевший Тилль, Глаз многозначительно искрился, непонятно откуда прилетали тягучие вздохи, похожие на океанский прибой, и доносился тоненький перезвон. Голос утверждал: так звучат колеблемые стран-



ствующим ветром звезды. Ильха соглашалась, что сравнение красивое, однако им настоятельно следует обратить взоры к земле, а не к небесам.

— Ты невообразимо практична, — грустно отвечал Голос.

— В соответствии с твоим учением, — парировала Ильха.

Она пока не выяснила, является ли проповедуемая Голосом наука о развитии духовной уверенности его собственным измышлением или сочинена каким-нибудь из древних философов Материка. Главное крылось в другом. Безумный замысел, рожденный отчаявшейся девицей Нираель и бестелесным голосом непонятного духа, действовал. Ильхе даже в голову не приходило, что в Шадизаре обитает столько неудачников, готовых что угодно отдать за возможность перестать спотыкаться на ровной дороге или научиться поддерживать обычную беседу.

Голос возражал против взимания платы с адептов. Ильха растолковала ему, что совет, полученный задарма, быстро забудется, а тот, за который выложено серебро или золото, ценится вдвойне.

Произошло даже втайне ожидаемое Ильхой маленькое чудо. Вечером второго дня на пустырь явился изрядно потрепанный и испуганный чем-то молодой человек, явно добывающий средства на жизнь ночным промыслом. Ильха, учившаяся выполнять роль посредницы, усадила его под пристроенный к молебне навес и принялась ненавязчиво расспрашивать, что да как.



Выяснилось, что Уиджи, как звали парня — игрок, которому недавно не повезло. Он попался на мошенничестве с костями, разъяренные соперники его здорово поколотили, но беда заключается в том, что с тех пор он начал постоянно проигрывать. Все равно, во что, шла ли речь о ставках на скачках или о детской игре «Камень и листок».

Подтверждая, он предложил Ильхе перекинуться в «три скорлупки». Заинтригованная девушка принесла три глиняные чашки, спрятала под одной лесной орех и начала перемещать опрокинутые сосуды.

Уиджи проигрывал. Ильха разозлилась, решив, что тот притворяется, ибо невозможно все время ошибаться. Рано или поздно ты ткнешь в нужную чашку, скрывающую орех. Вдобавок она не такой искусный игрок, чтобы не суметь проследить за ее движениями.

Вмешавшийся Голос вмиг остановил грозившую вспыхнуть ссору. Уиджи, возвестил он, прекрасно знает, где лежит орех. Однако не может заставить себя указать правильно. Имея возможность выиграть, он в душе боится, что его снова схватят за руку, и потому нарочно проигрывает.

При первом звуке Голоса неудачливый игрок от неожиданности опрокинул чашку и приготовился бежать. Услышав же приговор духа из модельни, расстроился, утверждая, что его жизнь как игрока закончена. Если он сам себе мешает победить, то что же делать? Идти наниматься в мусорщики?



— Где тот орех, который вы прятали? — внезапно осведомился Голос. Ильха нашла требусное и молча показала слабо мерцающему в сумерках Глазу. — Положи-ка его у входа.

— Ты что затеял? — встрепелась девушка, поскольку раньше Голос ничего подобного не делал.

— Внушение — великая сила, — туманно отозвался Голос. Ильха опустила легкий орех на пол и стала ждать.

Коричневато-зеленая скорлупа неторопливо меняла цвет, светлея и превращаясь в желтоватую. Когда орех стал похож на золотую безделушку, Голос распорядился вручить его Уиджи и разразился внушительно-заумной речью о могуществе человеческой воли и том, каких вершин можно достигнуть, если верить в себя. Закончил же насквозь приземленным:

— Пять монет за талисман и семь — за заклинание.

Уиджи, выглядевший потрясенным до глубины души, безропотно заплатил пятнадцать и ушел, слегка покачиваясь.

— Это подействует? — с любопытством спросила Ильха. — Орех на самом деле стал золотым?

— Он выглядит золотым. Этого вполне достаточно, — снисходительно хмыкнул Голос. — Действие же якобы произнесенного мною заклинания зависит от степени желания этого молодого человека вновь увеличить свое состояние и от некоторых переменных, определяемых законами



природы. В общем, думаю, скоро ему начнет везти.

Тщательно собираемые Ильхой слухи донесли, что на следующий вечер Уиджи сорвал невероятный куш. Что самое удивительное, он преуспел в «Охоте на крыс», считавшуюся простенькой забавой для детей, в которую больше десятка серебряных монет не выиграешь.

* * *

— Значит, расставляем все по порядку. Ты вроде как находишься не здесь, а где-то очень далеко, но при этом часть тебя рассыпана или распылена внутри этой молельни. Вроде как песчинки, приставшие к камням. Ты говоришь, что, болтаясь в этом своем «далеко», внезапно ощутил толчок, пинок, удар — зови как хочешь — и кусочек тебя провалился сюда, совместившись с неким предметом, обладавшим магической силой и изменчивой формой. Ты пытался справиться с силой этого предмета, дабы с ее помощью стать чем-то определенным и понятным. Тебе это удалось. Допустим. Ты начал слышать голоса окружающих тебя людей, чувствовать тепло, холод, потом заговорил сам. Только я не понимаю, чем ты говоришь. Языка у тебя нет, рта, в котором шевелился бы язык, тоже нет, да и тебя самого, если вдуматься, тоже здесь нет! Тогда с кем же я разговариваю?

Довольная своими рассуждениями Ильха воткнула иглу в натянутую на деревянной раме



шелковую ткань и с интересом глянула на возвышавшуюся над ней молельню. Глаз закатился наверх, что означало — дух предается глубоким размышлениям, а также внутреннему самосозерцанию и ответит не скоро.

Девушка Нираэль имела причины гордиться собой. Она недурно справлялась с обязанностями начинающей жрицы и сегодняшним утром Голос доверил ей самостоятельно провести беседу с учениками. Она продолжала работать над собой и собственным характером, рискнув в этих целях взяться за дело, от которого всегда шараялась и которое повергало ее в состояние, близкое к оцепенению. Проще говоря, Ильха вышивала.

Она в очередной раз украдкой полюбовалась на свое творение. Конечно, работа далека от совершенства, однако всякий без колебаний определит, что на куске зеленоватого шелка изображен букет черных маков. Именно маков, а не роз или лилий.

— Ты беседуешь с моей овеществившейся частью, в силу неведомых причин приобретшей материальную видимость и облик, называемый тобой «молельней из черного мрамора», — разродился Голос. — Причем из встреченных мною образчиков твоих сородичей именно твое мышление оказалось наиболее гибким, чтобы суметь воспринять идею о возможности бытия в качестве...

— Опять увлекаешься словоблудием, — заметила Ильха, сравнивая оттенки двух нитей. —



Проще надо быть, проще! Те люди, у которых ты очнулся, невзлюбили тебя именно за длинные и непонятные умствования.

— Они пытались меня уничтожить, — пожаловался Голос.

— Потому что им надоело слушать, как ты постоянно бормочешь что-то маловразумительное про свет и тьму. Кстати... — она прислушалась к долетавшим из-за домов невнятным крикам, — что там творится?

Дремавший на солнцепеке Тилль вдруг проснулся, вскочил и распушился, словно хотел кого-то напугать. Ильха тревожно заозиралась, на всякий случай предполагая худшее — жрецы Митры или Иштар проникли о ее лавочке и гонят сюда маленькую армию.

— Ощущая сильные возмущения и завихрения, происходящие на границе тварного и нетварного миров, — слегка растерянно оповестил ее Голос незримого существа, обитавшего в молельне. — Это характерно для вашего поселения?

— Наверное, колдуны поссорились, — испуганно предположила Ильха. — И травят друг друга ручными демонами...

Выходившая на пустырь сонная улица внезапно ожила. Сначала по ней галопом проскакал ослик, оравший дурным голосом и волочивший за собой опрокинутую набок тележку. За ним бежали пять или шесть горожан обоего пола, истошно причитавших и, похоже, от кого-то спасавшихся. Следом явились двое или трое типов



в форме уличных стражников. За ними, постоянно оглядываясь назад, что-то выкрикивая и размахивая руками, мчалась нарядная женщина с густой кошной каштановых волос.

Кот изумленно мяукнул. Глаз часто заморгал. Ильха выпустила из рук раму с вышивкой и растерянно проследила, как пестрая компания рассеивается по пустырю. Кто предпочел бежать дальше, кто спрятался в выбоинах и дождевых ямах.

Перепуганные козы сорвались с привязей и, пронзительно мекая, метались между кустов, увеличивая панику.

Красивая незнакомка влетела в куст терновника, разорвала подол юбки, совершенно не обратив на это внимания, вырвалась на свободу и завизжала: «Хисс! Хисс!»

Ильха попятилась, пока не уткнулась спиной в нагретую стену капища. Голос озадаченно бормотал на непонятном ей языке. Тилль опрометью метнулся в молельню, сочтя ее самым безопасным местом.

Над улицей возникла причина всеобщего испуга.

Она плыла по воздуху — у Ильхи от подобного зрелища голова пошла кругом и внезапно ослабели ноги — помогая себе раздвоенным широким хвостом и тремя парами торчавших в стороны колючих плавников. Жуткое создание по размерам не превосходило туловища лошади, а по форме напоминало непомерно раздутый бурдюк из овечьего шкуры буровато-красного цвета, щед-



ро размалеванный зеленоватыми, коричневыми, блекло-серыми и ярко-розовыми полосами.

Там, где у обычных животных расположена голова, эта тварь обошлась огромной, идеально круглой пастью, часто утыканной треугольными желтыми зубами. Длина зубов, как отстранено прикинула готовившаяся потерять сознание Ильха, равнялась длине клинка хорошего стилета. Вокруг пасти располагалось кольцо из оттапливающего вида белесых наростов, похожих на гроздь поганок.

Стало понятно, кого преследует летающее чудовище. Перед самой его мордой отступали, давая остальным возможность скрыться, двое: высокий человек, наглухо закутанный в коричневый драный плащ-кабу туранского кочевника, и гибкий, стремительный молодой человек, чья шевелюра вспыхивала на солнце оттенком песочной ржавчины. Высокий орудовал длинным и, судя по всему, тяжелым посохом, беспощадно лупцуя тварь по голове и стараясь ткнуть в зубы. Рыжий вертелся угрем, пытаясь короткими взмахами ножа распороть противнику скользко-блестящий бок или смахнуть пару-тройку уродливых наростов. Иногда ему это удавалось. Тогда на буровой шкуре возникала размыто-черная полоса, и зверь раздражался возмущенными стрекочущими воплями.

На руку людям играло то обстоятельство, что существо, пусть и могло летать, двигалось не слишком быстро, а тяжеломерно, словно крупная рыба в воде. Оно не поднималось высоко, опасаясь,



ясь, что тогда добыча убежит и спрячется, ограничиваясь тем, что медленно гнало людей впиз по переулку в направлении пустыря.

Ильха передумала падать в обморок. Постучала кулачком по черной шершавой стене, и, запинаясь, окликнула Голос:

— Ты не знаешь, что это за дрянь?

— Твое животное издает противные звуки и испускает влагу! — возмущенно донеслось в ответ.

— Ему страшно, — вступилась за кота Ильха. — Я потом вытру. Ты от этого не умрешь, а вот той парочке приходится тяжело...

— Кажется, мне доводилось слышать о подобных созданиях, — чуть смягчившись, ответил Голос. — Их называют Пожирателями Сущности. Они обитают в пространстве между Мировыми Сферами, непрерывно поглощая материю в любых ее проявлениях. Как Пожиратель мог проникнуть в ваш мир?

— Откуда мне знать?.. Ой!

Рыжий парень, решив испытать благосклонность судьбы, перекатился под складчатым брюхом летуна, наискось чиркнув по нему ярко сверкнувшим лезвием. Буро-коричневое существо метнулось вбок и наткнулось на предусмотрительно выставленный посох человека в драном плаще. Раздался сочный треск, будто кто-то с размаху швырнул на мостовую мех с водой, а тот, разумеется, лопнул. Девица, стоя по колено в пыльных лопухах, в отчаяние схватилась за голову.



Раненый и несколько опешивший Пожиратель совершил плавный разворот вокруг собственной оси, одновременно попытавшись задеть хвостом поднимавшегося на ноги Рыжего. Тот увернулся, наградив противника хорошим пинком, и ретировался на спасительный пустырь, крича: «Кэрли! Не стой столбом, прячься! Леук! Осторожнее!»

Оставшийся один на один с зубастым созданием человек по имени Леук не собирался не отступать, ни, согласно совету, держаться осторожнее. Он поудобнее перехватил жутковатый посох с изогнутой рукоятью из бараньего рога, мельницей закрутил перед собой и шагнул в сторону противника. Существо, вопреки собственной природе, сделало попытку двигаться задом наперед, но не преуспело. Уклоняясь от сыпавшихся на него коротких, четких ударов, зверь, отчаянно работая плавниками, взлетел повыше, почти до уровня крыш окрестных домов, и завис там. Леук, не прекращая вращать посох, начал отступать в сторону пустыря.

— Он от нас не отстанет! — рыжий парень присоединился к своей приятельнице, сидевшей на корточках в яме, прикрытой бурьяном. — Нужно пробираться в город, там мы затеряемся!

— Я боюсь! — девица упрямо затрясла головой и сжалась в комочек. — Как только мы высуемся, он нас сожрет!

— Кэрли, не глупи, — парень осторожно выглянул из-за качающихся листьев. — Мы не можем всю жизнь торчать на пустыре.



— Не хочу! Боюсь! — истерически выкрикнула Кэрли. — Хисс, сделай что-нибудь! Прогони это!

— Вы где? — Леук, стоявший посреди переулочка, оглянулся через плечо. Ильха заметила, что он носит тряпочную маску, почти полностью скрывающую лицо. На виду оставались только двигавшиеся в прорезях тусклые глаза да узкий, быстро шевелившийся рот. — Мы должны убраться с открытого места.

— Кэрли трусит! — зло прокричал в ответ рыжий Хисс.

— Тогда возьми ее за шкурку и волокни, — последовал хладнокровный ответ. — Приготовились...

Существо внезапно приняло решение. Лязгнуло клыками, покрылось рябью желто-красно-лиловых пятен и грузно ринулось вниз.

— Леук! Леук, берегись! — Рыжий стрелой выскочил из ямы и помчался на выручку приятелю. Тот отшатнулся назад, перекинул посох в левую руку, а правую вскинул навстречу несущейся на него туше. На концах вытянутых до предела пальцев фонтаном распустилось отчетливо видимое трепещущее светло-голубое пламя.

Ильха, Кэрли и Хисс вскрикнули одновременно. Ильхе показалось, что к ним присоединился Голос. В молельне низко и душераздирающе выла насмерть перепуганный кот.

Чудовищное создание пронеслось через кольцо голубоватого призрачного огня, словно таран



сквозь ломающиеся городские ворота. Леук встретил его посохом, однако толстое дерево расщепилось в мгновенно сомкнувшихся желтоватых зубах. Тварь мотнула головой, выплевывая обломки, и, чуть изогнувшись, почти изящным движением схватила Леука поперек туловища, оторвав от земли и подкинув вверх.

«Кошка играет с мышью», — невовремя подумала Ильха и вздернула руку ко рту, вцепившись зубами в пальцы. Ей стало очень страшно.

Человек в пропыленной коричневой кабе не издал ни звука. Взлетели разлохмаченные тряпки, мелькнули нелепо торчащие и раскинутые в стороны руки-ноги.

— Книга!!! — жутким, срывающимся голосом даже не прокричала, прохрипела Кэрли. Качнулась и побрела к переулку, вытянув руки перед собой. Пальцы скрючились, как когти. Хисс вяло попытался схватить подружку за плечо, промахнулся и остался стоять, оцепенело глядя на разворачивающееся перед ним жуткое действо. — Книга-а! Брось книгу!

Похоже, что зависший над распыленной пастью существа Леук услышал ее крик. Во всяком случае, он резко дернул рукой, отшвыривая в сторону какой-то прямоугольный предмет. Вещь закрутилась и увесисто шлепнулась в лопухи неподалеку от превратившейся в каменный столб Ильхи.

Леук упал. Круглые челюсти щелкнули и закрылись. С одной их стороны остались торчать изогнутая под странным углом рука, с другой —



обрубленные по колено и слабо подергивающиеся ноги. Крови почему-то не было.

Согнувшуюся вдвое Кэрли стошнило прямо на подол разорвавшейся юбки. Хисс начал пятиться, не отрывая взгляда от плавающего в воздухе существа, но споткнулся о подвернувшийся камень и неуклюже упал.

Внезапно морда зверя окуталась изжелта-зеленоватым туманом, пронизанным красными вспышками. Туман струйками вытекал из пасти животного, поднимаясь вверх и скапливаясь в маленькое кучевое облачко. Существо дернуло головой, жадно заглатывая бранные останки Леука, и, махая плавниками, попыталось выбраться из-под непонятной тучки. Та упрямо следовала за ним. Когда облачко разрослось до размеров приличного ковра, красные вспышки стали чаще и яростнее, а в спину летучего создания ударила крохотная, но очень яркая молния.

Издаваемый зверем сухой стрекот сменился непрерывными шелестящими всхлупываниями, напоминающими треск всплывающих на поверхность болота и лопающихся гнилостных пузырей. Существо заметалось, болезненно дергаясь и кользя скользкими на вид боками.

Зелено-алое кипящее облако разошлось в стороны, точно его разорвали изнутри. Мелькнул непроглядно-черный лоскут неба с ослепительно яркими, разноцветными звездами. Создание рванулось прочь, однако его сил не хватило и, побарахтавшись, оно медленно, хвостом вперед, вплыло или было втянуто в образовавшуюся прореху.



Ильха могла бы поклясться, что различает брошенную на вяло дергающийся хвост существа тончайшую сверкающую нить, и подумала, кто ее может держать. Кто-нибудь, подобный Голосу из часовни, обитающий в иной Сфере Мира?

Круглая морда Пожирателя, пересеченная горестно скривившейся пастью, откуда все еще свисал бурый клочок одеяния Леука, пропала, скрытая быстро сливающимися прядями багрово-изумрудного тумана. Облачко выцветало, светлело и истончалось, пока не стало подобием колышущейся на воздушных струях легкой кисеи оранжевого цвета с малиновой каймой. Послышался тихий звон, невесомое полотнище разорвалось на десятки почти неразличимых глазу клочков, тающих, словно лед в вине.

Один из обрывков, помахивая лохматыми розовыми краями, проплыл над пустырем, оставляя за собой бледный синеватый след. Покачался над шпилем молельни, наверняка готовясь исчезнуть, но вдруг передумал и втянулся в узкую щель входа.

Изнутри донесся полный неподдельной муки мяв. Тилль, тараща глаза и распушившись в почти круглый волосатый шар, выскочил наружу и врезался в живот пытавшегося встать Хиса. От неожиданности человек завопил благим матом и кубарем покатился через хрустящие лопухи, отдирая от себя намертво вцепившегося кота. Очнувшаяся Ильха бросилась спасать любимца, но налетела на непрерывно кашлявшую Кэрли и сбила ее с ног. Упавшие девушки с хлю-



паньем приземлились на горку свежего козьего навоза.

— Ильха, где ты? Я тебя не вижу! — тревожно взывал Голос. — Что у вас происходит? Ильха, я как-то странно ощущаю себя!

— Я тоже, — сквозь зубы пробормотала Ильха.





Глава 3

Суд удаляется на совещание...



Наконец, после третьего кувшина белого офирского Хисс согласился простить Тилля за изрядно пострадавший от копачьих когтей жилет и украсившуюся живописными лохмотьями рубашку. Кот, смекнув, что бедствия на сегодня исчерпаны, выбрался из лопухов, тщательно вылизался от ушей до кончика хвоста, и вскарабкался на руки к Кэрли. Его мурлыканье и настойчивые требования погладить оказали на перепуганную девушку куда лучшее воздействие, чем две кружки вина, влитого в нее Ильхой, тщетно старавшейся привести новую знакомую в чувство.

Толстая книга в черном кожаном переплете, украшенном бронзовыми накладками с изображениями песочных часов и замками в виде соединенных рук, мирно лежала на предоставленном ей днище корзины из-под яблок. На всякий



случай Ильха постелила под фолиант лоскут шелка с неоконченной вышивкой. Мало ли что.

Ильха уже устала удивляться и просто слушала. Болтал в основном Хисс по прозвищу Змеиный Язык. Болтал в попытках успокоиться и потому, что нашел хорошую слушательницу. Ильха, наученная Голосом, не перебивала, кивая в нужных местах и не забывая наполнять кружку рассказчика. Красивая девушка, откликавшаяся на имя Кэрли, безучастно сидела на постели Ильхи, иногда вздрагивая и слабо вскрикивая. Ей явно мерещились взлетающий к небу Леук и с чмоканьем захлопывающаяся пасть чудовища. В такие мгновения черно-рыжий кот толкал ее головой и укоризненно мяукал.

Рассказ о поисках Книги подходил к концу.

— ...Появление в нашем и без того беспокойном городке вещи, где собраны жизнеописания всех возможных людей, наверняка не принесет ничего хорошего. Пусть лучше Леук забирает ее и спрячет куда-нибудь подальше. Мне с самого начала казалось, что он стремится именно к этому. С такими мыслями пошли мы в «Цветок папируса» — это такая маленькая таверна на Ишлазе, мы там частенько сидим. Леук нас как будто ждал. Глянул и сразу спрашивает: «Неужели нашли?». Нашли-то нашли, — это уже я отвечаю, — да только странноватая книжечка, господин Леук, никогда такой не встречал. Он из-под своих тряпок бурчит: «И не встретите». Кэрли заикнулась, мол, кто бы мог написать такую книгу, она точно колдовская и притом редкая. Может,



вообще единственная на весь мир. Леук так на нее глянул, что она тут же прикусила язык. Тогда я говорю — нам, в общем-то, и не слишком важно, откуда взялась такая книга и как попала туда, где мы ее отыскиали, но у меня есть одно требование и один вопрос. Требование — трехсот империалов за эдакое сокровище будет маловато. Вопрос — у тебя или у владельца книги никогда не случалось давних трений с двергами, сиречь горными карликами?

— Что он ответил? — Ильха подалась вперед.

— Задумался. Спросил, с какого боку тут замешаны гномы. Я объяснил — так и так, вашу реликвию утащили из гномского каравана, пытавшегося вывезти из города похищенные вещи. Он помрачнел — хотя куда уж больше, у этого Леука всегда такой вид, будто он вчера похоронил все семейство, а сегодня узнал, что ему предстоит быть повешенным — и спросил, сколько мы хотим за книгу. Кэрли возьми и брякни: «Тысячу!»

— Неужели заплатил? — девица Нираель восхищенно зажмурилась. Она уже поняла, что судьба свела ее с представителями неистребимого и процветающего племени мошенников. Парочка ей понравилась — они хорошо выглядели, не нуждались в деньгах, и им точно не требовались душеспасительные беседы с Голосом. Чего-чего, а уверенности вкупе с самоуверенностью у этих двоих — хоть отбавляй.

— Не моргнув глазом, — Хисс ласково пошлепал по спрятанному за пазухой кошельку. — И



еще раз расспросил про гномов — что да как. Мы рассказали. Он подумал и говорит: «Что-то я слишком часто слышу о том, будто гномы все рьянее вмешиваются в людские дела. Я намеревался уехать сразу же, как отыщу книгу, но теперь, пожалуй, задержусь в вашем городе на пару дней». Раз он расплатился, то нам рассиживаться в «Папирусе» больше резона не было. Мы засобирались домой, а этот тип спрашивает — нельзя ли ему пройти с нами. Хочет посмотреть на город и в особенности — на гномский квартал. Чем-то эти приплюснутые уродцы его крайне заинтересовали. Мы сводили месьора Леука к Чамгану, он постоял, поглядел на стену и ворота, прошелся с нами по окрестным лавкам. Даже купил для Кэрли вон ту побрякушку, — Хисс показал на золотой браслет в виде ящерицы, украшавший левое запястье его подружки.

Он остановился передохнуть и глотнуть вина. Кэрли пошевелилась на подстилке, ее взгляд стал осмысленнее.

— Мы уже собирались распрощаться и разойтись, как откуда-то с небес свалилось это зубастое чучело, — Хисса передернуло. — С тех пор, как я видел его в последний раз, оно вымахало втрое и отнюдь не стало привлекательнее. Зверюга пролетела над лавками, сорвала с одной вывеску и сунулась к стенам Чамгана. Гномы немедленно дали по ней залп из арбалетов, отчего она сразу передумала напрашиваться к ним в гости. Леук вытаращился на эту тварь и забормotal, что произошло нарушение какого-то Боль-



шого Равновесия и нужно немедленно выгнать нашего зубастого приятеля из этого города и из этого мира. «Возьми да выгони, если думаешь, что это так просто», — говорит Кэрли. Леук молча поднимает руку и кидает в Пузыря чем-то вроде тех синеньких молний. Тварь, само собой, разворачивается, видит его, испускает боевой клич и кидается в атаку. Все вокруг начинают орать и носиться как оглашенные, мы бежим, зверь — за нами, мы — от него, и вот чем все кончается... — он скорбно вздохнул и поднял кружку, провозгласив: — Мир бранным останкам месьора Леука! Надеюсь, тварь, что его слопала, заработает несварение желудка.

— Как ты можешь? — еле слышно спросила Кэрли. — Его растерзали, а ты смеешься!

— Не плакать же, — преувеличенно беспечно отмахнулся Хисс. — Вдобавок, сдается мне, Леук был колдуном или подручным колдуна, и неплохо отомстил за свою смерть. Я даже не уверен, что он умер. Может, провалился вместе с Пузырем в это самое Запределье и благополучно там воскрес. Главное, что мы остались живы, причем сохранили и золото, и книгу. Ильха, не хочешь заглянуть, посмотреть на свое прошлое?

— Спасибо, не хочу, — не раздумывая, отказалась Ильха. Черный фолиант внушал ей безотчетный страх.

— И правильно, — поддержала ее Кэрли. — Знание о прошлом не приносит радости.

Девушка-мошенница встряхнулась, поправила безнадежно растрепавшуюся прическу и, ехидно



глянув на приятеля, вкрадчиво добавила: «Вы согласны, ваша милость?»

— Не смешно! — взвился мгновенно и непонятно почему разозлившийся Хисс. Ильха от неожиданности выронила свою чашку. — Кэрли, не делай того, о чем впоследствии пожалеешь, и никогда не копайся в могилах. Умершее — мертво. Меня зовут Хисс, и давай больше не возвращаться к этому разговору!

— Я пошутила, — оторопело пробормотала Кэрли, не ожидавшая столь яростной отповеди. — Я... Я больше не буду! Я никому не скажу, обещаю!

— Если бы твои невыполненные обещания были свиньями, мы бы разбогатели, приторговывая молочными поросятами, — остывая, проворчал Хисс и повернулся к Ильхе: — Можно посмотреть на твою моленную? Любопытно глянуть, как устроился наш беглый нужник.

Теперь Ильха полностью вызнала предысторию появления Голоса в Шадизаре — ее финал поведал сам дух капища, начало же принесли с собой двое жуликов. Ильха и Хисс безуспешно поломали головы над вопросом, чем мог оказаться непонятный золотой жезл и каким образом драгоценная безделушка позволила Голосу проникнуть в людской мир да еще воплотиться в виде мраморной башенки.

— Пошли, — Ильха встала. Хисс с готовностью поднялся за ней. Его приятельница поколебалась, не решаясь довериться так подведшим ее ногам, но любопытство победило, и она тоже ре-



шила присоединиться. Тилль не двинулся с места, и Ильха вспомнила, что обещала Голосу убирать художества кота. Пришлось искать тряпку и кувшин с водой.

Выражение Глаза, с высоты фронтона багрово глянувшего на посетителей, показалось девице Нираель крайне возмущенным.

— Это Хисс и его подруга Кэрли, — торопливо представила она гостей. — Я думаю, ты их знаешь.

— Почему я должен их знать? — внутри плоского темного рубина мелькнула крохотная серебристая молния.

— Потому что черное и белое рвутся по живому, — заунывно прогнусавил Хисс, озирая остроконечное сооружение. — Как тебе тут живется? Говорят, хорошо пристроился?

— Я помню твой голос, — Глаз с достоинством моргнул. Ильха осторожно протиснулась в узкий вход и, прищурившись, огляделась, разыскивая кошачью лужицу. Ей показалось, что внутри молельни стало гораздо светлее. Посмотрев наверх, Ильха удивленно пискнула, поняв, что служит источником света.

— С тобой все в порядке? — озабоченно прокричали снаружи. Желтый дневной свет загородила чья-то фигура, затем в дверь всунулась лохматая голова Хисса.

— Ого, — чуть потрясенно сказал рыжий молчун. — Случаем; это не обрывок не-пойми-чего, который остался после безвременной кончины нашего пузатого и зубастого друга?



— Он самый, — Ильха с тревогой смотрела под потолок молельни. Там плавал полупрозрачный оранжево-золотистый лоскут, иногда вспыхивавший гроздьями разноцветных огоньков, похожих на светлячковый рой. — Голос, ты знаешь, что у тебя внутри... э-э... болтается такая светящаяся шутка, вроде кусочка тонкой ткани?

— Конечно, знаю, — в интонациях Голоса прозвучала отчетливая нотка высокомерной снисходительности. — Не беспокойся, она не опасна. Почему-то я уверен... — Голос стал мечтательным, — ...что эта вещь пригодится нам в будущем. — Дух внезапно перешел на деловой тон: — Вдобавок, в молельне пребывают отходы жизнедеятельности твоего домашнего животного... Они слева от тебя, в углу. Ты не могла избавить меня от их присутствия?

— Обязательно, — пообещала Ильха, зачарованно глядя на колышущийся лоскут. Чего-то, похожего на легкую вуаль, но таковой совсем не являвшегося.

* * *

— Он забрался в кладовку и разворошил сундук. Забрал штаны из черной кожи — новенькие, я сама их носила всего два раза! — и высокие сапоги, те, которые из серой замши с красными нашлепками. Вдобавок унес из комнаты Альса жилет — черный с серебряной вышивкой.

— Если это шутка, то мне не жалко. Но зачем?



— Понятия не имею, — горько сказала Лорна. Стоявшая рядом Феруза успокаивающе погладила хозяйку таверны по плечу. Бритунийка как-то сдавленно перевела дух и продолжила: — Пес с ним, с барахлом. Любому в этом городке доводилось откалывать выходки почище, чем всяческие переодевания. Я сама однажды вырядилась призраком, чтобы напугать задолжавшего мне мерзавца.

— И подействовало? — не удержал язык за зубами Ши. Вернее, изрядно расстроенная и сбитая с толку девушка Шелла, упрямо продолжавшая верить, что морок вот-вот развеется и Высшие Силы (или кто-нибудь не менее могущественный) изволят вернуть ей истинный облик.

— Угу, — рассеянно кивнула Лорна. — Я ж говорю — не в вещах суть...

— А в чем? — очень терпеливо спросил Аластор.

— Ну-у... — хозяйка, окончательно запутавшись, обернулась за помощью к Ферузе. Предсказательница, сама пребывавшая в тягостном недоумении, обескуражено развела руками, высказав догадку:

— Одно из двух. Райгарху требовалось учинить воистину сногшибательный розыгрыш... или сегодня утром он сошел с ума.

— Лорна, Феруза, давайте вы просто онишите, что произошло, — в который раз повторил Аластор, чувствуя, как в голове возникает легкий шум. — Потом обдумаем, что это бы могло значить. Пока я слышал только ничем не под-



твержденное предположение: Райгарх внезапно спятил.

— Но так и есть! — вспыхнула тавернщица. Вовремя оказавшийся у нее за спиной Малыш силой усадил бритунийку обратно на скамью, по возможности мягко попросив:

— Лорна, успокойся. Надо сперва разобраться, чего и как.

— Разобраться!.. — зло фыркнув, процедила женщина.

— Это не так-то просто, — подала голос Феруза, непрерывно теребившая в пальцах край обшитого тесьмой длинного рукава. — В общем, сегодня утром... Я сидела внизу... Пришли Хисс и Кэрли, они сначала ждали, когда спустится Джай, хотели что-то ему рассказать. Он вроде бы вышел из своей комнаты, а сюда не приходил... Потом они ушли, а я... То есть мы...

— Феруза, душа моя, ты-то вроде косноязычием никогда не страдала! — не выдержал Альс. — Причем тут Хисс и Кэрли? Мы говорим про Райгарха, который, по вашим словам, сотворил нечто ужасное и сгинул неведомо куда! Я хочу знать, что он наделал и почему вы обе решили, будто старый конь двинулся умом!

— Потому что я поднялась в свою комнату и застала Райгарха перед моим зеркалом! — истерически прокричала в ответ Феруза и с такой яростью дернула многострадальную ленту тесьмы, что та оторвалась. — Он откупорил мои склянки с благовониями и вылил их на себя!



— Что, все какие были? — ошарашено про-
бормотала Шелла. Ее, к счастью, не услышали.

— Он взял мой гребень и маленькие ножни-
цы, и срезал свою обетную косичку, а по варвар-
ским традициям это запрещено! Спроси у Малы-
ша, пусть подтвердит, права я или нет! Он сидел
с моей кисточкой, которой женщины подкраши-
вают ресницы, и пытался нарисовать себе такую
тень, от которой глаза кажутся больше! Я не
знала, что думать, и спросила — он готовится к
новой проделке? Помощь не нужна? По себе
знаю — с непривычки всегда руки трясутся и
получается криво. Он вскочил, как ошпаренный,
перевернул столик и убежал... — туранка не
выдержала, но не расплакалась, а в ярости за-
стучала кулачками по краю стола.

— На лестнице это размалеванное и выря-
женное как пугало чудовище налетело на меня,
— бесстрастно довела до конца повествование
Лорна. — Я поинтересовалась, не рановато ли
для выпивки и какой кошмар посетил нынче
ночью его дурную голову? Знаешь, как он на ме-
ня глянул? Примерно как монах-праведник на
дешевую шляпку! На меня! После всего, что
для него сделала!..

Хозяйка таверны, не глядя, схватила первую
попавшуюся под руку кружку и торопливо осу-
шила ее, едва не поперхнувшись.

— И он ушел, — Феруза сумела взять себя в
руки, ее голос почти не дрожал. — Хлопнул две-
рю, едва не сорвав ее с петель, и ушел. Не
знаю, куда.



Аластор, Шелла и Конан вопросительно пере-
глянулись. Шелла почувствовала, как по спине
медленно проползла холодная и скользкая змей-
ка дурного предчувствия.

— Я недавно видел... видела Райгарха в горо-
де, — заикнулась она, немедленно пожалев о своей
излишней болтливости.

— И где его носило? — ледяным тоном вопро-
сила бритунийка.

Иногда время начинает идти слишком быст-
ро. Во всяком случае, за пару ударов сердца
Шелла успела мысленно перебрать и отвергнуть
как неподходящие не меньше полутора десятков
возможных ответов. Подумала, не сказать ли
Лорне, что обозналась. Впрочем, бритунийка все
равно узнает правду — подобные сплетни разно-
сятся с умопомрачительной скоростью. Пусть
лучше ей скажут друзья, чем нашепчет ка-
кой-нибудь уличный болтун.

— На Птичнике... — пролепетав это, Шелла
невольно съежилась и отвела взгляд.

Лорна окаменела. В самом прямом смысле
этих слов — выпрямилась и застыла, пристально
глядя перед собой. Аластор и Феруза на ред-
кость дружно застонали, почти одинаковым жест-
том схватившись за головы. Малыш, ничего не
понявший, открыл рот, чтобы уточнить... по-
смотрел на своих друзей... и передумал.

— Я его убью, — проскрежетала Лорна. Никто
не усомнился в истинности намерений содержа-
тельница таверны и не принял ее слова за
обычную шутку. — Если у него хватит наглости



вернуться сюда... Нет! Я отыщу его и прикончу! Сама! Немедленно! Никогда в жизни меня так не позорили!! Зарублю мерзавца!!!

— Лорна, успокойся, — Конан снова попытался заставить взбешенную бритунийку сесть на место. С равным успехом он мог взяться останавливать понесшую лошадь. Феруза растерянно огляделась, не зная, что предпринять. На какое-то ужасное мгновение ей показалось, что единственный способ утомонить Лорну — нанести хозяйке таверны хороший удар чем-нибудь тяжелым по затылку, дабы та потеряла сознание.

Столь решительных мер, к счастью, не понадобилась. Открылась дверь, впуская в общий зал Кэрли, бережно тащившую некий сверток, и ее неразлучного приятеля. Окинув взглядом творящееся безобразие и сделав неизвестно какие выводы, Хисс присоединился к Малышу. Втроем — ибо стряхнувший краткое оцепенение Аластор тоже вмешался в потасовку — частично силой, частично дружными уговорами постояльцы убедили Лорну не кидаться на поиски вероломного Райгарха прямо сейчас.

— И пусть эта гиена, любитель цыпляток, посмеет показать свою гнусную морду в моей таверне... — бритунийка сдалась и устало опустилась на скамью. Ткнулась лицом в ладони и замолчала.

— Что случилось? — шепотом спросила Кэрли у Ферузы. Предсказательница только головой покачала и отправилась за стойку: выискивать



среди винного запаса таверны какой-нибудь напиток покрепче.

— Привет, крошка, — Хисс заметил жавшуюся в углу незнакомую и одновременно смутно узнаваемую чернявую девушку. — Случаем, не из-за тебя вышел скандал? Чем ты так огорчила нашу добрую хозяйку? И кстати... — Рыжий прищурился, — кого ты мне напоминаешь? Я — Хисс, а ты?..

— Ее зовут Шелла, — несмотря на драматичность ситуации, Альс еле слышно хихикнул. — Вчера мы знали эту особу под именем... Ладно, считай для простоты, что Шелла — сестренка Ши Шелама. Хотя на самом деле это Ши собственной персоной.

— Сестренка, — задумчиво повторил Хисс. — Думаете, я поверю вашим бредовым рассказам? У меня своих хлопот выше головы. Альс, что вы затеяли? Где Ши? Кто эта девица и ради чего она вдруг так старательно пытается выдать себя за моего старого друга Умелые Ручки? Или... — он нахмурился, — Ши внезапно понадобилось влезть в шкуру женщины? Что ж, получается неплохо. Теперь сворачивайте балаган и поведите, какой очередной выходкой расстроили Лорну?

— Шелла отнюдь не прикидывается девицей, но является таковой, — невозмутимо пояснил Аластор. Не удержавшись, добавил: — Кое-кто уже доподлинно убедился в ее женской принадлежности.

— Заткнись, — прошептала девушка.



— Правда? — подозрительно оживился Хисс.
— Тогда и я хочу... убедиться. Весьма нечестно со стороны Ши скрывать от нас такую хорошенькую родственницу. А с ее стороны будет нехорошо отказывать в маленькой любезности давним друзьям своего... брата.

Он поймал не ожидавшую такого коварства Шеллу за руку и притянул к себе, бесцеремонно огладив ниже талии.

— Сестренка, скажи-ка мне, ты мальчик или девочка?

— Пусти! — Шелла забилась, вырываясь, и неожиданно для себя разрыдалась. — Все вы одинаковы! Только и думаете, как бы затащить кого в угол потемнее!..

— Оставь девочку в покое, — вмешалась угрюмая Лорна.

— Так! Хватит! С меня довольно! Замолчите все!!!

Дабы придать требованию внушительности, Аластор с размаху запустил в стену глиняным кувшином. Сосуд с хрустом разбился.

— Пять кафаров, — выолголоса отметила Кэрли, отчаянно силившаяся понять, что происходит. Случай с Леуком надолго лишил ее душевного равновесия, оставив взамен тоскливое недоумение и боязнь.

Общество настороженно притихло. Шесть пар глаз выжидательно уставились на ставшего центром общего внимания Аластора.



* * *

— Давайте немножко подумаем, — Аластор прошелся взад-вперед по обеденной зале таверны. Головы присутствующих заворочено поворачивались ему вслед. — Наша жизнь идет наперекосяк. Вместе с тем я ощущаю в случившемся некую логику, странную последовательность. Ничто не стрясается просто так, на ровном месте. Мы должны сообразить, где лежат истоки Литиры... я хотел сказать, наших бедствий.

Он позаимствовал у внимательно слушавшей Ферузы ее браслет — нитку с нанизанными агазовыми шариками, и, излагая свои соображения, звонко щелкал передвигаемыми бусинами. Сухой треск отчего-то добавлял словам весомости.

— Начнем с наличия двух случаев, однозначно выходящих за границы нашего обыденного бытия. У нас есть Ши, внезапно обратившийся в девицу, и Райгарх, не менее внезапно испытывший тягу к... э-э...

— У нас в клане таких за людей не считали и побивали камнями, — задумчиво изрек Конан.

— Дай человеку сказать! — напустилась на него Лорна.

— Тихо. Малыш, я уважаю ваши варварские обычаи, но сейчас мы обсуждаем не их. Добавим пропавшего при странных обстоятельствах Джая и получим... Что?

— Слишком много странных происшествий для одного утра, — сделал вывод Хисс и покровительственно погладил по голове тихо всхлипы-



вавшую Шеллу: — Не реви, красотка, все образуется.

— Таков краеугольный камень наших рассуждений, — Аластору явно припала по душе роль проницательного дознавателя. — Далее. Нельзя проснуться утром и вдруг сойти с ума. Тем более на такой... своеобразной почве. Райгарх, каким мы его всегда знали — человек здравомыслящий, отличающийся твердыми убеждениями и рассудительным нравом. Что до случая с Шеллой, то есть с Ши...

— Прости, я совсем не понял, — влез Хисс. — Это все-таки переодетый Ши, его сестра или кто?

— Как утверждает Ши, он проснулся сегодня утром и узнал, что стал Шеллой, — кратко пояснила Феруза. — С твоей стороны очень низко смеяться над ним, то есть над ней. У человека беда.

— Я просто хотел уточнить, — с невинным видом уверил предсказательницу Хисс.

— Шелла, ты в детстве никогда не мечтала стать девочкой? — серьезно поинтересовался Аластор. — Подумай, вспомни как следует... Ты случайно не брала у матушки или у сестер их одежду или побрякушки?

— Да за кого ты меня принимаешь?! — взвилась Шелла, от обиды даже забыв всхлипывать. — Стать девчонкой? Зачем?!

— Однако ты ей стал, — заметил Аластор. — Не кричи. Я пытаюсь установить истину. Вдруг ответ кроется в том, что в глубине души ты все-



гда хотел быть не мужчиной, а женщиной? Может, сегодня день исполнения подавленных желаний? Звезды так сошлись...

— Я не женщина! — Шелла оскорбленно вскочила, выбираясь из-за стола. Услышав тихие смешки, представила себя со стороны и удрученно поняла, насколько нелепо выглядит.

— Сядь, — короткое хмыканье вырвалось даже у хозяйки таверны. — К сожалению, сейчас ты — девица. Ничего с этим не поделаешь. Терпи.

— Но я не хочу! — жалобно взывала Шелла. — Хочу быть собой!

— Может, я тоже не хотела являться на свет женщиной, а пришлось, — отрезала бритунийка. — Ах, валяй дальше.

— Я вижу несомненное сходство наших, назовем их так, необъяснимых случаев, — Аластор благодарно кивнул хозяйке, вернувшей беседу в русло печальной действительности. — Не знаю, что сейчас происходит с Джаем, но бедствия Ши и Райгарха кроются в...

— В штанах, — на редкость точно определил Хисс.

— В области взаимоотношений между мужчинами и женщинами, — Аластор испепелил не в меру остроумного мошенника взглядом. — И поскольку естественными причинами объяснить случившееся никак нельзя, остается предположить наличие причин неестественных...

— Ты проще говорить можешь? — жалобно попросила Кэрли. — Я запуталась.



— ...Из чего извлекается третий вывод — тут замешано колдовство! — Аластор торжествующе поднял палец. — Причем колдовство весьма своеобразное. Я бы сказал, в нем ощущается мстительная женская рука. Колдун мужского пола ограничился бы тем, что превратил ваши скромные достоинства в никуда не годные сухие веточки. Женщина заставила вас тихо сходить с ума и превратила источник ваших радостей в причину безмерной скорби, — он повернулся к внимательно слушавшей девушке, требовательно спросив: — Ши-Шелла, как там тебя, признавайся, какой колдунье вы наступили на ногу за три последних дня? Кого ограбили? Хотя нет, я предполагаю, что вы проникли не в ведьминскую библиотеку или сокровищницу, а в спальню, причем жестоко разочаровали хозяйку. Ну? Суд ждет чистосердечного признания!

— Господин судья, меня там вообще не было... — по привычке затянула Шелла, но осеклась. Подняла руку, словно намереваясь поправить волосы, растерянно остановилась на половине движения. Блестящие, как тутовые ягоды, темные глаза вытаращились, становясь все больше и больше.

— Флакончик... — выдохнула Шелла.

— Какой флакончик, откуда, зачем? — строго спросил Аластор.

— Хрустальный. Оранжевый, — Шелла почувствовала, что ей опять становится дурно, и, не в силах остановиться, снова проговорила: — Флакончик.



— Ты не мой флакончик имеешь в виду? — встрепелась Феруза.

— Свидетельница ат-Джебеларик, выражайтесь яснее! — потребовал Хисс, взявший на себя роль судебного писца.

— Да не путайся ты под ногами! Хрустальный флакон, похожий на анельсиновый плод! Ах, ты мне его подарил третьего дня! Я подумала, что для меня запах очень резкий, и отдала Ши. Ой-ля, ты не про него говоришь?

— Ага, — обрадовалась внезапной поддержке Шелла. — Он самый. Я собирался... собиралась... в общем, думала подарить его Элате из «Золотого павлина». По дороге туда мне встретился один старый знакомый, и мы решили проверить, понравится ли зелье из флакончика какому-нибудь существу. Там рядом был туранский постоянный двор, и верблюды привязаны. Мы взяли и одной черной злобной твари нацедили капелек десять. Он вылакал и давай крушить все подряд. Порвал уздечку, начал скакать по улицам, добежал до «Коринфских садов», а там... Там как раз гостил уль-Вади со своей кобылой.

— Окарема вовсе не кобыла, зря ты так, — вступилась за оболганную подружку старосты квартала Кэрли. — Она, конечно, крупновата, однако очень миленькая. Что касается женщин, то у господина уль-Вади, скорпиона ему в печень, есть вкус.

— Я не про Окарему говорю! — рывкнула Шелла. — Про обычную кобылу! Лошадь женского пола! На четырех ногах и с хвостом! Була-



ной масти! Он ее увидел, и пу брызгать пеной из пасти! А потом взял и забрался на нее!

— Назирхат? — недоверчиво уточнила Лорна.

— Которые с животными блудят, тем по древним уложениям надлежит камень на шею вешать и в озере топить, — внес ценное добавление к описанию варварских законов Конан.

— Верблюд, — холодным и твердым, как закаленная туранская сталь, голосом процедила Шелла. — Верблюд забрался на кобылу Назирхата.

— Это что-то новенькое даже для нашего горodka, — с восторгом признал Хисс.

— Мы, я и мой приятель, убежали. Поблизости околачивался Кодо и подозрительно на нас косился. Не хотелось мне с ним объясняться. Мрачный он в последнее время.

— С флакончиком, надо полагать? — Аластор озадаченно пощелкал черными бусинами браслета. — Куда вы побежали? Пробовать снадобье еще на ком-нибудь? Или сами хлебнули?

— Нет, — затрясла головой Шелла. — Сами не рискнули. Решили найти какого-нибудь олуха и испытать на нем. Помните Салдуса Плешивца? Малыш, ты с ним должен быть знаком лучше всех, он тебе недавно чуть ручонку не оттяпал. После того, как Плешивца разжаловали с уважаемой должности палача, он подался в нищерброды и промышлял, оказывается, на задворках «Алмазного водопада».

— Вы поднесли ему стаканчик вашей настойки, — не вопросительно, утвердительно произнесла Лорна. — Ну и мерзавцы!



— Мы просто хотели знать, что будет, — принялась оправдываться Шелла.

— И что с ним случилось? — устало спросила бритунийка. — Надо полагать, то же самое, что с несчастным верблюдом?

— В общем да, — сокрушенно призналась Шелла. — Только ему требовались не лошади, а женщины. Он вошел в «Водопад» через черный ход и начал портить всех девиц, каких встречал по пути. Местные охранники попытались его скрутить и выкинуть, но у них ничего не вышло. Плешивец от зелья стал здоровым, как бык, и разбросал всех по углам. Мы с приятелем тоже решили вмешаться — как-никак, заварушка началась по нашей вине — но моего дружка почти сразу уложили вздремнуть, а меня едва не прибили к колонне в качестве украшения. Тут на крики примчалась тамошняя хозяйка. Решительная дама — взяла и треснула Плешивца бронзовой вазой по макушке.

— Хозяйка, — предвкушающе повторил Хисс. — Содержательница «Алмазного водопада» на Ак-Сорельяне. Говорят, такая красotka, что от одного ее взгляда любой готов расстелиться перед ней ковриком. Ши, то есть Шелла, если ты с ней познакомился и никому ничего не сказал, ты мне больше не друг. И даже не подружка.

— Что случилось потом? — напомнил Аластор.

— Да почти что ничего... — Шелла заерзала на скамье и опасливо глянула на Лорну. — Плешивец отдал концы. Не знаю, от нашего угоще-



ния или от того, что ему изрядно досталось по лысой башке. Моего приятеля оттащили в комнату по соседству и позвали к нему лекаря — он здорово расшибся о стену. Я поболтал с хозяйкой и пошел себе...

— Не ври, — строго потребовал Аластор. — Неужели хочешь до конца жизни пробегать в платье? Тебе настолько понравились Назирхатовы мальчишки? Будешь говорить правду?

— Я не могу, — девушка отчаявшимся взглядом показала на тавернщицу.

— Подумай о Райгархе, — Феруза присоединилась к увещаниям приятеля. — Каково приходится ему? Ой-лэ, если мы не сможем найти способ вернуть все обратно, его жизни просто-напросто придет конец! Он в самом деле лишится рассудка. Шелла, ты должна нам помочь!

— Пусть Лорна пообещает, что не станет меня бить, — собравшись с духом, выпалила Шелла.

— Да не трону я тебя! Вот болячка вредная! — беззлобно отозвалась бритунийка. — Признавайся, чего вы там натворили.

Шелла набрала воздуха и медленно заговорила. Вокруг стало очень тихо.

— Владелица «Водопада» хотела получить флакон с напитком, которым угостили Плешивца. Не знаю, зачем он ей понадобился. Она была готова заплатить любую цену. Я намекнул, что знаю, где добыть зелье, и назвал ей свои условия. Ночь в «Водопаде». Для меня, Райгарха и Джая.



— Предатель, — свирепо пробормотал Хисс. — Как же я?

— Тебя в таверне тогда не случилось, а искать... Она согласилась. Мы пришли. Утром я отдал ей флакон.

— Поддельный! — внезапно ахнула Лорна, на редкость быстро выстроившая цепочку событий. — Я же своими глазами видела, как ты сострепал жидкость, один к одному похожую на ту, что булькала в твоей склянке!

— Хозяйка «Водопада» получила фальшивку, — понимающе кивнул Аластор. — После чего ваша жизнерадостная троица, довольно подхихкивая, удалилась. Вчера, надо полагать, подмену обнаружили. Мошенников настигла запоздалая, но справедливая кара. Скажи-ка, предприимчивый ты наш алхимик, как зовут госпожу, что правит «Водопадом»?

— Кэто, — Шелла обмякла на скамье и сторбилась. — Ее имя — Кэто Сувейба. Не знаю, подлинное или нет.

Аластор рывком ухватил Шеллу за плечи, встряхнул и повернул лицом к себе.

— Кэто? Ты уверен? — неожиданно зло прорычал он. — Ей не то двадцать, не то двадцать два года? Она светловолосая с рыжиной, только не как Феруза, а с более вульгарным оттенком? Прекрасная фигура, медовый голосок, зеленые глаза?

На каждый вопрос Шелла испуганно кивала. Или у нее просто голова моталась взад-вперед от рывков.



— Ты ее знаешь? — настороженно спросила Феруза. — Кто она?

— О боги, — с этими ничего не объясняющими словами Аластор выпустил окончательно запутавшуюся и готовую снова разрыдаться Шеллу, прошел к лестнице и как-то грузно рухнул на ступеньку.

Вид у него сделался средним между отсутствующим и скорбным.

— Эта Кэто — твоя знакомая, — догадалась Феруза. Аластор безучастно кивнул. — И вина за происшедшее лежит на ней?

— А еще на мне и на этом... — Аластор издал звук, похожий на тоскливое мычание, не в силах подобрать достойное определение для Ши и его поступка. — Я должен был догадаться!

— Догадаться о чем? — туранка присела рядом и бережно погладила взъерошенные черные локоны друга.

— Не имеет значения. Теперь больше не имеет, — Аластор удрученно помотал головой и скривился, словно от сильной зубной боли. — Ши, прими мои искренние соболезнования. Ты наступил на ногу весьма могущественной особе, пребывающей накоротке с магией. Судя по всему, она в ярости. Я не знаю, чем тебе помочь. Не обессудь, — взломщик обессилено ткнулся лбом в плечо Ферузы. — Суд удаляется на совещание для вынесения окончательного, то бишь смертного приговора.

— Я навсегда останусь женщиной? — хрупким голоском спросила Шелла и поднесла ладонь к



губам, заграждая путь готовому вырваться воплю отчаяния.

— Скажи спасибо, что Кэто под горячую руку не превратила тебя в жабу или в золотую статуетку, — приглушенно донеслось в ответ.

— На эту вертихвостку Шеллу мне глубоко плевать, она-то выкрутится! Милосердное Небо, что будет с Райгархом? — Лорна поднялась из-за стола, опираясь на него обеими руками. Вид бритунийки не предвещал ничего хорошего. — Кто мне ответит, что станется с Райгархом? Ах, ты не имеешь права отходить в сторону и заявлять: «Я не могу ничего поделать!». Если ты знаешь эту ведьму, Кэто Как-бишь-ее, отведи меня к ней!

— Зачем? — недоумевающе спросил взломщик.

— Поговорить. Как женщина с женщиной. Я объясню, что произошло. Райгарх не имеет к этому пакостному розыгрышу никакого отношения! Его-то за что наказывать? И что она сделала с Джаем? Об этом кто-нибудь подумал?

— Лорна, ты не понимаешь... — начал Аластор и оборвал сам себя: — Хотя... Шелла, где настоящий флакон с зельем?

— Спрятан у меня в комнате, — сквозь подступающие слезы ответила девушка.

— И много в нем осталось?

— Да он почти полон! Мы взяли от силы десятка два капель!

— Тащи сюда, — Аластор вскочил на ноги. — Может, и в самом деле еще не все потеряно?



Шелла, демоны тебя побери, сколько ты доставляешь неприятностей!

— Что нам делать? — деловито осведомился Хисс. — Идем все или кто-то остается?

— Гм, — Аластор задумался, прикидывая. — Лорна, тебе лучше побыть дома. Хисс, я могу попросить тебя и Кэрли... знаю, что прозвучит дико, но кому-то нужно сходить на Птичник и поискать там Райгарха.

— На Птичник? — вытаращилась Кэрли. — Эк его, беднягу...

— Малыш? Эй, Конан, остаешься держать оборону в таверне. Справишься?

Мальчишка-варвар коротко кивнул и оглянулся, услышав быстрый топоток ног, мчащихся по коридору черного хода.

— Хозяйка! — завизжала, вбегая в зал, молоденькая служанка Рилна. — Хозяйка, хвала Иштар, вы никуда не ушли! Скорее!

— Что стряслось? — не поняла Лорна. — Ри, чего вопишь как резаная?

— Там Райгарх... — Рилна говорила слишком быстро и закашлялась. — Он вернулся из города и вел себя как-то непонятно. Через главный вход не пошел, полез по задворкам. Вы разговаривали, а он стоял здесь, около чулана, и слушал. Когда Ши запричитал, будто все пропало, он повернулся и... Хозяйка, он на конюшню пошел и петлю ладит! Повеситься с горя вздумал, как пить дать!

— Малыш, за мной! — Лорна с грохотом пронеслась через зал, сбив невовремя оказавшуюся



на дороге Кэрли и опрокинув пару скамей. — Я ему покажу, как вешаться, шню трухлявому! Я ему повешусь! Я ему так повешусь, на всю жизнь запомнит! Я его сама повешу, причем не за шею!..

Кэрли, не удержавшись на ногах, совершила оборот вокруг себя и плюхнулась на усыпанный тростниковыми циновками пол. Загадочный тяжелый предмет, обернутый в лоскут ткани, который она держала, выпал у нее из рук и отлетел в сторону.





Глава 4

Восполнение утраченного



Вак и полагалось в середине дня, двери «Алмазного водопада» стояли наглухо закрытыми. На настойчивый стук Аластора отозвался мрачный голос, убедительно посоветовавший пришельцу не тревожить обитательниц заведения и проваливать на все четыре стороны.

— Мне нужно поговорить с хозяйкой! — прокричал в ответ взломщик.

— Она не принимает, — непререкаемо отрезал бестелесный голос.

— Тогда с ее помощницей. Или с кем-нибудь, кто здесь распоряжается!

— Вечером приходи, — посоветовал невидимый охранник. — Первый день как на свет родился, порядков не знаешь, что ли?

— Я эту треклятую дверь сейчас разнесу ко всем демонам, — буркнул Аластор.



— Надо было взять с собой Малыша и попросить его постучаться, — вымученно хмыкнула Феруза и, повернувшись к дверям спиной, упрямо замолотила по ним каблучком сандалии.

— Угломониться не можете? — проревел не на шутку разозлившийся стражник. — Помочь? Сказано — катитесь отсюда! Приспичило?

— Позови госпожу Джемину! — настойчиво потребовала туранка. — Скажи, ее хочет повидать гадалка Феруза!

За дверями задумались. Имя Ферузы и ее репутация были достаточно хорошо известны, и вряд ли предсказательница стала бы ломиться в дверь столь уважаемого заведения, как «Водопад», из-за пустяков.

— Погодите, — в голосе охранника появились нотки неуверенности. Донесся звук тяжелых удаляющихся шагов, потом — невнятный разговор. Очевидно, караульный решил посоветоваться с приятелем или старшим по званию. Спустя какое-то время, показавшееся Шелле целой вечностью, загромыхали ключи и заскрипел вытаскиваемый засов. Между створками возникла тонкая щель, сквозь которую излилась волна приторно-сладких благовоний, настолько густая, что, казалось, ее можно потрогать рукой.

— Входите, — донеслось из-за створок. — Да побыстрее!

Большой нижний зал, где по вечерам девушки из «Водопада» встречали гостей, пустовал, погруженный в сероватую полутьму, нарушаемую робким миганием двух-трех настенных светиль-



ников. Вкрадчиво журчала вода маленького фонтана, пробираясь между камнями искусно устроенного водопада, благодаря которому заведение получило свое наименование. Ближе к ночи слуги зажгут укрытые среди валунов разноцветные лампы, превращавшие прозрачные струи в поток расплавленных драгоценных камней, но пока красивая игрушка бездействовала.

— Феруза? — долетело откуда-то сверху. По широкой лестнице торопливо спускалась пухленькая женщина, закутанная в развевающееся красно-золотое одеяние. Мелкие черные кудряшки, небрежно прихваченные высоким костяным гребнем, подпрыгивали в такт семенящим шагам. — Что случилось? Кого ты привела? У нас днем закрыто, ты же знаешь!

— Знаю, — кивнула туранка. — Джемина, это Аластор, мой друг. Ему очень надо переговорить с вашей хозяйкой. А эту девушку зовут Шеллой Шелам.

— Госпожа Кэто не желает никого видеть, — торопливо, не дослушав, перебила Джемина, и отчего-то поежилась. — Хотите закатить вечеринку для друзей или провести ночь с нашими девицами? Я устрою.

— Мы хотели бы побеседовать с владелицей, — медленно повторила Феруза. — Джеми, поверь, это очень важно!

— Хозяйка больна, — Джемина решительно наклонила голову, непоколебимая в своем намерении не допускать в покои занемогшей госпожи никого.



Феруза и Аластор быстро переглянулись. Туранка еле заметно пожала плечами и кивнула, уступая поле боя приятелю.

— Джемина, послушай... — Аластор быстрым, выверенным движением увлек подозрительно косившуюся на него помощницу владелицы заведения к позванивающему фонтану. Феруза потянула Шеллу за собой, к огромному, устрашающе роскошному низкому дивану в туранском стиле. Девушки опасливо присели на краешек, оглядываясь по сторонам: Феруза с искренним любопытством, Шелла — настороженно. Шелковая обивка дивана назойливо пахла не то мускусом, не то розовой настойкой. В полутьме таинственно мерцали золотые украшения на стенах и потолке.

— Если у Аластора ничего не выйдет, может, здешняя хозяйка согласится принять меня хотя бы служанкой? — тоскливо сострила Шелла, пытаясь устроиться на гладкой поверхности дивана поудобнее.

— Не будь у меня дара предсказательницы, я наверняка очутилась бы в месте, подобном этому. Мне предлагали, — Феруза криво усмехнулась, спросив: — Как считаешь, я бы имела успех?

— Конечно, — не колеблясь, подтвердила Шелла и осторожно поинтересовалась: — Каково оно, предвидеть будущее?

— Иногда мне кажется, это занятие смахивает на подглядывание в замочные скважины, — грустно отозвалась Феруза. — Мне не хочется



смотреть, но я не в силах закрыть глаза или отвернуться. Не получается. Потом становится очень тоскливо, будто ты вынужденно занимаешься чем-то неприятным и не можешь улизнуть. Может, кому-то удастся избежать этого уныния, но такие, с позволения сказать, гадалки — чаще всего жулики. Те, кто имеет отношение к настоящему, подлинному колдовству — они редко радуются. Им не повезло. Выпало видеть мир таким, каков он есть.

— Надо же... — разочарованно протянула Шелла и осторожно выглянула из-за высокой спинки дивана — проверить, каких успехов удалось достичь Аластору.

Взломщик и кудрявая помощница хозяйки стояли возле входа на лестницу. Джемина, судя по дерганым жестам рук, колебалась, готовая уступить.

Шелле не удалось расслышать, что именно говорил ей Аластор, однако она уловила мягко-бархатистые интонации, свидетельствовавшие, что в ход пущено безотказное средство — слегка насмешливое, спокойное обаяние уверенного в себе человека.

Шелла вздрогнула. Будь она в самом деле девушкой, пары фраз, произнесенных таким вот голосом, вполне хватило, чтобы заставить ее валяться по уши. Она поймала себя на том, что порывается встать, подойти к Аластору, завязать беспечный, легкомысленный разговор...

«Не дури, — строго прикрикнул внутренний голос. — Помни, ты — не девчонка! Твоя цель —



вернуть законный облик. Перестань думать глупости и рассуждать, как женщина!»

Джемина нерешительно начала подниматься вверх по лестнице, сопровождаемая не прекращавшим уговаривать ее Аластором. Миновав первый пролет, она безнадежно махнула рукой и, перегнувшись через резные перила, негромко позвала:

— Феруза! Посиди с подружкой здесь, ладно?

— Одно препятствие позади, осталось убедить хозяйку, — вполголоса заметила предсказательница. — На нашу долю, как всегда, выпадает терпеливое ожидание.

Джемина и взломщик скрылись. Шелла, не выдержав необходимости сидеть на одном месте, отправилась бродить по залу. Заглянула в каменную чашу, куда падал водопад, обнаружив там медленно плавающих красных и золотистых рыб с длинными радужными хвостами. Нашла спрятанные за занавесями двери, одна, судя по кисловатому аромату, вела в кухню, другая — во внутренние помещения заведения.

За третьей обнаружился узкий коридорчик, освещенный единственной свечой. Возле стены лежал потрепанный тюфяк, на коем восседал Джай Проньера собственной персоной. Персона жоака шайки из «Уютной норы» выглядела допельзя уныло и обескуражено.

— Ты что здесь делаешь? — опешила девушка, забыв, что Джай не в состоянии ее узнать.

— Джеми разрешила, — нехотя буркнул Джай. — До открытия.



— Да нет, я имею в виду, что ты вообще здесь делаешь... Феруза! — Шелла вспомнила о своей беде и решила прибегнуть к помощи. — Феруза, поди сюда! Быстрее!

Проныра вскинул голову, намереваясь спросить, при чем тут гадалка, но в коридорчик вбежала встревоженная Феруза. Предсказательница и Джай изумленно уставились друг на друга.

— Ты как тут очутился? — потребовала ответа туранка.

— А ты? — ответил вопросом на вопрос Джай.

— Мы расхлебываем последствия авантюры Ши... Ох! — Феруза, догадавшись, прислонилась к стене и обреченно закатила глаза. — Ты ведь приходил в «Водопад» три дня назад вместе с Ши и Райгархом, да? Значит, с тобой тоже что-то случилось?

— Если бы я еще мог понять, что именно со мной случилось... — тоскливо протянул Джай. — Как поживают эти два остолопа?

— Вот Ши, — Феруза поймала пытавшуюся скрыться девушку за пояс и вытолкнула ближе к свету. Шелла вымученно улыбнулась. Джай непроизвольно икнул. — Лорна и Малыш сейчас уговаривают Райгарха не сводить счеты с жизнью. Он... как бы это сказать... больше не ощущает влечения к женщинам.

— Кто ж ему требуется, мальчики, что ли? — устало удивился Джай. Феруза отвела взгляд и удрученно кивнула. — И эти гадости случились из-за Ши?



— погоди, я все объясню! — Шелла едва успела увернуться от нацеленного ей в лодыжку пинка и отскочила к двери. — Я не хотела! Джай, не дерись!

Джай как будто оглох. Поднявшись на ноги, он целеустремленно двинулся на Шеллу, попутно отстранив с пути пытавшуюся вмешаться туранку.

Шелла выскочила за дверь, лихорадочно озираясь в поисках укрытия. Створка за ее спиной дрогнула, распахиваясь настежь, в проеме возник Джай, вслед за ним металась испуганная Феруза.

Проныра шагнул через порог и исчез, оставив на память о себе тоненький звон.

Девушки остолбенели. Шелла открыла рот, но не смогла вытолкнуть застрявшее между зубами слово.

Впрочем, спустя миг Джай появился. Возле двери, что вела в кухню «Алмазного водопада».

— С самого утра так, — горько пожаловался он растерянным собеседницам. — Какую дверь не открою — возвращаюсь сюда. В «Водопад». Когда я тут очутился в первый раз, утром, меня пытались выкинуть. Бесполезно. Дошел до таверны «Белый лотос», открыл дверь, захожу — и снова оказываюсь здесь. Попробовал идти за кем-нибудь или с кем-то — другой входит, как положено... А меня запикивает в этот бордель, будь он не ладен!

Шелла и Феруза непонимающе посмотрели друг на друга.



— Ему никак отсюда не выйти, — пробормотала туранка. — Он возвращается на одно и то же место... Ши, что ты натворил!

— Вот я ему... ей сейчас и растолкую подробно, что она натворила! — с этим возгласом Джай устремился к потерявшей дар речи и способность двигаться Шелле, сгребя ее за болтавшуюся косу.

* * *

— Хозяйка? — Джемина осторожно постучала согнутым пальцем в изящную деревянную створку, украшенную резьбой и цветными камешками. — Госпожа Сувейба?

Тишина.

— Госпожа, к тебе пришли!

Неразборчивая возня, кашель, надтреснутый и разъяренный женский голос:

— Убирайтесь!

— Я предупреждала, — Джемина виновато развела руками.

— Кэто, открой дверь, — подчеркнуто внятно произнес Аластор. Подумал и добавил: — Пожалуйста.

В комнате зазвенело что-то, уроненное на пол. Зашаркали неуверенные шаги, приблизились к двери и остановились по другую сторону.

— Кайлиени? — неуверенно позвали из-за створок.

— Он самый, — подтвердил взломщик. — Впусти меня, надо поговорить.



— О чем? — зло спросила хозяйка «Водопада». — О чем нам разговаривать? Зачем ты пришел? — она сорвалась на неприличный визг. — Хочешь полюбоваться, что наделали твои дружки? Это ведь твои друзья, верно? За тобой всегда таскается всяческое отребье! Подобное к подобному, да, Кайлиени? Уходи, я тебе ни слова не скажу! Джеми, позови охрану, выкиньте отсюда это отродье! Проваливайте! — визг перешел в сдавленные всхлипы.

Джемина смущенно потупилась. Приятель гадалки Ферузы и, видимо, давний знакомый госпожи Кэто не казался ей ни «отребьем», ни тем более «отродьем». Джеми находила, что ей редко попадались на глаза подобные образчики рода человеческого. Но приказ хозяйки есть приказ хозяйки...

— Не волнуйся, — Аластор подарил растерянной чернявой женщине проникновенную грустноватую улыбку. — Милейшая Кэто всегда отличалась резкостью характера, — он снова постучался в комнату. — Перестань валять дурака. Я не могу разговаривать через дверь, это просто глупо, в конце концов! И пожалей своих цепных мальчиков. Думаешь, они мне помешают? — он весело подмигнул Джеми и угрожающе потребовал: — Кэто, не заставляй меня портить чужое имущество!

В комнате промолчали. Затем раздался севший и тихий голос Кэто:

— Джеми, уходи, я сама разберусь. Ступай вниз.



— Да, госпожа, — помощница вопросительно посмотрела на странноватого гостя. Тот кивнул. Джемина отступила к лестнице, на полпути быстро обернулась через плечо и заметила открывающуюся дверь. Настойчивый посетитель добился своего.

Существо, представшее взору Аластора, напоминало ходячий куль неопределенного пола и возраста. Узнаваемым остался только неповторимый сладкий голосок Кэто, остальное скрывалось под плотной туранской накидкой для женщин и узорчатым платком, надежно прятавшим лицо. В комнате царил вопиющий беспорядок: перевернутая скомканная постель, опрокинутый туалетный столик и в довершение — хрустящие под ногами осколки стекла.

Оглядевшись, взломщик увидел вычурную пустую раму и предположил, что Кэто в припадке ярости разбила зеркало. Удивляться нечему: близкие друзья госпожи Сувейбы отлично знали, чем способна обернуться ее ярость. Хрупким предметам, оказавшимся в этот миг поблизости, грозила верная гибель.

Темный мешок, имевший смутные человеческие очертания, доковылял до края постели и неуклюже уселся. Аластор поднял валявшийся на боку табурет и по привычке оседлал его.

— В честь чего тебе понадобилось рядиться гаремной затворницей? — игриво осведомился взломщик. Ответа не последовало, и он продолжил: — Кстати, какими судьбами ты вообще здесь оказалась? Я тебя в гости вроде не звал...



хотя всегда рад видеть. Ты, оказывается, владеешь неплохим заведением, — он поднял с пола за длинные ремешки серебристую сандалию, — отчего-то возненавидела моих приятелей, насылаешь злые чары направо и налево... Кэто, ты объявила мне войну? Не раскроешь секрет — за что такая немилость? Мы с тобой всегда считались задушевными друзьями и относительно верными союзниками.

— Не прикидывайся невинным ягненком, — раздраженно донеслось из-под платка. — И не старайся обмануть обманщицу. Этот паршивый городишко — последнее место на Материке, где я хотела бы оказаться.

— Ты не любишь Шадизар, но приехала сюда, — Аластор раскачивал сандалию туда-сюда, словно маятник. Каждый взмах отмечал завершение очередного краткого предложения. — Приехала одна... или вместе с нашим общим другом Забиякой? Не стремилась разыскать меня. Зато рьяно искала кое-что другое.

Он выпустил сандалию, отлетевшую в другой угол комнаты, и жестом уличного фокусника извлек из сумки на поясе ярко блеснувший хрустальный флакон, наполненный оранжевой жидкостью.

— Отдай! — взвилась Кэто, пытаясь вскочить, но наступила на подол мешковатого одеяния. — Я знала, что это твоих рук дело! Верни мне его!

Из складок накидки хищно высунулась обтянутая сухой лиловой кожей конечность с коричневыми потрескавшимися ногтями, стараясь



выхватить флакон. Кэто промахнулась. Собеседник оказался быстрее, поймав женщину за запястье. Хозяйка «Водопада» задергалась, вырываясь, но быстро обмякла.

— Что такое? — искренне поразился Аластор, растерянно глядя на скрюченную и мелко вздрагивающую кисть. — Кэто, всякий раз, как мы с тобой встречаемся, ты находишь способ безмерно меня удивить. Ну-ка вылезай из своих тряпок!

Женщина невинно запротестовала, мотая головой. Аластор требовательно подергал за край накидки, заставляя Кэто подняться.

— Не подглядывай, — мрачно потребовала госпожа Кэто Сувейба, начиная разоблачаться. Гость послушно отвернулся, но сперва незаметно передвинул носком сапога валявшийся на ковре довольно большой осколок зеркала, чтобы в нем отражалась фигура владелицы заведения.

Накидка упала на пол. Сверху опустился пестрый лоскут платка.

— Ой-е... — только и сумел выговорить Аластор.

— Доволен? — раздраженно спросило создание с пепельно-серой кожей, облаченное в мешковато сидевшее на нем голубое платье, яростно щуря узкие зеленые глаза. — Как, нравится?

— На мой вкус несколько... э-э... необычно, — ушел от прямого ответа взломщик.

— Не лги, — устало махнула рукой преображенная Кэто. — Скажи честно — отвратительно. Я похожа на чудовище. И все благодаря твоим



друзьям! Верни флакон, добром прошу! Не буду спрашивать, как вы его заполучили, только отдай!

— Говорили же тебе: оказавшись в Шадизаре, никому не доверяй, — наставительно произнес Аластор, не выпуская, однако, из рук драгоценную склянку. — Что мы теперь будем делать? Торговаться до хрипоты, согласно местным традициям, столь нелюбимым тобой? Условия сделки весьма просты: ты получишь свою отраву, мои друзья вернутся к обычной жизни. Можешь считать себя полностью отомщенной: трое злоумышленников сейчас вовсю завывают от горя. Один стал хорошенькой девушкой и успел сполна познать тяготы ремесла уличной красотки, другого нестерпимо тянет к созданиям собственного пола... Третьего я пока не нашел, но, думаю, ему тоже приходится несладко. Кэто, излишняя жестокость никого не украшает. Согласен, они виноваты. Мои извинения смягчат твою разгневанную душу? Ну хочешь, я пригоню эту лихую троицу сюда, и они лично попросят у тебя прощения? — бархатный голос взломщика приобрел умоляющее звучание: — Они всего лишь люди! Прости их, и дело с концом.

Кэто Сувейба молчала, медленно раскачиваясь взад-вперед и крутя в высохших, как тростинки, руках массивный золотой браслет.

— Не могу, — наконец выговорила она. — В смысле, демон с тобой и твоим мерзким городком, я согласна простить, хотя это против моих правил. У меня не получается снять заклятие,



как ты не понимаешь! Я уже раз десять пыталась — никак!

— Почему? — настороженно спросил Аластор.

— Я... — хозяйка «Водопада» по привычке попыталась скромно опустить взор, но при ее нынешней внешности создавалось впечатление, будто она страдает косоглазием. — Я так разозлилась... Вложила в пожелание всю Силу, которой располагала! Неужели ты всерьез полагаешь, будто я по доброй воле отсиживаюсь в этом клоповнике? Я не могу отсюда уйти, не могу вернуться домой, не могу отменить заклинание!

Взломщик прищурился, словно вглядываясь в нечто далекое, и беззвучно присвистнул.

— Редкий случай, когда ты не лжешь... Что же ты не обратилась за помощью? К Забияке или ко мне?

Женщина горько хмыкнула:

— К Забияке Кебрадо? Чтобы он меня высмеял и отправил восвояси? Ему доставило бы огромное удовольствие знать, что я привязана к этому месту! Ты же знаешь, как он ко мне относится — хуже, чем к путающейся под ногами беспородной шавке! Вы все меня ненавидите! — изумрудные глаза наполнились слезами. Вспомнив, что обычного впечатления нуждающейся в помощи красавицы ей не произвести, Кэто раздраженно вытерла лицо подвернувшимся лоскутом.

— Я очень тебя люблю, — со смешком заверил давнюю знакомую Аластор. — Причем моя любовь возрастает тем больше, чем дальше ты



от меня находишься. Как прикажешь с тобой поступать? В моей власти отвести тебя... скажем, на Перекресток. Оттуда добирайся сама.

— Сперва проторчав на Перекрестке до наступления конца времен? — сварливо осведомилась Кэто. — Спасибо, не нужно! И к тебе в гости я тоже не пойду. Буду сидеть здесь и ждать, пока не накоплю достаточно Силы! И можешь держать свое якобы искреннее сочувствие при себе! Не приходи сюда больше! Видеть не могу твою гнусную ухмылку!

— Возьми свое сокровище, — взломщик бережно опустил хрустальный флакон на пол. — Знаешь, я всегда считал, что ты излишне подозрительна, но сегодня ты перестаралась с обвинениями.

Белая красавица презрительно фыркнула в ответ.

Аластор вышел в коридор, аккуратно притворив за собой дверь, и озадаченно нахмурился. Дело принимало крайне скверный оборот. Злаящая госпожа Сувейба с легкостью творила самые невероятные мрачные чудеса, однако расхлебывание последствий охотно предоставляла кому-нибудь другому. Долго сидеть взаперти она не сможет. Надо что-то предпринять...

— Вот еще новая обуза на мою голову свалилась, — раздраженно буркнул взломщик, сбегая по лестнице в большой зал «Алмазного водопада», откуда доносились чьи-то яростные вопли вперемешку с женским плачем и негодующими восклицаниями.



Хныкала, как немедля выяснилось, Шелла. Она съежилась на диване — растрепанная и жалкая. Ее короткое сине-красное платье больше напоминало разрозненные лоскутья. Феруза обнимала новоявленную приятельницу за плечи и утешающе ворковала. Мрачный охранник заведения удерживал некую личность, упрямо старавшуюся вырваться и совершить убийство незадачливой девицы Шелам. В разъяренной личности Аластор с легким удивлением признал Джая Проныру. Рядом с охранником причитала, взмахивая руками и звеня украшениями, Джемина. Увидев Аластора, компания мгновенно замолчала и трепетом в глазах уставилась на взломщика.

— Ничего не получилось, — разочарованно признался Аластор. — Джай, какими лихими ветрами тебя сюда принесло?

— Сквозняками, — ответила за Проныру туранка. — Его тоже заколдовали. Он не может уйти: любая дверь приводит его на Ак-Сорельяну.

— А Шелла почему рыдает?

— Джай ее побил, — Феруза встала и потянула Шеллу за собой. — Пойдем, страдалица. Джеми, благодарю, что разрешила нам поговорить с твоей госпожой. Ты не против, если Джай останется у вас?

— Куда же его девать? — понимающе кивнула Джемина. — Дармоедничать не будет, подыщем ему занятие. Двери гостям открывать, что ли...



* * *

На улице обе девушки немедленно вцепились в Аластора, дружным хором требуя рассказать о встрече с госпожой Кэто Сувейбой.

— Кэто представляет собой нередкий случай: бестолковую и злую колдунью, — раздраженно проговорил взломщик. — Стремясь отомстить, она создала настолько могущественное заклинание, что теперь у нее не хватает силенок его отменить. Шелла, признавайся: какой дряни ты намешала в зелье, которое преподнесла дражайшей Кэто? Госпожа хозяйка от него пошла чешуей и облысела!

Шелла вытаращила глаза, ойкнула и сдавленно захихикала.

— Ничего смешного! — зло рявкнул Аластор. — Кэто — изрядная мерзавка, не спору, но сердить ее никому не советую!

— Тихо, тихо, — рассудительный голос Ферузы миглом заставил взломщика умолкнуть. — Значит, госпожа Кэто не в силах одолеть свое заклинание. Может ли это сделать кто-нибудь другой? Скажем, — туранка задумчиво накрутила на палец золотисто-рыжий локон, — скажем, Клелия Кассиана, которая обладает несомненным талантом к волшебству?

В предложении гадалки крылся несомненный здравый смысл, но, поразмыслив, Аластор разочарованно покачал головой:

— Она не согласится. Наверняка сочтет, что Кэто получила по заслугам. Кроме того, волшеб-



ство Клелии несколько... э-э... своеобразного рода и она не слишком умелая магичка.

— Но мы должны что-то сделать! — полным отчаяния голосом возопила Шелла Шелам так, что случайные прохожие недоуменно оглянулись. — Лучше умереть, чем оставаться девчонкой!

— Может, спустя луну-другую ты привыкнешь, — не слишком уверенно предположил взломщик.

— Понравится ли мне сидеть на раскаленной сковороде, если я посижу подольше? — огрызнулась Шелла.

— Что, если попробовать прибегнуть не к кодовским силам, но к божественным? — подала новую мысль Феруза.

— Выпотрошить все наши денежные запасы, явиться в капище Бела, пасть на колени и взмолиться: «Окажи милость, помоги!»? — недоверчиво уточнила Шелла. — Сдается мне, нашему покровителю подобная шутка очень бы понравилась. Он не станет ничего менять, предоставив нам отличную возможность пошевелить мозгами и самостоятельно отыскать выход.

— Я имела в виду не храм Бела, — уточнила туранка. — А Обитель Возвышенного Просветления, которая на полуночной окраине.

— Митрианцы? — Шелла презрительно сморщила нос. — Нас выгонят оттуда поганой метлой. По их мнению, жители прекрасного Шади-зара неблагочинны, жадны, склонны к чрезмерному винопитию, чревоугодию и распутству, и



совершенно не желают избавляться от своих грехов.

— Я слышала, — Феруза приняла серьезный вид, — что на Обитель снизошла благодать их покровителя. Якобы дня три назад тамошние монахи обрели какой-то талисман, способный творить чудеса и излечивать любую болезнь. То, что случилось с Райгархом, Ши и Джаем, тоже ведь можно назвать болезнью?

— Слово «обрели» означает: купили по дешевке на Ишлазе, — съязвила Шелла.

— Мы ничего не теряем, если сходим и узнаем, что и как, — настаивала гадалка. — Ой-лэ, ты можешь предложить что-нибудь получше?

— Феруза права, — согласился Аластор. — Прихватим Райгарха и наведаемся в гости к почтенным служителям Митры. В конце концов, это их прямая обязанность — помогать страждущим! Если откажутся, пригрозим, что пожертвуем им Шеллу.

* * *

Обитель Возвышенного Просветления возвели с полсотни лет назад, и она выглядела, как подобные ей митрианские храмы в любых странах Восхода и Заката: высокая молельня красного кирпича с бронзовым колоколом, зал для проведения церемоний с вырубленной из мрамора статуей Подателя Жизни, помещения для трех десятков монахов, маленькая библиотека, хозяйственные постройки, дом настоятеля и пристро-



енный в позапрошлом году двухэтажный домик для гостей. К Обители примыкал обширный пустырь, некогда заросший бурьяном, а теперь превращенный в недурной огород, и чахлый фруктовый садик, каждое лето страдавший от засухи.

Монастырь не бедствовал, но процветающим тоже не был — шадизарцы не собирались изменить своему лукавому и хитроумному Обманщику ради божества, последователи которого призывали к честному труду и умеренности. Потому нынешнее безмерное оживление, царившее вокруг Обители и прилегающих к ней кварталов, выглядело крайне удивительным и настораживающим.

Казалось, здесь собрались разнообразные увечные, калечные, расслабленные и страждущие со всего города, к которым присоединились обитатели приютов для скорбных разумом и гильдия нищеводов Шадизара в полном составе, не считая родственников, друзей, зевак и кучки совершенно растерянных городских стражников.

Мелькали коричневые и черные рясы: монахи отчаянно старались призвать разношерстное шумное сборище к порядку. Их усилиями желающих приобщиться милости Светозарного выстроили в гигантскую очередь, змеей вившуюся по близлежащим улицам и переулками, и затем ручейком вливавшуюся в распахнутые ворота Обители. У ворот бдели два десятка стражников, а задержанные монахи наскоро выясняли, какими недугами снедаем проситель и собирали мзду



— по медному немедийскому халеру с человека. Судя по числу ожидающих, обитатели монастыря к вечеру могли набрать сумму, достаточную для полного обновления молельни, постройки нового хлева и для изрядного расширения библиотеки.

— До вечера промаемся, — тоскливо заныла Шелла, когда Аластору, Райгарху и ей удалось с величайшим трудом разыскать окончание очереди и заполучить чаемое место, выдержав перед тем бурную словесную перепалку с обширным семейством, волочившим паланкин с беспрерывно капризничавшей старухой. — Это бесполезно! Ничего у нас не выйдет!

— Шелла, сделай одолжение, заткнись, — Аластор подумал, что совершенно правильно поступил, уговорив остальную часть Компании дожидаться исхода предприятия в таверне. Ему вполне хватало общества окончательно потерявшей надежду Шеллы и впавшего в мрачную угрюмость Райгарха. На вышибалу «Уютной норы» недоуменно косились даже здесь, посреди сонма личностей, обладавших самыми разнообразными телесными пороками. По настоящему требованию Лорны (подкрепленному выплеснутым на голову Райгарха ведром воды) асир избавился от неумело нанесенного на лицо слоя краски, но убедить его сменить наряд или сделать что-то с исходящим от него приторным ароматом благовоний Ферузы не сумел никто. Аластор отчетливо слышал смешки и самые дикие предположения соседей по несчастью, касающиеся Райгарха,



и обреченно прикидывал, что делать, если терпение вышибалы лопнет. Ведь изменения коснулись и характера Райгарха — он стал истеричным и донельзя обидчивым. Пока он держал себя в руках, но стояние на одном месте, толкучка и духота кого угодно доведут до белого каления...

Очередь медленно продвигалась к видневшимся над крышами окрестных домов зубчатым стенам Обители. Над толпой кружили сплетни: митрианский Талисман вернул разум впаавшему в детство старому ростовщику и тот немедля лишил наследства свору племянников и племянниц; слепая девушка прозрела, огляделась по сторонам и теперь желает повеситься, ибо увиденный мир ее разочаровал; известный всему городу побирушка Гатти Ползун получил возможность снова встать на собственные ноги и внезапно сообразил, что лишился надежного источника подаваний...

Последняя новость заставила некоторых нищих задуматься и украдкой покинуть людскую цепь.

— Эта штука похожа на солнечный диск, отлитый из чистого золота, — бегавшая к уличному торговцу за очередным кувшином теплой воды Шелла заодно вызнала кое-какие подробности о загадочном сокровище митрианцев. — На ней выбита надпись на староаквилонском «Восполняя утраченное, задумайся о божественном могуществе» или какая-то еще возвышенная чушь в подобном духе. Она не дает богатства, не



исполняет никаких желаний, только исцеляет, причем по своему выбору. Некоторым она помогать не стала. Монахи сказали — эти люди солгали или недостаточно верили. Тамошний настоятель, достопочтенный Габерия, каждый колокол читает для посетителей проповедь, надеясь обратить кого-нибудь в свою веру, и аж охрин, бедняга...

Впереди раздались негодующие вопли. Кого-то уличили в попытке тишком примкнуть к очереди и теперь с позором изгоняли. Неудачливый жулик, сопровождаемый градом сыпавшихся на его лысоватую голову проклятий, сторбившись, юркнул в приоткрытую калитку первого попавшегося на глаза дома и спустя миг вылетел оттуда, сопровождаемый злобным собачьим лаем. На вид сему предприимчивому типу стукнуло лет пятьдесят, и он производил впечатление разбогатевшего мелкого торговца на покое — эдакий добродушно-въедливый старичок, изрядно потрепанный жизнью, но не утративший бодрости. Шелла, завидев беглеца, задумалась, припоминая, где могла его видеть, и дернула Аластора за рукав:

— Смотри, вон мечется месьор Эпиналь, знакомый твоей несравненной Клелии Кассианы. Его-то какая нужда сюда пригнала?

— Где Эпиналь? — насторожился взломщик, озираясь. Увидев сутулую фигурку, озадаченно хмыкнул, и к удивлению девицы Шелам, отступил на пару шагов, укрывшись за кожаными занавесками паланкина.



Месьор Эпиналь меж тем повторил попытку избежать всеобщей участи долгого стояния в очереди.

На сей раз он пристроился к почтенной матроне, опекавшей слабоумного отпрыска, и завел с ней душеспасительную беседу. Почтенная горожанка дружелюбно кивала, пока не заподозрила нечто неладное и не загромычала, чествуя престарелых любителей дармовщинки, якобы страдающих отсутствием памяти.

— Не стоял ты здесь! — воияла грузная дама. — Духу твоего тут не было! Сгинь, кочерыжка гнилая!

Матрону охотно поддержали — какое-никакое, а развлечение.

Посрамленный Эпиналь спешно удалился и с ужасно разочарованным видом побрел вдоль бесконечной людской цепочки, вполголоса порицая распущенные городские нравы. Громче он говорить не решался, опасаясь вызвать неудовольствие шадизарцев.

Пронырливый старикан резво трусил мимо тройцы из «Уютной норы», когда Аластор вдруг окликнул его по имени. Эпиналь замер, как вкопанный, и судорожно завертел головой по сторонам.

Увидев взломщика, кинулся к нему, как к давно потерянному и вновь обретенному родственнику.

— Кайлиени! Вот не чаял, что так повезет! Душечка Клелия говорила, будто видела тебя, но не обшаривать же мне сотни таверн и борде-



лей, ища, где ты прячешься! Староват я уже для таких прогулок, ой, староват...

Взломщика, похоже, несколько ошеломила подобная горячность встречи. Эпиналь, не давая собеседнику опомниться, настойчиво выволок его из толпы и увлек к стене дома, продолжая говорить:

— Кайлиени, ты должен мне помочь! И не возражай! Я прощаю твои прошлые выходки, все до единой — Клелия тебе передала? Ты видишь, что творится? Это безобразие нужно остановить — немедленно, как можно скорее! Я никак не могу пробраться внутрь — уже дважды выстаивал эту распроклятую очередь, но добирался до ворот только к вечеру. После девятого послепоуденного колокола они закрываются, и я всякий раз остаюсь ни с чем! Аластор, ты ведь можешь что-нибудь предпринять! Это твоё ремесло!

— Презренное и недостойное, — голосом, очень похожим на старческий фальцет Эпиналя, произнес Аластор. — Человек, тратящий свои дни на похищение чужого имущества, не имеет права являться в приличное общество и рассчитывать на сохранение доброго имени... Твои слова, почтеннейший?

— Приношу нижайшие извинения, — быстро пробормотал месьор Эпиналь. — Ах, к чему вспоминать старые обиды? Пожалуйста, очень тебя прошу — заberi Диск у этих проходимцев! Они превратили обладание истинным сокровищем в балаган и торжище!



— Монахам тоже нужно золото, — равнодушно пожал плечами взломщик. — Кроме того, исцеляя болящих, разве они не совершают дело, угодное Митре и тебе, его верному цепному псу?

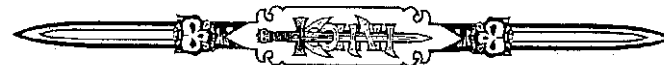
Старик тяжело вздохнул и закатила бесцветные глазки, собираясь пуститься в долгие разъяснения, но ему не дали — Шелла Шелам взволнованно крикнула, что очередь наконец слегка переместилась.

— Ладно, считай, ты меня уговорил, — сдался Аластор. — Идем.

Семейство, цепко державшееся за свое место позади Компании, начало яростно возражать против явления нового человека. Прибодрившийся духом Эпиналь немедленно затеял спор и к тому моменту, когда людской поток приблизился к гостеприимно распахнутым воротам, сумел настолько убедить невольных слушателей в превосходстве митрианства над прочими верованиями Материка, что глава семьи заявил о своем решении пожертвовать на нужды Обители крупную сумму — при условии, что пресловутые чары Талисмана окажутся действенными.

— С чем пришли, почтенные? — осведомился совершенно затурканный монах, сидевший подле входа и ведавший переписью наведывавшихся страдальцев.

— Девица желает вернуть утраченную по ошибке девственность, громила — потерянную мужественность, — буркнул Альс. — Что до меня, то я напрочь лишился веры в человечество. Старикан — просто слабоумный.



Заранее подученный Эпиналь с величайшей неохотой затряс головой, издал подобие блеяния и с отвращением пустил на бородавку струйку слюны. Митрианец подозрительно глянул на компанию, хмуро возразив:

— Утрата веры — болезнь души, а не тела. Вряд ли Дар Митры пожелает оказывать помощь в таком случае. Может, тебе стоит обратиться к...

Альс скроил зверскую гримасу, наклонился к уху монаха и раздраженно прошипел:

— Нужно крикнуть на весь город, что я подцепил дурную болезнь от девицы, выглядевшей, как невинный весенний цветочек, и заверявшей, будто она не имела никаких дел с мужчинами?

— А-а, — понимающе закивал обстриженной в круг головой монах. — Медный халер с человека и проходит быстрее, остальных задерживайте. Ступайте вон туда, — он указал на высокие бронзовые двери зала для церемоний, возле которых собралась небольшая толпа жаждущих исцеления, нетерпеливо ожидающих разрешения войти.

* * *

В иное время Шелла Шелам с интересом бы глазела по сторонам — ей редко приходилось бывать в митрианских святилищах. Она запомнила только узкие окна с цветными витражами, из которых падал рассеянный дневной свет, выцветшие фрески на стенах, изображавшие дея-



ния божества Милосердия и его наиболее известных последователей, вроде блаженного Эпимитриуса Аквилонского и святой девы Алийяны из Офира, а также казавшуюся слегка желтоватой статую в три человеческих роста, снисходительно взиравшую на людское копошение у себя под ногами.

Талисман, вызвавший в городе такое оживление интереса к митрианцам, висел, слегка покачиваясь, на серебряной подставке вроде той, на которую в богатых домах вешают гонги для вызова слуг. Слухи не лгали — реликвия в самом деле имела вид отчеканенного из тускло блестящего золота солнечного диска с множеством слегка изогнутых лучей. В центре Диска различались чуть стершаяся за давностью времен надпись, а размерами он не превышал глиняной тарелочки для маслин, то есть вполне умещался на двух сложенных ладонях. Сокровище бдительно охраняли трое сменявшихся монахов, с десяток стражников топтался вдоль стен, приглядывая за надлежащим смиренным поведением посетителей храма.

Распорядившийся церемонией настоятель Габерия надрывным шепотом растолковывал правила: один за другим просители будут подходить к возвышению, где стоит Талисман, преклонять колени и, взывая в душе своей к безграничному снисхождению Лучезарного, с положенным трепетом и смирением прикасаться к реликвии. Прикасаться, не ланать грязными ручищами, поняли? Ответ Небес последует либо сразу же,



либо по выходе из зала. Выходить следует вон там, где в дальнем углу, слева от статуи Подателя Жизни виднеется низкая дверца. Не толкаться, не шуметь, не лезть без очереди! Кто первый? Ты? Иди!

— Какой позор! — еле различимо проскрипел месьор Эпиналь, обращаясь не то к Аластору, не то к самому себе. — Какое чудовищное надругательство над священным символом!

— А по-моему, здешние монахи проявляют к этой безделушке незаслуженное благоговение, — поддел раздраженного старца взломщик. Шелла их почти не слышала. Впервые в жизни Ши Шелам пытался искренне возвать к обитателю Высших Сфер. Конечно, Ши частенько обращался за поддержкой к Белу-Обманщику, но это совершенно другое дело! Бел — неотъемлемая частица Шадизара, многие считают, что Хитрец обитает в своем любимом городе, незримо или в виде человека. Что же до Митры, то Ши пугала торжественность и строгость обрядов, посвященных Светозарному богу. Ши отлично знал, что монахи-митрианцы могут страдать теми же пороками, что и любой житель Шадизара, однако их покровитель представал каким-то безмерно недоступным и порицающим мелкие людские слабости.

«Там, наверху, должны видеть, что я не виноват в том, что случилось! — упрямо твердил про себя Ши. — Да, признаю, я обманул госпожу Кэ-то. Без всякого злого умысла, просто в этом городе принято так поступать! Я предположить не



мог, что зелье так плохо на нее подействует! Я не хотел, честное слово! Верните меня обратно! И... и помогите Райгарху, если вам нетрудно, а? Он, вообще, тут ни при чем...»

Шелла уступила свое место вышибале из «Норы», втайне надеясь узнать — подействует могущество Диска или нет. Если Райгарх станет прежним, значит, и ей, Шелле Шелам, некогда звавшейся уличным воришкой Ши Шеламом, может повезти. Она изо всех сил вглядывалась в асира и ощутила острый приступ разочарования, когда он опасливо дотронулся до одного из лучей золотого солнца: Райгарх не изменился, по крайней мере внешне. Девушка напонила себе, что боги не обязаны торопиться с выполнением желаний смертных, но, вставая на колени перед мраморным возвышением, она не чувствовала никакого трепета или благоговения. Только опустошение и горькое сознание того, что остаток жизни она проведет в облике женщины.

На Диск попал солнечный луч, он весело блеснул. Шелла вытянула указательный палец, коснулась чуть теплого металла и внезапно расслышала — или ей показалось? — тихий добродушный смешок. В следующий миг красно-синее легкомысленное платьице стало несколько узковато в плечах.

Только сознание того, что он находится в храме и вокруг топчется с полсотни свидетелей остановило Ши от намерения заглянуть под подол одежды и собственными глазами удостовериться в милости Небес.



Зато от радостного вопля его не удержало ничего. Ши неразборчиво заорал, заставив монахов и стражников возмущенно уставиться на возмутителя спокойствия. Настоятель, шаркая плетеными сандалиями по каменному полу, спешил лично разобраться в причине столь неблагоприятных криков. Ши самозабвенно голосил, не замечая устроенной суеты и не видя, как державшийся позади него Аластор проскользнул к возвышению и одним быстрым, кошачьим движением снял золотой Диск с цепочек, на которых тот покачивался.

— Грабят! — счастливые повизгивания Ши Шелама заглушил яростный вопль не потерявшего бдительности стражника. — Талисман! Эй, где Талисман?! Хватайте всех! Обыскать, найти! Месьюр Габерия, Диск стянули!

Почтенный Габерия беззвучно открыл и закрыл рот, пялясь вытаращенными глазами на опустевшую подставку, затем гулко икнул и неуклюже повалился на спину. Монахи бросились к своему настоятелю, которого, похоже, хватил сердечный удар. В суматохе кто-то толкнул растерянно топтавшегося на месте Эпиналя. Из-под выцветшей синеватой хламы почтенного старца выпало золотое солнце, с отчетливым звяканьем покотившееся по полу.

В храме наступила зловещая тишина, не предвещавшая ничего хорошего.

— Я-а... — севшим голосом пискнул Эпиналь, судорожно дергая головой. — Погодите, добрые люди! Я тут совершенно ни при чем!



— И ничуть они не добрые, — Аластор сгреб по-прежнему стоявшего на коленях Ши за воротник и поволок за собой. — Шевелись, моя красotka! Райгарх, уходим!

Трое посетителей, на которых в возникшей сумятице никто не обратил внимания, бочком отступили к низкой двери и выскочили наружу. Вслед им летела совершенно неуместная в митрианском храме площадная брань и жалобные причитания месьюра Эпиналя, которому вряд ли удалось избежать побиения разгневанными горожанами и монахами.

Оказавшись снаружи, Райгарх оглянулся, подобрал валявшуюся у стены лопату и деловито подпер ей дверь. Ши разобрал истерический хохот, оборвавшийся после полученной от взломщика затрещины.

— Бегом, бегом, — Аластор поднихнул своих приятелей, но направились они не к воротам монастыря, а к конюшне, крыша которой находилась чуть ниже каменной стены, окружавшей Обитель. Троица спрыгнула на улицу, вызвав легкое изумление терпеливо дожидавшихся своей очереди страдальцев и поспешно удалилась.

Оказавшись как можно дальше от Обители Возвышенного Просветления, Аластор наконец остановился, привалился к стене и безостановочно захихикал.

Не переставая смеяться, он вытянул из сумки на поясе сверкнувший древним червонным золотом Диск и предъявил изумленно присвистнувшим Ши и Райгарху.



— Сочувствую почтенному Эпиналю, — с трудом выговорил взломщик. — Впрочем, он заслужил легкую трепку. Нечего было распускать всякие мерзкие сплетни и морочить головы моим подружкам! Старый ханжа!

— Но я сам видел, как он выронил эту штуку, — Райгарх взял Талисман и недоверчиво покрутил, разглядывая мелкие насечки на солнечных лучах.

— Видел, — охотно подтвердил взломщик. — Причем не только ты. Жаль, мы пропустим любопытное зрелище: почтенные монахи ищут свое сокровище и убеждаются в его бесследном исчезновении. Это наваждение. Маленькое такое, легкое наваждение, — Аластор строил невинную физиономию. — Эпиналю, конечно, изрядно достанется, но убить его не убьют. Тем временем мы навестим бедолагу Джая и страдающую от утраты своей красоты Кэто Сувейбу, перед которой мы в большом долгу. Потом посмотрим, что делать с Диском. Может, вернем его Обители — за определенный выкуп, разумеется.

— Я хочу переодеться, — решительно заявил Ши. — Немедленно. В таком виде я на улицу не выйду!

— Мне казалось, ты решил остаться девочкой, — фыркнул Аластор.

— Я с вами не пойду, — насупился Райгарх. — Только до ближайшей лавки с одеждой. Мне перед Лорной теперь извиняться до конца жизни!

— Думаю, гораздо меньше, — заметил взломщик. — Лорна — женщина мудрая и не склон-



ная придавать значения пустякам. В конце концов, это не твоя вина.

— А Птичник? — скорбно напомнил асир. — А благовония Ферузы? А это? — он подергал себя за жалкий огрызок бывлой обетной косицы, срезанной под корень. — Малыш, должно быть, считает меня безумцем либо человеком, не стоящим даже презрения!

— С Малышом я побеседую и растолкую, что к чему, — пообещал Аластор. — Пошли искать лавку и восполнять утраченное. Если мне кто-нибудь предложит распить кувшин-другой розового шемского я, наверное, не откажусь... А, Райгарх? — вкрадчиво предложил он. — Угостишь хорошего парня?

Асир смерил ухмыляющихся приятелей мрачным взглядом, но промолчал.



Глава 5 Ястреб Пустыни



пять вы? — устало удивилась Джемина, когда на пороге «Алмазного водопада» предстали Аластор и едва ли не подпрыгивающий от восторга Ши. — Хотя погодите, днем это чудо вроде бы разгуливало в женском платье?

— Дорогая Джеми, ты ошиблась, — медовым голосом проворковал Ши. — Нас всегда путают — меня и мою сестренку Шеллу. Мы с ней близнецы, так уж получилось.

Джемина вопросительно скосилась на Аластора. Взломщик закивал и осведомился:

— Как поживает хозяйка?

— Скверно, — Джемина широким жестом обвела пустующий зал, освещенный тускло горящими лампами. Даже искусственный водопад, казалось, стал журчать глуше и тоскливее. — Постоянных клиентов, конечно, обслуживаем —



репутация заведения требует, но без госпожи Кэ-то былого огонька уже не зажечь. Девицы хандрят, поставщик фруктов без зазрения совести обсчитал на десять империалов, охранники весь день дуются в кости и маются от безделья... Что вы на этот раз затеяли?

— Добыли отличный подарок для госпожи Сувейбы, — похвастался Ши, вызвав у помощницы хозяйки недоверчивое хмыканье. Однако Джемина не стала спорить и сама проводила незваных гостей к покоям владелицы «Водопада».

— Нет-нет, ты останешься здесь, — Аластор вовремя отодвинул в сторону Ши, вознамерившегося проскользнуть в комнату. — Если ляпнешь новую глупость, я тебя выручать не буду. Пойди, разыщи Джая и скажи ему, что спасение грядет. Джемина, полагаю, тебе тоже не стоит не входить.

— Ладно, — покладисто согласилась Джеми и удалилась, надменно потряхивая черными кудряшками. Ши потащился за ней, как привязанный, непрерывно треща и рассыпая комплименты. Воришке до сих пор не верилось в благополучное разрешение обрушившихся на него бед и он стремился удостовериться в том, что является самым собой — парнем девятнадцати лет от роду по имени Ши Шелам.

— Я же сказала: не приходи сюда больше! — раздраженно прошипела Кэто, отпирая дверь и оказываясь лицом к лицу с давним знакомым.

— Никогда не торопись кричать «нет», — наставительно посоветовал взломщик, извлекая из



поясной сумки нечто, тщательно завернутое в отрез шелковой ткани. — Я рисковал жизнью и рассудком, дабы преподнести тебе бесценное сокровище, а ты сразу пытаешься выгнать меня прочь. С твоей стороны это несправедливо и неразумно.

Из-под плотной черной ткани, надежно скрывавшей облик госпожи Сувейбы, донесся презрительный смешок. Не обращая внимания на столь явственное недоверие, Аластор уложил свое подношение на покосившийся туалетный столик и аккуратно развернул.

Торжественно и ярко сверкнуло золото, Кэто ойкнула и попятилась, пробормотав:

— Но... Эта вещь — *настоящая*, наделенная Силой! Где ты ее взяла?

— Какая разница? — отмахнулся взломщик. — Главное — она действует. Исцеляет почти любую хворь! В этом на собственной шкуре убедились с полтысячи жителей славного города Шадизара, до того скорбевших бледной немочью, умственной расслабленностью и костяной сухоткой. Нужно только искренне попросить и дотронуться до этой штуки.

Кэто сдвинула платок на затылок и внимательно разглядывала Диск, наклоняя облысевшую голову вправо-влево. Озадаченно прикусила губу, несколько раз тяжело вздохнула.

— Ты и вправду считаешь, будто митрианская реликвия захочет помогать какой-то содержательнице притона? — настороженно спросила она.



— Попробуй и узнай, — беспечно отозвался Аластор. — Давай, Кэто, не трусь! Хуже все равно не будет! Или ты до конца жизни намерена отсиживаться в любезном твоему сердцу борделе? Кстати, из-за отсутствия твердой хозяйской руки заведение терпит убытки. Джемми очень старается, но...

Госпожа Сувейба поежилась, вздернув острые плечи. Нахмурилась, став похожей на храмовую стигийскую кошку редкой безволосой породы. Потопталась на месте и нерешительно дотронулась иссохшими пальцами с коричневыми крошащимися ногтями до Талисмана.

Над Дисксом взлетело искристое, красно-серебристое облачко, испустившее тонкий мелодичный перезвон. Кэто взвизгнула и сунула пальцы в рот, словно обожглась. Зачарованный взломщик уставился на золотой кругляш, чьи очертания, казалось, плавились и изменялись — солнечные лучи становились то длиннее, то короче, гравированная надпись исчезала, словно смываемая водой, и появлялась вновь... Рой летучих искр устремился к потолку и осыпался мелким дождем на Кэто, лихорадочно замахавшую руками, точно в попытке отогнать навязчивых насекомых.

— Убери их! — испуганно выкрикнула она. — Жжется!

Помочь ей Аластор ничем не успел, потому что яркие искры потемнели, обращаясь серо-ватой пылью и образуя на полу горки, похожие на пепел от сожженного пергамента. Госпожа Су-



вейба торопливо отряхивала платье от пыльных комочков и вдруг замерла, издав нечленораздельный звук и прижав ладонь к черепу, поросшему короткой сизовой шерсткой.

Между пальцами у нее оказался зажат пучок лиловых волосков. На их месте упрямо пробивались вьющиеся медно-рыжие пряди. Грязно-серая кожа светлела, приобретая обычный матовый оттенок, потрескавшиеся ногти срастались, становясь розоватыми, на веках проклюнулись кончики исчезнувших ресниц...

Кэто метнулась к зеркалу, увидела пустую раму и, сдирая с себя мешковатую накидку, вылетела в коридор. Там она, похоже, натолкнулась на Джемину — до Аластора донесся восторженный вопль, сопровождаемый хлопаньем распахивающихся дверей и многоголосым женским щебетанием.

Взломщик остался сидеть в пустой комнате, в окружении разбросанных нарядов, валяющихся на полу склянок с благовониями и украшений. Он бережно взял со стола Дискс, недоуменно поскреб пальцем сердцевину — ему показалось, что золото помутнело — и завернул реликвию в оставленный Кэто узорчатый платок. Прислушался к оживленному шуму в коридоре, кривовато ухмыльнулся и, наклонившись, один за другим быстро выдвинул ящички стола.

Искомое обнаружилось в дальнем углу нижнего ящичка, старательно прикрытое расшитой жемчугом налобной повязкой — хрустальный флакон в виде апельсинового плода. Аластор вы-



тащил его, полюбовался блеском граней и, поколебавшись, бросил в сумку.

— Верну денька через два, — пообещал он разбитому зеркалу. — Пусть милейшая Кэто испытает легкое душевное волнение. Ей не повредит.

Джай и Ши околачивались подле главных дверей заведения, прислушиваясь к растущему галдежу на втором этаже. Аластору удалось проскочить мимо ликующих девиц из «Водопада» незамеченным, и, сбежав по лестнице, он окликнул приятелей:

— Наши дела здесь завершены!

— Госпожа хозяйка поправилась? — с искренней заинтересованностью спросил Ши.

— Как думаешь, с чего поднялся такой тарарам? — ответил вопросом на вопрос Аластор.

— Они, наверное, всю ночь праздновать будут, — мечтательно протянул воришка. — Может, остаться? Если б не мы, Кэто до смерти ходила бы зеленой и чешуйчатой, словно покойная Мириана...

— Если бы не вы, моя жизнь была бы намного спокойнее, — огрызнулся взломщик. — Пошли-пошли, нечего таращиться на красоток, они тебе не по карману. В долг не проси — не дам!

— Скряга, — грустно бросил Ши. — Скупердый шемский.

— Погодите, как же смогу я выйти? — опомнился Джай, слегка растерявшийся от столь быстрой перемены обстоятельств.



— Через дверь, как положено людям. Кэто тебя прощает, — с этими словами Аластор толкнул тяжелую створку красного дерева.

В опускающихся сумерках перед заведениями Ак-Сорельяны один за другим вспыхивали разноцветные фонари, звенели на ветру связки медных колокольчиков, слышались крики зазывал и нарочито громкий смех девиц. Трое мошенников еще несколько мгновений постояли на верхней ступеньке «Алмазного водопада», слушая привычные звуки Шадизара, вступавшего в очередную ночь, несущую кому-то удачу, а кому-то — жестокое разочарование.

— Идем домой, — неожиданно проговорил Ши. — Нас, наверное, заждались. Интересно, там Райгарх с Лорной помирились?

* * *

То, что Малыш влюбился (едва ли не впервые) и отчаянно пытается это скрыть, понимали все. Кроме него самого. Умненькая, красивая, жизнерадостная Диери Эйтола с каждым днем нравилась ему все больше и больше, но Конан усвоил, что затверженные с детства благочинные традиции на обитателей вбалмошных городов вроде Шадизара не распространяются. Диери только посмеется, если предложить ей выйти замуж и уехать. Куда? Обратно на Полночь, что ли? Конана туда совершенно не тянуло.

Окончательно запутавшись, мальчишка-варвар рискнул обратиться за советом к человеку,



который наверняка не станет над ним смеяться и не разболтает чужую тайну.

— Женщины, — задумчиво изрек Аластор, терпеливо выслушав сбивчивые излияния младшего из жильцов таверны «Уютная нора». — От них проистекает вся радость мира и все наши горести. Значит, так! Не бери пример с меня: не позволяй подружке крутить тобой по своему усмотрению. Встречайся с ней как можно чаще, но старайся не быть навязчивым. Возжелает бездельушку, платье, цепочку, котенка — покупай, только смотри, как бы не оказаться с пустым кошельком. Дари ей что-нибудь — не обязательно дорогое, главное, чтобы от души. Развлекай, тверди, какая она несравненная, единственная и неповторимая. Это, конечно, ложь от первого до последнего слова, но девушкам нравится. Прочие вопросы, думаю, вы в силах решить самостоятельно. Да! — он наставительно поднял палец. — Чуть не забыл! Никогда, никогда не спрашивай свою приятельницу о ее прошлом, чем она зарабатывает на жизнь и сколько у нее друзей, помимо тебя. Можешь ужасно разочароваться. Кстати, мне до крайности любопытно взглянуть на особу, рискнувшую остановить свой выбор на столь диковинном создании, как ты.

— Пошли, познакомлю, — нерешительно предложил Конан.

Встреча получилась несколько сумбурной и испорченной внезапным появлением Шеллы-Ши, за которой азартно гонялись люди Кодо Ночного Кошмара. Однако даже столь краткие смотрины



позволили Аластору составить впечатление о знакомой Малыша и высказать свое полное одобрение.

— Не упusti такое сокровище, — напутствовал он чрезвычайно смущенного мальчишку.

И Конан твердо собирался последовать этому совету.

Безумие, владевшее обитателями «Норы» в последние три-четыре дня, вроде пошло на убыль. Райгарх, Ши и Джай вернулись к привычным обликам, ссоры отгремели, взаимные обвинения иссякли, расчеты завершены, и Феруза высказала общее мнение, заявив: «Кто старое помянет — тому глаз вон!».

Сегодняшний день Малыш собирался целиком и полностью отдать Диери. Они побродят по городу, наведаются на Золотой рынок, у него вполне хватит денег, чтобы сводить подружку в «Пещеру демона» или другую приглянувшуюся ей таверну. Кто знает, может к вечеру Диери надумает пригласить его в гости? Девушке Эйтола принадлежал дом в зажиточном квартале Ламлам, который она делила с подругой и двумя служанками. Конана очень интересовало, откуда Диери берет средства для содержания довольно дорогого жилья — она не занималась никаким ремеслом и не имела богатых родителей или процветающего дядюшки-кунца. Однако Аластор предостерегал от лишних вопросов, и, наверное, знал, что говорил.

Диери ожидала приятеля на условленном месте, подле известного любому жителю Шади-за-



ра Опалового фонтана. Если верить легендам, его когда-то в самом деле украшали крупные зеленые опалы, нынче замененные дешевыми подделками из яшмы. Парапет фонтана затянул сероватый мох, вода цвела и отдавала плесенью, но какая разница, если на покосившемся ограждении сидит, легкомысленно болтая ногами, девушка в ярко-алой тунике? Малыш еще с десятков ударов сердца постоял за углом, глядя, как солнце отликает бронзой на волосах Диери, как вспыхивают огоньками камни в ее браслетах и как она нетерпеливо оглядывается по сторонам.

Всякий раз он опасался, что придет и не застанет своей подружки — вдруг она не дождалась и ушла с кем-нибудь другим?

Девушка вдруг заметила, что за ней пристально наблюдают, построила надменную рожицу и отвернулась. Впрочем, спустя миг она уже бежала мимо облюбовавших площадь у Опалового фонтана торговцев, одобрительно свистевших ей вслед.

* * *

К полудню странствующую без особой цели парочку вынесло к пределам квартала Чамган, принадлежавшего дворам-гномам. Диери, виновато улыбаясь, словно привязанная невидимой веревкой, устремилась в сторону лавок, над которыми раскачивались изображения двух перекрещенных кирок и ограненного кристалла. Такая вывеска обозначала ювелира, что подтвер-



ждалось тягучим звоном крохотных молоточков и змеиным посвистыванием непрерывно вращающихся шлифовальных кругов, на которых драгоценным камням придавали необходимую форму.

Малыш, пожав плечами, двинулся следом за подружкой, от души надеясь, что Диери не придет в голову блажь обзавестись алмазным ожерельем, стоящим больше, чем «Уютная нора» вместе со всем содержимым таверны. К счастью, ее вполне устроило скромное колечко с бирюзой.

Пока девушка вдумчиво перебирала украшения, Конан украдкой прислушивался к болтовне стоявших рядом покупателей — двоих местных купцов, сопровождаемых девицами, наверняка промышляющими в домах Ак-Сорельяны. Собственно, Малыша больше притягивали таившиеся за поясами торговцев кошельки, однако новости тоже звучали любопытно.

Оказывается, вчера митрианская Обитель Возвышенного Просветления утратила столь внезапно обретенную чудодейственную реликвию. Причем утратила при весьма загадочных обстоятельствах — Талисман пытался вынести некий бойкий старец.

Когда усилиями городских стражников его изловили, золотого Диска при нем не оказалось. Монахи обшарили Обитель сверху донизу, но ничего не нашли. Разъяренная толпа увечных и калечных, лишившихся возможности исцелиться, разломала двери подвала, куда посадили виновника, выволокла его на площадь перед хра-



мом и лущевала костылями, пока бедолага не испустил дух.

Конан вспомнил, что нынешним утром заметил в таверне подвешенное над стойкой изображение золотого солнца. Не того ли самого, что пропало из храма? Диск принес Аластор, однако поведать друзьям о том, как он умудрился стать обладателем митрианского священного символа, взломщик отказался...

— Куда теперь? — Диери с любопытством озидала Ворота Чамгана — мрачное сооружение из дерева и темного железа, поднимавшееся вверх на три человеческих роста. — Как думаешь, что дверги прячут за такой громадиной? Несметные сокровища?

— Может быть, — согласился Малыш, по возможности незаметно уводя спутницу от гномских лавок с их соблазнительными для любой женщины россыпями украшений. Они свернули на широкий проезд, ведущий от Чамгана к торговому кварталу Сахиль, и тут над привычным людским гулом пронесся разъяренный окрик, словно щелканье длинного тяжелого бича:

— Деянира!

Оборвав на полуслове длинную и запутанную историю о том, как хитроумные дверги недавно умудрились обжудить немедийских кунцов, Диери вжала голову в плечи, безуспешно стараясь прикинуться невидимой.

— Деянира, стой! Кому говорю!

Девушка прислонилась к стене и обреченно закатила глаза, пробормотав:



— Я сама разберусь. Исчезни.

— Разве тебя зовут Деянира? — недоуменно спросил Малыш.

— Диери, Деянира, какая разница? — почти выкрикнула девушка. — Уходи! Ну уходи же!

Подросток-варвар не тронулся с места, наконец увидев надвигающуюся на них угрозу, имевшую вид высокого и чрезвычайно хмурого человека в богатых одеждах темных цветов, в изобилии украшенных вышивкой и крохотными самоцветами. Поблескивала массивная золотая цепь с вкраплениями алых камней, на которой болталось диковинное украшение — ключ с длинной рукояткой и хитро вырезанной бородкой. Значение подобного символа Конану однажды растолковала Лорна, пояснив, что такой знак носят члены управляющего Шадизаром Совета, около дюжины человек, облеченных нешуточной властью. Прохожие врассыпную шарахались от устремляющего Советника, точно опасались быть задетыми даже краем тени от его плаща, но, скорее всего, опасаясь вызвать неудовольствие его сопровождения — пятерки мрачных громил, угрожающе косящихся по сторонам.

— Значит, мне сказали правду? — напроць не замечая присутствия Конана, процедил Советник, презрительно взирая с высоты своего роста на испуганно съежившуюся Диери. — Ты очень быстро позабыла, кому обязана нынешним благополучием?

— Ничего я не забыла, — угрюмо буркнула девушка. — Не знаю, каких гадостей тебе напле-



ли, но это вранье. Я имею право заводить друзей! Или я должна терпеливо ждать, пока твоей милости будет угодно вспомнить обо мне? Так я наверняка успею поседеть и состариться!

— Ты слишком много себе позволяешь, — ровный, холодный голос, слегка растягивающий гласные звуки, показался Малышу смутно знакомым, только никак не удавалось вспомнить, когда он уже слышал подобные многозначительно-зловещие речи. — Я еще мог простить, сведи ты знакомство с человеком нашего круга, но спутаться с уличным отребьем, подзаборным воришкой! Деянира, ты меня разочаровала. Полагаю, в глубине души ты навсегда останешься дешевой шлюшкой.

Диери-Деянира взглянула снизу вверх в самодовольную, холено-брезгливую физиономию своего покровителя, и ледышка ужаса, засевшая у нее под ложечкой, сменилась раскаленным жалом ярости. Сквозь злые слезы она увидела помаленьку собирающуюся толпу — почтеннейшая шадизарская публика намерена потешиться небольшим представлением? Замечательно!

Пятеро угрюмых телохранителей придвинулись ближе. Диери зажмурилась и набрала в легкие побольше воздуха.

В этот самый момент Конан, мрачно прикидывавший, которого из пятерых огорчить первым, наконец сообразил. Обладателя высокомерного голоса он встречал седмицу тому, в полумраке тюрьмы Алронг. «Купите мальчика!...»

Скандал получился превосходный.



— Я не шлюха! — пронзительно завопила девушка. — И никогда ей не была, ты, грязный надутый потаскун! Думаешь, я не знаю, зачем ты каждую неделю берешь в дом молоденьких служанок?

— Таких, как он, вообще надо в мешок сажать и в нужнике топить! — дополнил обвинения подружки Малыш, вызвав немалое оживление среди зевак. — Извращенец! Он себе мальчиков в Алронге покупает!

— Взять обоих! — рявкнул вельможа, от самодовольства коего не осталось и следа. — А вы что глазете?! Прочь отсюда! Пошли прочь, сыны свиньи!

И немедленно схлопотал репку и пару гнилых яблок от оскорбленных зрителей.

Что в Киммерии, что в Шадизаре Конан всегда следовал мудрому правилу кулачных бойцов: уж если драки не избежать, бей первым. Вскоре один из телохранителей, вопя от боли, хватался за сломанную челюсть, а двое других, кинувшись вязать руки Диери, на своей шкуре почувствовали, что лучше сойтись врукопашную с дикой кошкой, чем с разъяренной девицей. Против двоих Малыш, перенявший от Райгарха несколько гнусных ухваток асирской борьбы, какое-то время доблестно держался под одобрительные вопли толпы, не забывая при этом крыть обидчиков последними словами. Он ухитрился даже вырвать короткую дубинку у одного из нападающих, а другому в ключья располосовал богато изукрашенную тунику.



Потом его сбили с ног, от тяжелого удара по голове в глазах поплыли малиновые пятна. Малыш перестал отбиваться — берег силы — и скорчился в пыли, прикрывая локтями живот и почки.

«Ну почему мне так не везет? — тоскливо подумал он, глядя на подступающие со всех сторон ноги в грубых сапогах, коими чрезвычайно удобно пинать лежащего. — Всего лишь с девочкой погулять вышел... Забьют, точно забьют...»

— Держите маленькую шлюху, я с ней после разберусь, — злобно прогнусавил над головой знакомый голос. — Ну-ка...

— А ты все равно извращенец! — с отчаянием приговоренного к смерти, намеренного любой ценой сохранить за собой право последнего слова, выкрикнул Конан, прежде чем сокрушительный удар обрушился на его ребра. — Таких топить...

— Р-рубить! — прогремело над площадью подобие боевого клича. Толпа, к тому времени уже выросшая до изрядных размеров, дружно ахнула и всколыхнулась. Мучители вдруг утратили к Малышу всякий интерес.

— Кром-Воитель, — пробормотал Конан, неуверенно садясь.

Распихав зевак, мимо него пронеслось нечто. Нечто было большим, черным и настроенным крайне злобно — Малыш только и успел разглядеть грязноватую чалму на туранский манер и яростно горящие глаза над растрепанной бородой. Развевая полами халата, оно в два прыжка



оказалось рядом с Диери и держащим ее охранником.

Удара Конан вроде бы не заметил. Однако телохранитель отлетел на добрый десяток шагов и грудой мяса сложился у забора, девушка растерянно ойкнула, а странный спаситель воздвигся над ней, возгласив с сильным туранским акцентом:

— Жены святы! Собак! Колоть! — после чего, угрожающе набычившись, двинулся на оторопевшего месьора Советника сотоварищи с явным намерением причинять телесные повреждения, кромсать, рубить и совершать прочие противозаконные действия.

К чести последнего, спастись бегством он не стал. Бывший содержатель Деяниры отступил на шаг, вытянул из-за голенища кинжал и принял боевую стойку. Двое его охранников взялись за дубинки, третий вынул нож. Четвертый, коему Конан своротил челюсть, грустно посмотрел на них, на приближающегося туранца и втихомолку растворился в толпе.

Двоих с дубинками туранское воплощение Крома-Воителя уложило не останавливаясь и не замедлив размашистого шага — просто с быстротой атакующей кобры всплеснуло широкими рукавами, и одному, насколько мог судить Конан, разбило кадык, со вторым сотворило непонятно что, но с тем же результатом: бедняга рухнул без единого звука, даже не успев крикнуть.

Тот, что был с ножом, сделал молниеносный выпад и несколько ударов сердца изумленно



взирал на бессильно повисшую руку, переломанную в локте, прежде чем завывать от боли. Туранец подошел почти вплотную к побелевшему Советнику.

— Ты паршивый шакал, — громко произнес он, не обращая внимания на отчаянные выпады противника. Вельможный извращенец явно не был новичком в кинжальном бою, но туранец уклонялся от его ударов не глядя. — Оскорбил женщину. Бьешь лежащего. Тот мальчик — воин. Ты — шакал. Тебе смерть как собаке.

И вдруг, перехватив кисть руки с кинжалом на середине замаха, без усилий загнал клинок по рукоятке в горло неприятеля.

— Светлый Митра! — пронзительно ахнула какая-то женщина в гуще толпы, и, словно бы ее возглас послужил сигналом, в наступившей тишине сразу несколько глоток заголосили:

— Убили! Убили!

— Советника Намира убили...

— Зарезали!

Некто совсем уж глупый или приезжий истошно завопил:

— Стра-а-а!

— Рехнулся совсем... Молчи, дурак, — посоветовали крикуну, однако вопль сделал свое дело: плотное кольцо рук, ног, голов с поразительной быстротой начало распадаться, а в отдалении замаячили островерхие шлемы стражников.

— Ох, теперь заварится каша! — выдохнул Малыш, вскакивая на ноги и морщась от острой боли в избитых ребрах. — Бежим отсюда!



Диери уставилась на приятеля прозрачными глазами. С перепугу она, похоже, забыла все на свете, включая собственное имя. Конан потянул девушку за собой, схватив за руку, и только тогда на лице Деяниры появилось вполне естественное выражение ужаса.

— А... А как же... — дрожащим голосом произнесла она, за недостатком слов показывая пальцем. Конан посмотрел. Человек из Турана подобрал оброненный нож и чистил им полу халата, при этом напевая игривую мелодию. Лицо его, по крайней мере та часть, какую не скрывала клочковатого вида борода, выражало полнейшую безмятежность.

— Тупой, что ли... — пробормотал Конан. — Эй, почтеннейший!

Туранец радостно осклабился.

— Не тупой, — довольно протянул он. — Острый! Смотри, какой острый! Хороший нож!

И в доказательство срезал из своей бороды пару волосков.

Малыш глянул туда, где, раздавая пинки и ругаясь, прокладывали дорогу стражники — те неумолимо приближались, намеренные карать по всей строгости закона. Тогда он схватил полоумного воителя за болтавшийся рукав и, твердо проговорив: «Так надо», решительно поволок прочь от места драки.

Всю дорогу до «Норы» тот недовольно ворчал на смеси туранского и шемского, высказываясь, насколько разобрал Малыш, скверно знавший туранское наречие, в том смысле, что никогда



еще он, Джерхалиддин Раввани Ар-Гийяд, не бежал от каких-то паршивых трех десятков городской стражи, которых, если что, можно голыми руками на кусочки порвать.

«Повезло, — думал Конан, проникаясь к незнакомцу все большим уважением. — Теперь у нас будет свой берсерк».

* * *

Когда двери «Норы» открылись перед Конаном и его спутниками, большой обеденный зал трактира пустовал, только за длинным столом восседал в гордом одиночестве Хисс и уплетал тушеную фасоль из глиняной миски. Узрев живописного Джерхалиддина Раввани Ар-Гийяда, грозно сверкающего глазами из-под поношенной чалмы, Хисс подавился кушаньем, заперхал и, согнувшись, побрел за стойку — залить огонь кружечкой «Слезы дракона».

— Здравствуй, Хисс, — степенно поздоровался Малыш.

В ответ донеслось бульканье наливаемого вина и страдальческий возглас:

— Ну почему? Почему, едва только выдается спокойный денек, без всяких потерянных артефактов, враждующих магов, летающих пузырей и говорящих сортиров, немедля является какое-нибудь порождение туманных полуночных гор и приводит... Что это, Малыш? Не то, которое симпатичное и в юбке, а другое, большое и волосатое?



— Это Джарх... Джур...

— Джерхалиддин Раввани Ар-Гийяд, — выговорил туранец, блеснув великолепной улыбкой. — Из Аграпура.

Хисс вынырнул из-под стойки, сжимая в одной руке кружку, а в другой бутылку.

— Рад за тебя, почтенный... Сперва, значит, пекудо, а теперь Ар-Гийяд. Малыш, где ты его отыскал? Это, случаем, не твой новый приятель? У тебя появились трудности с девочками и ты решил по примеру Райгарха...

— Рубить! — рявкнул Ар-Гийяд, мгновенно спрятав улыбку. Хисс застыл, не донеся кружку до рта.

— Что рубить? — оторопело спросил он.

— Колоть, — мрачно уточнил туранец.

— Э-э... Хисс, — поспешно вмешался Малыш.

— Он шуток не понимает. Совсем.

— Как ты? — не поверил Хисс.

— Гораздо хуже, — подтвердил Конан, прикидывая, не кроется ли в словах рыжего мошенника очередного подвоха. — Но как он дерется! Он нас с Диери от смерти сегодня спас. Видел бы ты...

— Сохрани меня Митра! — вскинул ладони Хисс, вспомнил про кружку и немедленно выпил. — Значит так, Малыш, — сказал он, обтирая губы, — чует мое сердце, что день еще толком не начался, а ты успел влипнуть в какую-то историю со смертоубийствами и злоумышлением на основы порядка. Давай, ешь, пей, но погоди рассказывать, пока остальные не проснутся. Да



предложи даме сесть, невежа! Почтенный Ар-Гийяд понимает по-шемски?

— Почтенный Ар-Гийяд все понимает, — заверил туранец, подозрительно заглядывая в кружку.

— Только не говорит. Как Пушок, — хмыкнул Хисс. — Шутка, шутка! Не рубить, не колоть, не кромсать, — он задрал голову и тоскливо воззвал: — Ло-орна! У нас гость! Ар-Гийяд пришел!

Наверху хлопнула дверь, простучали шаги и появилась Лорна — встрепанная и спросонья плохо соображающая. Она перегнулась через перила, оглядела зал, остановила чуть рассеянный взор на туранце и озадаченно спросила:

— Это что?

— Человек, — гордо сообщил Хисс.

— Вижу, что не пекудо... Откуда взялся?

— Он привел! — ехидно пояснил Хисс, тыча пальцем в Конана. — Вернее, они. Тут еще девочка.

— С добрым утром, — мрачно сказала Лорна. — Я-то по глупости обрадовалась, что вы наконец угомонились. Этот ваш Ар-Гийяд по-шемски хоть слово понимает? Хисс, растолкуй ему, что обед у нас после седьмого колокола, завтрак положен только постояльцам, а комната стоит десять монет за день...

— Почтенный Ар-Гийяд все понимает, — с нажимом повторил туранец.

— Ага, — кивнула бритунийка. Подумала, почесала в затылке и рывкнула: — Райгарх! Поди сюда!



Какое-то время не происходило ничего, затем появился заспанный Ши. Воришка отсутствующе улыбнулся тавернищице и с подвыванием зевнул.

— Ты что, Райгарх? — с упреком спросила Лорна.

— Нет, я Ши, — ответил тот с обезоруживающей простотой. — Райгарх спит. Он бросил в меня сапогом и послал узнать, чего надо. Ой, а кто это? — Ши углядел в обеденном зале новое лицо.

Хисс пожевал губами, привыкая к звучанию непривычного имени, и, четко выговаривая каждый слог, произнес:

— Это Джерхалиддин Раввани Ар-Гийяд... да простит меня Митра... из Султанапура.

— Из Аграпура, — поправил туранец.

Хисс небрежно отмахнулся:

— Да все едино... В общем, из Турана. Его Малыш нашел. Не знаю, где. И привел сюда. Не знаю, зачем.

— А по-шемски месьюр Ар-Гийяд понимает? — вежливо уточнил Ши.

Ар-Гийяд зарычал и начал медленно подниматься из-за стола. Конан и Диери с двух сторон схватили его за свисающие рукава диковинного одеяния и усадили обратно.

— О-о, это серьезно, — пробормотал Ши. — Лорна, я пошел будить остальных.

— ...А когда я уже решил, что нам конец, появился этот туранец, Джир... Ар-Гийяд, — Малыш, утомленный долгим рассказом, вздохнул и оглядел собравшихся, среди которых отсутствовал лишь один обитатель «Норы», а именно Ала-



стор Кайлиени. Дверь в его комнату откликнулась на известие о странном пришельце душе-раздирающим стоном, после чего в обеденный зал вскорости выпорхнула свежая и жизнерадостная Феруза, прошебетавшая, что «Альс придет чуть позже». — В жизни не видел, чтобы человек так сражался. Это было потрясающе...

Туранец, восседая подобно орлу в середине длинного стола, надулся от гордости.

— Это было ужасно, — с тоскливым вздохом сказала Диери Эйтола. Ар-Гийяд неодобрительно покосился на нее. — Спору нет, он выручил нас из большой беды. Но голыми руками убить четырех вооруженных мужчин... Заколоть Советника его же собственным кинжалом среди бела дня, на оживленной улице... Бр-р.

Райгарх уважительно присвистнул.

— Ничего себе, — высказался Ши. Лорна спросила:

— А которого Советника он... э-э...

— Намира, — грустно сказала Диери.

— Ого! Племенной Жеребец допрыгался? — произнес чей-то голос. На лестнице, ведущей на верхний этаж, появился Аластор.

И узрел Ар-Гийяда.

Ар-Гийяд, в свою очередь, увидел Аластора.

На какое-то мгновение картинка словно застыла: Аластор с отвисшей от удивления челюстью, туранец, взлетающий в затяжном прыжке над столом, Райгарх, сцапавший за ножку тяжелый табурет, и все прочие, на чьих лицах нарисовалось выражение безмерного изумления. За-



тем с шумом, ревом и грохотом все пришло в движение.

— Вор! — надрывался Ар-Гийяд, опрокинув взломщика и пытаясь добраться до его горла. — Меч! Собак! Убью!

— Уберите от меня это! — задушенно хрипел Аластор. Джай доблестно рванулся на помощь, запутался в табурете и загремел. Женщины хором визжали. Конан на пару с Хиссом попытались оторвать неистового кочевника от его жертвы, однако хватка у Ар-Гийяда оказалась железной. Жертва тем временем сучила ногами и по-немногу начинала синеть.

Только после того, как Райгарх с размаху сокрушил о бритый загривок безумного степняка несколько предметов обстановки, а остальные обитатели «Норы» навалились разом, гостя удалось скрутить. Аластор, сипя и кашляя, отлеживался у стеночки, вверенный хлопотам перепуганных девиц, покуда рычащего Ар-Гийяда со всем тщанием прикручивали к одному из подпирающих крышу столбов.

Туранец, попробовав на разрыв щедро намотанные вокруг его запястий веревки, сразу перестал вырываться и утрюмо притих, сверля Аластора злобным взглядом.

— Кх-х... — прошипел Альс. Феруза поспешно протянула ему кружку с вином — промочить пострадавшее горло. — К-какого демона... Кто его притащил, признавайтесь?

— Он! — одновременно возопили Хисс и Ши Шелам, показывая на Малыша.



— Точнее, мы вместе его привели, — потупилась Диери. — Так получилось. Мы не виноваты, правда, Конан?

Покрасневший Малыш со всем возможным достоинством произнес:

— Ну... э-э...

— Друзья мои! — неожиданно звучным голосом возгласил Аластор, вскакивая на ноги. — Простите меня, недостойного, если я чем-то провинился перед вами. Вы, должно быть, желаете моей смерти. Иначе как объяснить, что один проигрывает чужие деньги, а отдуваться приходится мне, второй ухитряется поссориться с милойшей Кэто — и все хлопоты опять на мне! — а третий приводит в дом воплощение демона Шеблы — Исторгателя Душ и натравливает не на кого-нибудь, а на меня!.. Малыш, откуда, во имя семнадцати Кругов Преисподней, ты его раздобыл?! И зачем он здесь?

Чувствовалось, что взломщик разозлился не на шутку...

Впрочем, за Малыша вступились, а когда он и Деянира с пятого на десятое повторили свою историю, Аластор только покрутил головой, вздохнул свою роскошную шевелюру и извиняющимся тоном произнес:

— Да, в самом деле... Не бросать же его там было, такого красавца. Но что я ему сделал, в толк не возьму?

— Ты вор, — громко и убежденно заявил туранец.

Альс поднял бровь:



— Да, и без ложной скромности скажу, что неплохой. Тебя, почтеннейший, зависть мучает?

— Ты украл у меня одну вещь... — глядя в потолок, начал Ар-Гийяд.

— Всего одну? И сразу душишь? Да ты жади-на, уважаемый! Что за вещь-то была?

— Он упоминал меч, собак, шакалов, — припомнил Ши. — Может, ты у него собаку свел?

— Сам ты собак, — гордо сказал Ар-Гийяд. — Этот паршивый шакал украл мой меч! За это он поплатится жизнью.

На лице Аластора появилось искреннее недоумение.

— Драгоценнейший, ты что-то путаешь, — твердо заявил он. — Оружие — не мой профиль. Может, кто другой украл? Похожий на меня?

— Думаешь, что сможешь обмануть Ар-Гийяда, Великий Обманщик? — рыкнул туранец. — Я не так глуп, не надейся. Три луны назад Серый Вихрь висел в моем походном шатре. Не прошло вечера, когда бы я не вынул его из ножен, чтобы напоить клинок светом первой звезды! И вот однажды вечером, в урочный час зайдя в шатер, я не нашел мое сокровище... Много иных редких и дорогих вещей исчезли вместе с ним, но что значат все богатства мира рядом с Серым Вихрем! Я тогда едва не лишился рассудка от горя, ибо воры не только лишили меня самого драгоценного, но даже не оставили следа, чтобы пустить погоню, не потревожили дорожной пыли за порогом жилища! Но потом я подумал — и стал смеяться, о, как я смеялся, ибо ты перехит-



рил сам себя, вор! Кто еще, кроме тебя, не оставляет следов, подобно змее, ползущей по камням? Кто еще может безнаказанно украсть невесту со свадьбы, корону с головы и Серый Вихрь из походного шатра Джерхалиддина Раввани Ар-Гийяда? Ш-шакал!..

— Ничего не понимаю, — развел руками Аластор. — Все это, конечно, весьма лестно — насчет змеи на камнях, короны с головы и так далее — но поверь, почтенный, я к твоему сокровищу не имею ни малейшего касательства. Я не крал его...

— Крал, — упрямо заявил туранец. — Ты вор. Никто бы не смог, кроме тебя. Уж не хочешь ли ты сказать, что Шатер-в-Степи доступен любому? Что Серый Вихрь мог снять со стены кто угодно, хоть вон тот шут, что сидит сейчас подле тебя?

— Вот поганец, — буркнул Ши Шелам, сидящий рядом с Аластором.

— Уважаемый Ар-Гийяд, опиши пропажу, — деловито вмешался Райгарх. — За свою жизнь я видел много разных мечей, может, и твой встречал?

— Такого — не встречал! — отрезал Ар-Гийяд, и по его хищному худому лицу внезапно расплзлось мечтательное выражение — туранец даже глаза прижмурил. — Серый Вихрь — один во всем подзвездном мире. Изгиб клинка его подобен серпу молодой луны, и столь же ярк свет его в ночи. Ужасом Степей зовется он, и Погибелью Неправедных, и Лучом Черной Звезды, и



мощь его воспета в преданиях. Носящий его может спокойно спать посреди голой степи, где кочуют дикие племена, ибо стоит неприятелю приблизиться, как клинок разбудит владельца и придаст ему отваги. В бою питается Серый Вихрь ненавистью господина и страхом врагов, и оттого силы носящего меч удесятерятся, и ни сталь, ни огонь, ни колдовские чары не могут перед ним устоять. Освобожденный от ножен, ярко сияет он во тьме...

— Так, что читать можно? — подал голос мстительный Ши.

Туранец запнулся и заморгал:

— Что?

— Читать, говорю, можно при свете этом? — ехидно переспросил Ши. — Ну, который во тьме сияет?

— Ар-Гийяд не знает, что такое «читать», — спесиво выпятил бороду Ар-Гийяд. — Но, когда ты владеешь Лучом Черной Звезды, можно все!

— Как это романтично... — протянула Кэрли.

— О да, необычайно романтично, — пробормотала Лорна. — Был у меня, помнится, в молодости приятель-туранец. Тоже занятные байки травил при луне. Просыпаюсь как-то утречком — ни любезного дружка, ни подвесок золотых, ни деньжат, что на черный день копила...

— Ш-шакал, — ввернул Ар-Гийяд.

— Точно так, и даже хуже... Вы слушайте его больше. Ах, да ты глянь на него! Весь грязный, рванный, сапоги сейчас развалятся, ни денег, ни коня, ни хоть ишака паршивого! Держу.



пари, этот его Шатер-в-Степи располагается аккуратно где-нибудь в Нищевродном переулке. А, почтеннейший? Ты из Турана в Шадизар пешком добирался?

— У меня был верблюд, — неохотно сказал туранец. — Большой боевой верблюд мулайдской породы, лучший из лучших, клянусь Вечным Светом! Черный, злой. Почему-то взбесился три дня назад. Много бед натворил, да... Пришлось платить, много платить... Ар-Гийяд честный. Верблюд, он подох.

— Ши, молчать, — прошипел Хисс.

Воришка сполз под стол. Оттуда немедленно донеслось нечто среднее между конским ржанием и пороссячим хрюканьем.

— Ну, допустим, — не отступалась трактирщица. — Ладно, вот вопрос поинтереснее. Адьс, конечно, вор грамотный, в Шадизаре, пожалуй что, и лучший. Но я ни за что не поверю, что слава о месьоре Кайлиени докатилась аж до Великой Степи или откуда ты там родом. Почему ты прямиком в Шадизар за своим мечом подался, если не врешь? Хотя врешь скорее всего.

— Ар-Гийяд никогда не врет, запомни, женщина! — вскинулся туранец, сколько позволяли веревки. — Здесь Серый Вихрь. Я чувствую, только не знаю, где искать... А Кайлиени, этого шакала среди людей, я...

— Хорошо, хорошо, — поспешно перебил Адьс, нервно потирая лоб. — Лорна, он не врет. Во-первых, зачем бы ему? Во-вторых, все слишком невероятно, чтобы оказаться ложью. Приду-



мать можно и попроще. Что с ним теперь делать? Любезнейший, не крал я твой чудо-ятаган.

Ар-Гийяд разразился длиннющей речью на туранском наречии, потом помолчал и твердо добавил:

— Украл.

— Что он сказал? — устало спросил Аластор. Ему ответила Феруза:

— Он сказал, что человека ведет по жизни судьба и что она всегда направит его на верный путь, если тот будет вести праведную жизнь. Он вел праведную жизнь: защищал слабых, не обижал женщин и другим шакалам, как тот богач, которого он убил, не позволял. Судьба наградила его за это и привела через мальчика-воина прямо к презренному вору, преступившему Закон. Вор будет покаран, он, Ар-Гийяд, обещает. Правда, — тут Феруза украдкой хихикнула, — вор какой-то странный, раз живет, похоже, в доме для скорбных рассудком.

— Да не крал я меча! — взвыл Аластор. Туранец только ухмыльнулся.

— Ну, коли так, — рассудительно произнес Райгарх, — придется на цепь и в подвал пока. Не в Алронг же его вести. Все ж человек, и Малыша спас, даром что дикий.

Тут Малыш, до сих пор сидевший очень тихо и внимательно слушавший, пошевелился и сказал:

— На цепь человека сажать негоже, ежели только он небесные законы не преступил и зверем не стал. Адьс, позволь, я с ним поговорю?



— Говори, — несколько удивленно ответил Аластор и подвинулся, давая Малышу вылезти из-за стола, чтобы подойти к пленнику.

— Мальчик будет воином, — гортанно произнес Ар-Гийяд. — Зря связался с ворами. Никчемные люди. Не воины. Собаки.

— Ты их просто не знаешь, — мрачно ответил Конан, присаживаясь на корточки перед туранцем. — Скажи, откуда тебе известно, что твоя пропажа в городе? Ты не мог ошибиться?

— Не вся пропажа, только Серый Вихрь, — сказал туранец. — Ничего больше не чувствую, так, пыль, презренный металл. Серый Вихрь — он зовет, ни с чем не спутаешь. Ошибиться? Нет, не мог.

— Поверь, Альс не крал твой Серый Вихрь... — безнадежно начал Малыш.

— Тебе — верю, — не дослушав, перебил Ар-Гийяд. — Ему — нет. Ты честный, я вижу. Как я. Он хитрый. Обманул меня, тебя тоже мог обмануть.

— Чего ты хочешь? — в лоб спросил Конан. — Вернуть меч?

— Серый Вихрь должен вернуться к хозяину, — согласно кивнул туранец и непререкаемо добавил: — А вор должен быть наказан.

— Хорошо, — согласился Малыш, — если меч действительно в Шадизаре, мы его найдем. Но ты выручил меня и мою девушку, и я не хочу, чтобы ближайшую седмицу ты провел связанным. Тем более, что Аластор действительно ни в чем не виноват. Дай слово, что сдержишь свой



гнев, а я дам слово, что мы вернем тебе утраченное.

Туранец уперся в Конана таким взглядом, что подростку-варвару на миг стало не по себе. Потом внезапно Ар-Гийяд заклекотал, как горный орел. Конан не сразу понял, что степняк смеется.

— Ты совсем не знаешь своих друзей, но слова твои идут от сердца, — сказал он.





Глава 6

Как украсть сфинкса



Наконец-то явившийся в «Нору» долгожданный посланец Назирхата уль-Вади передал Аластору, что его будут ждать подле «Храма Трех Устремлений», курильни старого Ипмика, ровно к десятому послеполу-денному колоколу. Однако взломщик и сопровождавший его Ши Шелам безнадежно опоздали.

Неудивительно — ведь к наступлению вечера пробудился громогласный Джерхалиддин Раввани Ар-Гийяд, коего Лорна поселила в пустом чулане.

Для начала гость возжелал пищи и поглотил невероятное количество жареной баранины с острейшей подливкой. Затем ему потребовалось общение с родственными душами.

Аластор с Ши потому и задержались, что любовались умирительным зрелищем: Райгарх и Ар-Гийяд ожесточенно спорили о преимуществах



изогнутых клинков Турана над прямыми мечами Полуночи, а также о способах нанесения ударов в конном бою.

Малыш почтительно внимал, боясь упустить хоть слово. Хисс, в свою очередь, упрямо старался поддеть Ар-Гийяда, причем так, чтобы тура-нец не взбесился, призывая кромсать и резать. Хозяйка таверны только сокрушенно вздыхала, поднося спорщикам новые кувшины взамен опустошенных.

— Дикий он какой-то, этот Ар-Гийяд, — растерянно сказала Феруза, вышедшая проводить Аластора и Ши. — Знаю, у номадов, кочующих по пустыне Альбакан, весьма странные обычаи, но я предположить не могла, что они едят сырое мясо... Бр-р, смотреть жутко!

— Главное, чтобы они с Малышом не вздумали пойти прогуляться, — с преувеличенной серьезностью откликнулся Аластор. — Тогда наш городок станет полем кровавой битвы за благочиние. Надо же, умудриться на глазах у сотни честных горожан зарезать не кого-нибудь, а советника Намира! Можно биться о любой заклад, что Рекифес скоро поднимет тарарам на всю За-мору с Коринфией впридачу. Ладно, мы отправ-ляемся портить жизнь его милости королевско-му дознавателю... Пожелай мне удачи! — он попытался сгрести Ферузу в охапку. Девушка увер-нулась и строго нахмурилась:

— Слушайте, вы уверены, что способны идти, не шатаясь? Не говоря уж о том, чтобы вскры-вать замки и проламывать головы?



— Ув-верены, — размахисто кивнул Ши, спотыкаясь в темноте о доски, предназначенные для строительства колодца и едва не падая. — Проламывать головы — не мое ремесло. Пусть этим Кодо занимается.

Лихая парочка, чуть покачиваясь, удалилась вниз по Обманному переулку. До Ферузы еще долго долетало разудалое, слегка фальшивящее пение:

Начальник гвардии дворца
был как обычно пьян.
В одной руке он меч держал,
в другой руке — стакан.
Начальник гвардии дворца
никак понять не мог
Зачем опять проклятый пол
уходит из-под ног?
А также он понять не мог,
какой злодей-шпион
Внушил бедняге королю
принять сухой закон?
И как же это можно так —
совсем не пить вина,
Ведь если гвардия трезва —
зачем она нужна?..*

Туранка обреченно подняла глаза к сумеречному небу и беззвучно пробормотала несколько слов, являвшихся чем угодно, кроме доброго напутствия.

* Перевод Е. Хаецкой.



* * *

Подле «Храма Трех Устремлений» никого не оказалось. Озадаченные компаньоны разжились у ночного торговца парой кувшинов «Старой винодельни» и, посоветовавшись, зашагали к поднимающейся в темноте громаде городской управы, скупой освещенной масляными лампами и чадающими факелами. Здесь ничто не предвещало неприятностей: на широкой лестнице позевывали стражники, не местные, немедийцы в их надранных доспехах и украшенных конским волосом шлемах. Из-за угла, печата шаг, вынырнул ночной патруль, миновал площадь перед зданием и скрылся.

Аластор и Ши, прячась в тени окрестных домов, выбрались на задворки величественного строения, одного из самых крупных в Шадизаре, и остановились у массивных ворот, за которыми скрывался чаемый вход в казну. Ши, пребывавший в жизнерадостном настроении, предложил дернуть веревку колокола над воротами. Этого не потребовалось. Створки беззвучно приоткрылись, из щели высунулась голова и яростно прошипела:

— Где вас носит? Пошевеливайтесь!

— Мы заблудились, — пропыхтел Ши, с трудом протискиваясь между створками. — Что, без нас не справиться?

— Не умничай, — шепотом посоветовал карательный, вновь закрывая створки. — Идите налево, вон в ту арку. Кодо рвет и мечет: мол, скоро



хозяин прибудет, а они до сих пор с дверями возятся.

— Что, достопочтенный уль-Вади самолично пожалует? — удивился Ши.

— Втемяшилось ему, — с легким недоумением отозвался страж. — Захотел — так захотел, что, с ним спорить будут?

Большая темная куча, громоздившаяся под стеной, вдруг завозилась, пыхтя и издавая нечленораздельные звуки. Караульный с досадой отцепил от пояса дубинку, размахнулся и нанес бесформенной груде несколько ударов, сопровождаемых оханьем и еле слышными вскриками.

— Вот крепкоголовые, — пожаловался страж. — Уже третий или четвертый раз их укладываю, а они опять брыкаются.

Аластор пригляделся, различив в полутьме десяток связанных по рукам и ногам охранников управы, набранных из местных уроженцев и потому вряд ли сумевших оказать людям Назирхата и Кодо достойное сопротивление. Удивительно, что их не прикончили, оставив просто лежать в уголке. Неужели уль-Вади решил проявить человеколюбие?

За указанной аркой прятался крохотный двор, загроможденный какими-то бочками и ящиками. В его дальнем конце, почти на уровне цоколя здания, мелькал еле заметный тусклый огонек.

— Явились? — раздраженно спросил Кодо Ночной Кошмар, заметив пробирающуюся среди штабелей парочку. — Чего до утра не подождели? Этого зачем приволок? — он ткнул пальцем



в ухмылявшегося от уха до уха Ши, немедленно состроившего хмурому помощнику Назирхата игровую рожицу.

— Для смеху, — безмятежно отозвался Аластор. — Показывайте, что тут у вас?

Прятавшиеся в темноте силуэты, числом пять или шесть, слегка пошевелились, расступаясь и пропуская взломщика.

Оступаясь, Альс преодолел десяток уводивших вниз ступенек, оказавшись перед низкой подвальной дверкой, обитой внахлест железными полосами.

Дверца запиралась на три навесных замка. Еще пара узких скважин ехидно щерилась зубатыми отверстиями. Под ногами хлопнула застоившаяся вода, просачивавшаяся между камнями облицовки. Наверху завозились, передвигая фонарь, чтобы получше осветить створку и замки. Кто-то еле слышно прикрикнул на Ши, велел отвалить в сторону и не мешаться.

— Это мы без труда, — пробормотал Аластор, извлекая из сумки связку звякнувших отмычек и выбирая подходящую. Руки у него слегка тряслись, потому неудивительно, что железное кольцо с причудливыми крючками выскользнуло и скрылось в черной вязкой жидкости, издав легкий плеск. Аластор в задумчивости помянул Нергала и три сотни его демонов.

— Готово? — тонкий луч фонаря заслонила массивная голова Кодо. — Ты чего возишься?

— Отмычки уронил, — ясным голосом признался взломщик. — Сейчас достану.



Он присел на корточки, но шарить руками в омерзительной жиже не решился, воспользовавшись для поисков стилетом. Кодо на пару ударов сердца онемел, затем холодно осведомился:

— Альс, какого демона? Ты что, пьян?

— Разумеется, нет! — лезвие натолкнулось на тяжелый предмет, оказавшийся при ближайшем рассмотрении дохлой крысой. — Я слегка угостился в преддверии встречи со столь почтенным и благородным сообществом... Это Ши напился, а я совершенно трезв, вот!

— Кто это напился? — сдавленным шепотом возопил Ши. — Я?! Врешь ты все! Достопочтенный Кодо, у него кувшин в сумке припрятан, я знаю!

— Альс, — глухо прорычал Кодо. — Кончай валять дурака. Не хватало еще, чтобы нас застукали!

Про себя Кодо подумал, что в таком случае его путь наверх можно смело считать завершенным. Быть схваченным у дверей городской казны в компании подвыпившего взломщика и десятка громил, годных лишь перетаскивать тяжести и разбивать чужие головы — благодарю покорно!

Варке на миг вспыхнула искорка яркого света. Кодо подобрался, мысленно сквернословя и жалея, что не отговорил Назирхата от замысла пригласить Аластора.

Этот хваленый кудесник замков и отмычек ровным счетом ни на что не годился. С равным успехом вскрытие двери подвала можно было



поручить старшине гильдии мясников Пайгуту из квартала Сахиль. Пусть топором прорубает.

— Как дела? — осведомился почтеннейший уль-Вади, с живым интересом заглядывая в темный проем и обнаруживая там возящегося в луже Аластора. — Кодо, кто там плещется?

— Лучший взломщик Шадизара, — нехотя буркнул Кодо. — Аластор Кайлиени. Он отмычки потерял. И пьян как сапожник.

Кто-то приглушенно фыркнул. Упомянутый Аластор невинно запротестовал, поскользнулся и, не удержав равновесия, шлепнулся в лужу. Это досадное обстоятельство его ничуть не смутило, ибо по случайности он нашарил утерянное сокровище, радостно помахав им в воздухе:

— Нашел!

— Отопри дверь, — разъяренной коброй прошипел Кодо. — Слышишь?

— Да слышу, слышу, — Аластор попытался встать, зацепился за тяжелый замок и с отяжкой громыхнул им по створке.

Грабители замерли, невольно сжимаясь и пытаясь раствориться в окружающем мраке. Ши пронзительно ойкнул и тут же замолк, словно ему с размаху заткнули рот.

Даже в темноте Кодо заметил, как физиономия его покровителя наливается дурной кровью.

— Здесь что, уличный балаган? — ледяным тоном процедил Назирхат. — Или обитателей дома скорбных рассудком выпустили на прогулку? Вытащите оттуда этого бездельника! Любой нищий побирушка справится с жалкой калиткой



быстрее, чем вы! Даже я могу это сделать! Выкиньте его, я сказал!

Кодо щелкнул пальцами. Повинуясь знаку, один из громил торопливо скатился вниз и выволок наружу вяло отбивающегося Аластора, от которого несло тухлой водой и плесенью. Взломщика пихнули на горку составленных ящиков, мимо которой он, естественно, промахнулся.

— Свет! — потребовал уль-Вади. Схватив угодливо протянутую ему лампу, он решительно и весьма проворно для столь грузного человека заковылял вниз по искрошившимся от времени ступенькам. Недоуменно глянув вслед покровителю, Кодо приметил знакомый блеск — Назирхат принес с собой и сейчас вытащил из складок пояса диковинные отмычки, откованные из благородных металлов и украшенные россыпью мелких драгоценных камней. Кодо уже доводилось их видеть, он даже несколько дней пробыл их владельцем, но считал не более чем воровским талисманом «на счастье». Открыть этим инструментом какой-либо замок было просто невозможно. Это понимал не только Кодо, но и торчавший у него за плечом Стикки Брешуший Пес, еле слышно присвистнувший и быстро покрутивший пальцем у виска. В другое время Кодо задал бы зарвавшемуся подручному хорошую трепку, но сейчас опасался согласиться со столь откровенно высказанным нелестным мнением Пса.

Назирхат уль-Вади, однако, вел себя так, будто отлично знал, что делает. Он перебрал висев-



шие на кольце из полированной меди отмычки, выхватил одну, сверкнувшую голубыми брызгами, и с размаху ткнул ее прямо в центр двери.

Отмычка на две трети погрузилась в железо.

Стикки открыл рот и забыл закрыть. Кодо обнаружил, что затаил дыхание и до крови прикусил кончик языка. Перебравшийся ближе Аластор свесил взлохмаченную голову в проем и неотрывно следил за действиями уль-Вади.

Старшина квартала Нарикано лихо повернул отмычку и потянул на себя. Дверь вместе с замками осталась стоять на месте, но в ней возник ровный черный прямоугольник, постепенно отходивший в сторону, как обычная створка.

— Гайрам, полезай туда, — распорядился уль-Вади, поворачиваясь к троице сопровождавших его телохранителей. Здоровенный и туповатый Гайрам слегка поколебался, но, не решившись спорить с хозяином, вперевалку спустился по лестнице и исчез в странной двери. Кодо принялся считать про себя «Один, два, три...». На счете «двенадцать» охранник высунулся наружу, драматичным шепотом сообщив:

— Там коридор, а в конце подземелье, забитое сундуками!

— Иди посмотри, — уль-Вади сгреб за рукав сидевшего на краю спуска в подвал Аластора. — И без глупостей.

Взломщик на удивление послушно юркнул в черный провал, вдоль срезов которого загорелось красновато-зеленое переливающееся мерцание, едва уловимое человеческим взглядом. Ши,



страдавший неизлечимым пороком любознательности, потянулся следом, с сожалением глянув на блестящие отмычки, вращавшиеся на указательном пальцем Назирхата. Бесплезно, никогда ему не заполучить их обратно, а ведь именно он сумел увести эту редкость у старого дверга Альбриха! До чего несправедлива жизнь!

— Кодо, — уль-Вади поманил свое доверенное лицо, распоряжавшееся у двери подвала. — Разберись завтра с этими площадными лицедеями — Шеламом и Кайлиени. Сильно бить не нужно, просто растолкуй, что негоже являться мне на глаза в пьяном виде. Это вредит нашей репутации и общему делу. Положенную им долю урезать на три четверти.

— Может, вообще ничего не давать? — мстительно предложил Кодо. Назирхат поразмыслил и отрицательно покрутил круглой головой, покрытой вышитой бисером черной туранской шапочкой:

— Мы же не звери. Пусть мальчики получают возможность слегка пустить пыль в глаза. До меня тут дошел слух, будто Кайлиени собрался самым законным образом жениться на своей подружке, как ее... гадалке ат'Джебеларик.

Уль-Вади недоуменно хмыкнул, поражаясь непредсказуемости человеческих поступков.

* * *

Ши давно гадал, как выглядит изнутри городская казна. Оказалось, таинственное место сма-



хивает на обычный винный подвал с низкими сводами и выстроившимися вдоль стен неподъемными сундуками. Неподъемными, ибо вместилища золота и прочего добра намертво крепились цепями к стенам и полу. Вдобавок для пущей недостижимости цепи обматывались вокруг некоторых сундуки и запирались на хитроумные замки кофийской работы с ловушками. Одна такая уже сработала — телохранитель Назирхата по скудоумию пренебрежительно пнул замок ногой и схлопотал в ляжку тонкую отравленную стрелку. Неудачник не успел даже пикнуть, избавив тем своих спутников от необходимости избавляться от него. Посиневший труп с вытаращенными глазами и скосившимся в безумной ухмылке ртом оттащили в угол потемнее и бросили на произвол судьбы. Кодо скрежещущим шепотом приказал никому ничего не трогать и прекратить разгуливать по подвалу, словно по собственному дому.

Стремительно протрезвевшего и ставшего до невозможности серьезным Аластора вытолкнули вперед. Взломщик побродил туда-сюда — точь-в-точь кот, попавший в незнакомое место и подозрительно обнюхивающий каждый предмет — присел возле невинной в виду бочки с серебряными монетами и принялся старательно ее обстукивать.

— Твой дружок окончательно спятил? — Кодо поймал за шиворот оказавшегося в пределах досягаемости Ши и притянул к себе. Воришка оскорбленно дернулся:



— Сам ты спятил, почтеннейший. Слышал когда-нибудь про сторожевые заклинания? Хочешь, чтобы из тебя сделали фаршированную колбаску? Нет? Тогда стой смирно и не мешай знающему человеку заниматься делом.

Кодо фыркнул, словно разъяренный бык, однако подходящего ответа не нашел и промолчал. Аластор закончил обниматься с приглянувшейся ему бочкой, сказав, что теперь подвал можно осмотреть, но соблюдать осторожность — возможно, в пол вделаны «качающиеся камни», к которым цепляются поднимающие тревогу колокольчики.

По разумению Ши, минуло около колокола.

За это время подчиненные Кодо выпотрошили четыре вскрытых Альсом сундука. Наиболее ценное содержимое приготовленных к скорому отправлению в Немедию, Офир и Туран шкатулок и коробочек отправлялось в уютные кожаные мешки и уносилось наверх. Затем добычу предполагалось перенести в ожидавшую на соседнем перекрестке повозку сборщика уличного мусора. Утром повозка отправится в путь — к дому Назирхата уль-Вади. План незамысловатый и потому имеющий возможность быть безукоризненно исполненным от начала до конца.

Ши Шелам, коему поручили перебирать и наскоро оценивать попадающиеся в числе прочего добра драгоценные камни и украшения, только что разделался с очередной порцией сверкающих побрякушек. Затянув горловину мешка, воришка невольно потянулся глянуть на предмет, ле-



жавший по соседству. С виду — тяжелый туранский ятаган в богатых ножнах черной кожи, украшенных чеканкой по серебру и мелкими рубинами.

Поборовшись с искушением, Ши воровато оглянулся, взялся за обтянутую шершавой замшей рукоять и на треть вытянул коричневатое лезвие в извилистых разводах, означавших редкую и чрезвычайно дорогую сталь. Вдоль незаточенной стороны клинка струилось какое-то изречение или пожелание, выгравированное значками туранской вязи «аль-куфи». Меч испускал слабое, едва различимое сияние, менявшее свой цвет от голубоватого до блекло-зеленого. Читать, как утверждал достопочтенный Ар-Гийяд, при таком свете вряд ли можно, однако зрелище медленно пробегающих вдоль изогнутого клинка прозрачных волн завораживало.

Налюбовавшись, Ши вдвинул ятаган обратно в ножны и посмотрел, чем занят Аластор. Взломщик сидел на корточках перед внушительного вида сундуком, обмотанным аж тремя прочными цепями, перехваченными тяжелыми замками. Два из них, беспомощно выставив разомкнутые дужки, лежали на полу. Последний упрямо сопротивлялся. Альс по привычке еле слышно насвистывал себе под нос, ковыряясь во внутренних частях замка тонкими изогнутыми проволочками. Воришка вытянул шею, изучая, что творится в подвале. Назирхат и Кодо рассматривают какую-то тускло блестящую вещицу, под дверями трется караульный, изображая бдитель-



ность, кто-то поднялся наверх, относить заполненные мешки, кто-то возится около сундуков.

— Альтс, — тихонько окликнул приятеля Ши. — Я тут подумал...

Тонкая проволочка застряла. Взломщик сердито дернул ее, замок испустил короткое жалобное клацание и открылся.

— О чем? — Аластор поднял тяжелую крышку, заглянул внутрь и извлек подвернувшуюся под руку шкатулку, обтянутую легкомысленным розовым шелком.

— Странно как-то получается... — нерешительно протянул Ши. — Я хочу сказать, в последнее время с нами и вокруг нас творятся непонятные вещи. Да, Шадизар — самый вбаламошный город Заката и Восхода, однако его безумие имеет границы. Если постараться, можно найти объяснение любому событию, но теперь у меня не получается...

Аластор вопросительно хмыкнул.

— Скажем, этот меч, — Ши попытался говорить увереннее, — утерянная собственность Ар-Гийяда. Если верить лихому приятелю нашего Малыша, ятаган самым удивительным образом пропал около трех лун назад. Вдруг мы находим его здесь. Ладно, клинок — мелочь. Мало ли кто его стянул и через какие руки он прошел. Ты видел, уль-Вади размахивает нашими отмычками? Заметил, как он открыл дверь? Обратил внимание на коридор, каким мы сюда пришли? Я нарочно вернулся и посмотрел. В нем стены из черного обсидиана с белыми прожилками. Такие,



как в подземном лазе, ведущем в неизвестно чей дворец. Мне почему-то кажется, что он принадлежал госпоже Кэто Сувейбе и расположен не здесь. Не в Шадизаре. Может быть, вообще на другом краю земли. Я даже не уверен, что подвал, в котором мы сейчас торчим — подвал под городской Управой.

— Любопытная мысль, — вежливо-задумчиво откликнулся Аластор.

— Эти люди, — Ши на миг запнулся. — Твои знакомые, в последнее время внезапно пожаловавшие в Шадизар... Кэто Сувейба, графиня Клелия из Офира, покойный старик Эпиналь, бешеный туранец Ар-Гийяд, Кебрадо... Они знают тебя, они знают друг друга, ты знаешь их.

— Сам порой удивляюсь, до чего у меня обширный круг приятелей, — невозмутимо кивнул взломщик. — Почему ты называешь Эпиналя «покойным»?

— Так прикончили его, — охотно пояснил Ши. — Калеки, толпившиеся вокруг Обители, узнав что Диск пропал, забили похитителя костылями да клюками... Все приехавшие разыскивали похищенные вещи. Дверги украли столько всего, что в лучшем сне не увидишь. Зато один пропавший предмет никто до сих пор не нашел.

— Какой? — Аластор отложил вскрытую шкатулку и повернулся к Ши.

— Талисман из храма Бела на Кривоколенной улице, — воришка собрался с духом и выпалил: — Смахивает на сказку для детей, но если тамощные отмычки — настоящие? Колдовские,



способные открыть любую дверь и любой замок? Ты же был хранителем молельни, наверняка знаешь уйму легенд про Обманщика и его Ключи!

— Знаю, — медленно кивнул взломщик. — Только Отмычки в моей молельне были всего лишь ржавыми кусками железа...

— Конечно! — рьяно согласился Ши. — Так всегда бывает. С виду — ржавое железо, но если поверить, как следует поверить, по-настоящему? Верила же братия Обители Возвышенного Просветления, что им в руки попала благословенная реликвия? Гномам известно множество всяких секретов, касающихся металла. Вдруг они сумели вернуть Отмычкам истинный облик?

— Ши, — без малейшей насмешки произнес Альс, — ты преувеличиваешь. Нельзя верить всему, что говорится в преданиях.

— Я и не верю! Но согласись, что таких Отмычек ни ты, ни я, никто в жизни не видел!

— Уверен, в собрании Кодо найдутся образчики поинтереснее и покрасивее, — не слишком убежденно возразил Аластор и глянул куда-то поверх головы Ши. — Между прочим, к нам приближается упомянутый Кодо, наверняка желающий узнать, почему мы треплемся и бездельничаем.

Взломщик ошибся. Ночной Кошмар пришел с известием, что в стене за кладкой фальшивых кирпичей обнаружили маленькую железную дверцу потайного шкафа, и не угодно ли месьору Кайлиени взглянуть на нее? Кстати, почтенней-



ший уль-Вади распорядился закрывать лавочку, ибо жадность губит хорошие начинания. Во дворе скопилось столько добра, что придется сделать десяток ходок, прежде чем оно окажется за пределами владений Совета.

Увидев дверцу, Аластор первым делом спросил, прикасались ли к ней. Нестройный хор заверил, что никоим образом. Аластор недоверчиво скривился и углубился в выстукивание камней вокруг дверцы. Возился он довольно долго. В какой-то миг сталь вдруг покрылась каплями бурой жидкости, подвал наполнился тягучим звуком разорвавшейся тетивы, а стоявший поблизости уль-Вади скривился, будто уловив неприятный запах.

Дверца беззвучно открылась. Кто-то сдавленно охнул, кто-то засвистел, кто-то благоговейно выругался.

— Мешки, быстро! — свистящим шепотом приказал Назирхат. — Забираем это и уходим.

Взломщик, запустивший обе руки в тайник, с усилием извлек нечто, завернутое в слои узорчатого кхитайского шелка, и поставил на крышку сундука. Два десятка нетерпеливо ожидающих глаз следили, как он бережно разворачивает ткань.

Узкие лучи потайных фонарей выбили стоп радужно переливающихся искр, испятнавших низкий потолок и напряженные лица столпившихся вокруг людей. Из-под складок явилось изящное конусообразное сооружение высотой в две ладони, обильно усыпанное множеством крохотных



алмазов и рубинов. Вершину своеобразной короны украшала серебряная змейка с изумрудными глазками, державшая в пасти собственный хвост.

Ши (и не только он один) мысленно попытался прикинуть возможную стоимость шедевра безвестных ювелиров и ощутил легкое головокружение. Выходило, что золотая тиара может быть приравнена к трети, если не к половине суммы собираемого с жителей Шадизара годового налога. Значит, уль-Вади в самом деле удалось сделать почти невозможное — украсть сфинкса, похитить вещь, стоящую больше тысячи офирских талантов! Место в шадизарских легендах и воровских байках ему обеспечено. А заодно и тем, кто его сопровождал.

Назирхат поперхнулся, протянул руку, чтобы дотронуться до сверкающей в полутьме драгоценности и не решился, осипшим голосом пробормотав:

— Спрячьте ее... Альс, Кодо, вы головой ответите, если на ней появится хоть одна царапина...

Проходя темным коридором, Ши снова ощутил тревожное беспокойство. Он даже улучил миг, чтобы поскрести ногтем стену и убедиться в том, что перед ним твердый, холодный камень. Аластор нес увесистую корону, небрежно завернутую в шелк, Ши, кроме порученных ему мешков, запасливо прихватил ятаган Ар-Гийяда, ломая голову над тем, как бы незаметно припрятать длинный клинок и вернуть туранцу.

Наверху все оставалось по-прежнему, если не считать того, что бледно-желтый лунный диск



передвинулся по небосводу на три или четыре пальца, постепенно склоняясь к заслоненному домами горизонту. Ши облегченно перевел дух — ему примерещилось, что загадочный коридор не кончается, и они до скончания веков обречены брести по узкому переходу, облицованному черным обсидианом. У него забрали мешки, и воришка присел на ящик, дожидаясь возвращения остальных участников предприятия. Из поясной сумки появилась предусмотрительно захваченная фляга с вином, Ши отпил глоток и поискал взглядом Аластора.

Взломщик, пристроив в выемке стены фонарь, пристально рассматривал серебряную змейку на вершине короны.

Ши только собрался его окликнуть, как темнота раздалась, пропуская кого-то, широкими шагами мерявшего двор. Мелькнул край широкого разлетающегося плаща — сверху черного, снизу алого. Ши удивленно поднял голову, столкнувшись с парой глубоко посаженных каре-желтоватых глаз, наполненных холодным, всепожирающим огнем чистой ненависти. С таким лицом, должно быть, отправляются на бой со злейшим врагом.

Ши хотел вскрикнуть, но язык прилип к глотке и наружу прорвалось надрывное мяуканье. Он почти сразу признал незнакомца — зингарец Кебрадо, знатный гость Назирхата уль-Вади. Человек, которого Аластор полагал чрезвычайно опасным и с нехорошим смешком именывал «давним недругом».



— Ты?! — одновременно произнесли Аластор и Кебрадо.

После чего Аластор удрученно пробормотал: «За что мне такое наказание?», а зингарец влил ся неотрывным взглядом в алмазную корону, поводя головой влево-вправо медлительным движением, напоминающим раскачивания готовящейся напасть змеи.

Предусмотрительно юркнувший в ненадежное укрытие за ящиками Ши в панике заозирался. Как назло, поблизости никого не оказалось. Звать на помощь воришка не решился, опасаясь навещающего дрожь месьора Кебрадо.

— Значит, это все-таки твоих рук дело, — сухо произнес Кебрадо. — Так я и думал. Прошлого ничему тебя не научило. Чего ты добиваешься, Ажец? Чтобы на тебя обратили внимание? Можешь считать, в этом ты преуспел.

— Да ничего я не добиваюсь! — в голос заорал Аластор, напрочь забыв о необходимости соблюдать тишину. — Я вообще тут ни при чем! Ни при чем, слышишь? Можешь не верить, но я говорю правду! Чего вы на меня взъелись? Мы заключили соглашение: я не трогаю вас, вы оставляете в покое меня! Ваши дешевые подделки мне даром не нужны!

— Не нужны? — процедил зингарец, делая кистью неуловимо быстрый жест. Ши зажмурился, ожидая услышать короткий свист и лязганье брошенного метательного ножа. Вместо этого Аластора какой-то неведомой силой ударило о стену.



Он едва не выронил корону.

— Эй, прекрати! — взломщик нахмурился, перехватил увесистую драгоценность в левую руку. — Давай поговорим, как разумные люди! Кебрадо, что на тебя нашло?

Вместо ответа последовал новый толчок, сбивший Аластора с ног. Зингарец шагнул вперед, его черный плащ взлетел шелестящими складками, напоминая диковинное живое существо.

— Идем со мной, — низким, перекатывающимся голосом приказал Кебрадо. — Настало время отвечать за содеянное. Не только передо мной, но и перед всеми остальными. Не вынуждай меня превращать твой любимый городишко в дымящиеся развалины. Идем. Или ты не только обманщик, но и вдобавок и трус?

— *Сет таки юте ралл!* — огрызнулся Аластор, пытаясь подняться. Смысла фразы Ши не понял. — Который раз тебе твержу — я не...

Фигуру зингарца охватило легкое, почти бесцветное зеленоватое пламя, он пошатнулся, лихорадочно пытаясь найти опору, неуклюже взмахнул руками и исчез.

Просто исчез, будто его никогда не было.

На месте, где только что стоял разгневанный Кебрадо лос Уракка, осталась висеть в воздухе серебристая дымка, повторяющая очертания человека и медленно расплывающаяся в ночном воздухе.

— Кажется, я погорячился, — растерянно пробормотал Аластор. — Я пошутил! Вернись! Честное слово, я не хотел!



— Что ты с ним сделал? — ошарашено про-
бормотал Ши, выбираясь из убежища.

— Сам не знаю, — взломщик пожал плечами,
проводя взглядом последние доски белесого
тумана. Морок окончательно развеял Стикки, с
размаху пробежав сквозь тающее облачко и про-
рычав:

— Чего орете, как спятившие ослы?

Аластор и Ши перегаянулись.

— Призрака увидели, — неубедительно сов-
рал Ши. Стикки Брешущий Пес с отвращением
глянул на воришку и буркнул:

— Уль-Вади велел уходить, так что шевели-
тесь. Вещицу не потеряли?

— Альс, что значит *«Сет таки юте ралл»*? —
украдкой спросил Ши, когда громила отвернул-
ся.

— «Да пожрет тебя Сет», — с тоскливым вздо-
хом перевел взломщик. — Древнее стигийское
проклятие. Говорят, действенное.

«Куда уже действеннее», — мысленно согла-
сился Ши и посочувствовал сгинувшему неведо-
мо куда Кебрадо.

* * *

В Обиталище Змея, главном из сотни много-
численных храмов столицы Стигии Кемии, не-
спешно подходила к концу ежедневная церемо-
ния Малого Подношения Творцу Теней. Отзву-
чали положенные слова, послушники зажгли на
алтаре свечи из черного воска и привели необхо-



димого для завершения ритуала белого ягненка.
Тот брыкался и время от времени испускал жа-
лобное блеянье.

Устоявшееся за нескитанные века ровное те-
чение церемонии внезапно грубо нарушила яр-
кая вспышка зеленоватого света и последовав-
ший за ней громкий звук, напоминающий звон
падающих хрустальных бокалов. Странные явле-
ния сопровождали появление в воздухе, локтях
в трех над алтарем, дергающейся и кричащей
человеческой фигуры.

Неизвестный приземлился рядом с алтарем и
был немедленно схвачен. По виду он казался
уроженцем Зингары, причем уроженцем весьма
благородным и исполненным чувства собствен-
ной значимости. Правда, ругался он, как забул-
дыга из портового кабака, грозя превратить всех
присутствующих в жаб, ящериц и других смир-
ных животных, если его немедленно не отпу-
стят.

Краткое совещание Верховного жреца с по-
мощниками, проходившее под яростные прокля-
тия зингарца, привело к тому, что нарушителя
спокойствия связали и не без труда затащили на
алтарь. Он продолжал клясть державших его
людей на чем свет стоит, обещал лютую смерть
некому Кайлиени и обозвал попавшегося ему
на глаза жреца «гадючьим выкидышем».

Вопли резко оборвались, когда согласно всем
законам и традициям жертве перерезали горло
одним коротким взмахом ритуального золотого
ножа. Брызнувшая вверх кровь залила алтарь,



прислужников, свечи и молитвенную книгу. Неизвестному аккуратно вскрыли живот, с помощью изогнутых крючьев раздвинули ребра и извлекли сердце.

Так завершилось земное существование высококородного Кебрадо Эльдире лос Уракка, графа Ларгоньо, родом из Зингары.

Комочек мяса, недавно бывший человеческим сердцем, побрызгали настоем желтого лотоса и спалили в бронзовой жаровне. Поднимавшийся сизоватый дымок достиг ноздрей каменной головы статуи Змея... и тут случилось чудо: вырезанные из огромных изумрудов глаза Отца Ночи налились багряным светом.

Жрецы в экстазе попадали на колени, ожидая второго Большого Откровения.

Вместо этого статуя еле заметно дрогнула. Из ее пасти с порохом посыпались мелкие разноцветные камешки, опознанные как обычная морская галька.

Они раскатились по всему храму, а когда их наконец собрали, камешки заполнили три вместительные корзины.

Верховный жрец и Главный прорицатель истолковали случившееся как весьма благоприятное знамение. Извергнутую статую гальку частично сохранили в сокровищнице, частично распродали желающим обзавестись священной реликвией. Вырученной суммы хватило на подновление Обиталища и приобретение большой партии иноземных рабов для жертвенных подношений.



Правда, лишенные всякой совести остряки в тавернах Кемии шепотом утверждали, будто на самом деле Великого Змея просто-напросто стошнило от неприятного запаха.

* * *

— Разве он отсюда не выходил? — удивленно повторил Назирхат уль-Вади. Караульный у ворот заверил его, что напыщенный месьюр из Зингары вошел следом за Кодо и стигнул. — Куда же он делся?

Аластор и Ши, не сговариваясь, дружно промолчали. Ши занимался тем, что украдкой пристраивал под жилетом меч Ар-Гийяда. Клинок оказался слишком длинным и норовил выпасть в самый неподходящий момент. Воришке до зубовой боли хотелось лично притащить ятаган в «Нору», бросить перед туранцем и поглядеть на выражение его физиономии.

— Ну и пес с ним, — внезапно решил уль-Вади. Оглядел пустынную улицу и неторопливо зашагал к ожидавшей у соседнего перекрестка повозке, нагруженной так, что днище слегка просело. За Назирхатом потянулись остальные — телохранители, Кодо, погруженный во внезапную задумчивость. Аластор с золотой короной и Ши Шелам, чрезвычайно опасавшийся схлопотать взбучку за кражу меча.

Альс сбился с шага, придержав Ши и Кодо.

— Вы ничего не чувствуете? — негромко спросил он.



Кодо осмотрелся и даже принюхался.

— Слишком тихо, — пробормотал он и сорвался с места, догоняя ушедшего вперед покровителя. Ши невольно подался вслед, но был пойман за рукав и остановлен.

— Не торопись, — прошипел Аластор, пятясь к стене ближайшего дома. — Держись ближе ко мне. Сейчас нач...

— Всем стоять! Кто дернется, может считать себя мертвецом!

Безлюдный сонный переулок за зданием городской управы внезапно обернулся самым оживленным местом ночного города. Явившиеся из подворотен и закоулков тени окружили драгоценную повозку, оттесняя от нее людей уль-Вади. Звякнули, сталкиваясь, клинки, затрепали, рассыпая огнистые искры, зажигаемые факелы. При их свете Ши, обмирая, заметил распоряжавшегося предводителя нападающих, восседавшего на пританцовывающем от злости жеребце. Рекифес! Дознаватель Рекифес!

— Не повезло уль-Вади, — сухо заметил Альс. — Ши, не высовывайся. Вроде нас пока не заметили...

— Там Рекифес, — утекающим голосом пробормотал Ши. — Как он узнал?

— Либо выследил, либо нас предали, — откликнулся взломщик. — Возможно, мы допустили какую-то ошибку в сокровищнице, дав о себе знать, и явились в расставленные сети. Похоже, сегодня сфинксу не позволят сбежать из родного края.



Ши судорожно глотнул. Возле повозки разгорелась настоящая битва: подчинявшиеся Рекифесу немедийцы постепенно брали верх над громилами Назирхата. Сам старшина квартала Нарикано с неожиданной для его возраста и сложения ловкостью отбивался короткой саблей от наседавших на него блюстителей, шаг за шагом приближаясь к выемке в стене, укрывавшей парочку мошенников. Откуда-то вынырнул Кодо, плечом снес вставшего у него на дороге гвардейца и ринулся выручать хозяина. За ним прыжками неслись двое телохранителей.

— Ар-Гийяда бы сюда, — мечтательно закатил глаза Ши. — Правда, не знаю, чью сторону он бы принял? Наше ночное братство он недолюбливает, значит, вступился бы за представителей закона.

В темноте коротко свистнула выпущенная из арбалета стрела. Один из торопившихся к уль-Вади спасителей споткнулся и покатился по булыжникам. Назирхат оглянулся, увидев печальнейшую в жизни любого охотника за чужим добром картину — повозку с добычей, вкатывающуюся обратно в ворота казны. Должно быть, это зрелище скверно на него подействовало: почтеннейший уль-Вади взревел не хуже дикого быка из туранских степей и бросился на виновника своего провала — на Рекифеса.

Лошадь дознавателя с ржанием взвилась на дыбы, когда в нее, словно камень, выпущенный из катапульти, грузно ударился бегущий человек. Уль-Вади умудрился схватить служителя за-



кона за ногу и попытался рывком вытащить из седла.

Рекифес, не колеблясь, заехал по прикрытой черной шапочке макушке почтеннейшего Назирхата рукоятью своего меча. Это не остановило уль-Вади. Вынудить его ослабить хватку смог только второй удар, после которого управитель Нарикано слегка отступил, но не растерял боевого задора. Рекифес что-то крикнул ему с высоты конской спины, очевидно, приказывая сдаться, не усугубляя свою участь оказанием сопротивления.

Назирхат показал дознавателю неприличный жест, явно намереваясь повторить атаку, и внезапно с оханьем согнулся пополам, шаря руками по воздуху и судорожно хрипя. В следующий момент ноги у него подкосились. Уль-Вади тяжело-весно завалился набок — как рушащаяся башня, чей фундамент подмыла вода.

— Сердце разорвалось? — догадался Ши.

Рекифес бросил взгляд на неподвижное тело на мостовой и развернул коня в сторону городской управы. Двое или трое оставшихся на свободе людей Назирхата, в том числе Кодо Ночной Кошмар, переглянулись и здраво решили, что с отмщением за гибель покровителя можно повременить. Они устремились к спасительным переулкам, преследуемые немедийцами Рекифеса, и скрылись в темноте.

— Не догонят, — высказал свое мнение Аластор. — Вот теперь самое время тихо и незаметно удалиться.



— Я должен это сделать, — каким-то чужим, отстраненным голосом вдруг произнес воришка. — Теперь или никогда.

Аластор не успел его остановить. Быстрая тень среди прочих теней, жмущаяся к выступам на стенах и углам заборов — Ши Шелам со всей доступной ему быстротой мчался к труп уль-Вади. Добежал, упал, растянувшись на булыжниках, лихорадочно зашарил по карманам и широкому поясу. Выхватил что-то небольшое, сверкнувшее радужной искрой, сунул за пазуху и, пригибаясь, заспешил обратно. Ему невероятно повезло: замешкайся воришка хоть на мгновение, и он обязательно бы привлек внимание толпившихся у ворот подчиненных верховного дознавателя.

— Спят? — налетел на приятеля Аластор, когда Ши, пытаясь, словно загнанная лошадь, нырнул в убежище. — Жить надоело? Дались тебе эти отмычки!

— Бежим, — вытолкнул из себя воришка.

— Бежим, бежим, — недовольно буркнул Альс. — Как ты побежишь, если звякаешь, точно козье стадо с бубенчиками! По-моему, ты умудрился распахнуть по карманам половину городской казны!

— Жить-то надо, — философски отозвался Ши, который в самом деле затолкал за голенища сапог, в поясную сумку и даже нацепил на шею множество дорогих вещей небольших размеров. — Уль-Вади, между прочим, собирался второе урезать нашу долю. Я своими ушами слышал!



Компаньоны благополучно перелезли через забор, свалившись в чей-то огород и потоптав высаженную на нем репу.

Угловатая крыша здания городского Совета постепенно удалялась, зато квартал Нарикано и стоящая в Обманном переулке таверна «Уютная нора» приближались. Дважды мимо спешной трусцой пробегали патрули городской стражи — заслышав их приближение, Аластор и Ши немедленно юркали в первое подходящее укрытие. Альс отчего-то помалкивал, зато самомнение Ши медленно, но верно поднималось на неизмеримую высоту.

Он уже предвкушал, какое захватывающее дух повествование сложит и с каким вниманием ему будут внимать покоренные слушатели. Иногда Ши украдкой поглаживал лежавшие за пазухой Отмычки, ощущая их резкие грани как подтверждение собственной удачливости.

Возможно, эта удачливость спасла ему жизнь. В какой-то миг Ши наклонил голову, и почти сразу над его макушкой, с шорохом рассекая воздух, пролетело нечто стремительно вращающееся. От испуга Ши присел и коротко вскрикнул. Непонятная вещь косо врезалась в деревянную стену дома, выбив пару щепок и глубоко застряв.

В предутреннем сумраке Ши разглядел двухлезвийный топор-лабрис с необычно длинной рукоятью, украшенной серебряными кольцами, и ужаснулся, представив, с какой силой его метнули.



— Альс! — задушенно пискнул воришка. — Альс, там...

Договорить ему не позволили. Нечто маленькое и быстрое прыжком выскочило из-под покосившегося глинобитного забора, сбило растерявшегося Ши с ног, плюхнулось сверху и принялось с такой злостью трясти за отвороты жилета, что мотавшаяся голова воришки часто застучала по булыжникам. Привязанный к спине клинок Ар-Гийяда едва не переломил Ши хребет. Он завопил, оттакаявая неведомого супостата.

Короткий рывок — и вырвавшийся на свободу Ши откатился в сторону, пересчитывая ребрами булыжники. Драгоценные Отмычки вместе с запасливо прихваченной берилловой диадемой и парочкой золотых браслетов выпали, оставшись валяться на мостовой. К ним протянулись две руки, но Аластор успел первым.

— Мое! — зашипело непонятное существо, отброшенное взломщиком в сторону. — Отдай! Сокровище! Мое!

— А-альбрих? — заикнулся Ши, наконец разглядев нападающего.

Дни, проведенные в бегах, плохо сказались на старом дверге. Ухоженная борода превратилась в клочковатое помело, добротный наряд покрывала россыпь грязных пятен, а маленькие витаращенные глазки блестели, как у безумца. Вдобавок он размахивал устрашающего вида кинжалом с зазубринами на лезвии, и это не понравилось Ши больше всего. Драться со спятившим карликом — спасибо, избавьте!



Однако Альбриха интересовал не вориншка. Он желал заполучить Отмычки. Предмет спора покачивался на вытянутом указательном пальце Аластора, заманчиво взблескивая.

— Отдай, — упрямо повторил дверг.

— А волшебное слово? — иронически осведомился взломщик. — Зачем они тебе? В твоём возрасте, почтеннейший, дома надо сидеть, в тепле и уюте, а не шарить ночами по чужим сундукам. Тебя Рекифес в Алронге заждался. Он тут неподалеку носится, грабителей ловит. Хочешь, мы его кликнем? Месьор королевский дознаватель чрезвычайно обрадуется встрече с тобой.

— Он обещал простить, если я выслежу, кто придет за нашими сокровищами, — сгоряча брякнул Альбрих, слишком поздно сообразив, что выдал себя.

— Ах, во-от оно что, — протянул Альс. — Уважаемый дверг еще и соглядатайством промышляет? Ну, тогда нам не по пути. Счастливого оставаться и легкой дороги в Кезанкию. Умхийда, кстати, тебе тоже не видать, как своих ушей.

Об Умхийде, некогда похищенном и до сих пор не найденном ожерелье гномской работы, взломщик упомянул совершенно напрасно.

Дверг наклонил лысую голову, гневно заурчал и бросился на Аластора, выставив перед собой нож, словно мясницкий тесак.

— Да провались ты, мелочь приплюснутая! — проорал взломщик, отпрыгивая и замахиваясь на Альбриха единственным оружием, которое



оказалось у него в руках — связкой отмычек. — Вот навязался на мою голову!

Под ногами у дверга распахнулся черный провал, обрамленный волнообразно извивающейся узкой лентой золотистого цвета.

Альбрих попытался остановиться, запутался в собственных ногах и с размаху влетел в уготовленную ему западню. Мелькнули подошвы стоптанных сапог, донесся затихающий вопль, наполненный не страхом, а разочарованием неутоленной мести.

Лента сама собой затянулась, связалась кокетливым бантиком и осталась лежать на мостовой.

Ши дополз до исчезнувшей ямы и подобрал ленту. Атласная, гладкая, самая обычная. Вориншка безмолвно и вопросительно уставился на слегка оторопевшего Аластора. Тот истерически хихикнул.

— Надо быть поосторожнее в словах, — с трудом произнес взломщик. — Что-то сегодня все мои скверные пожелания сбываются...

— Может, тебе в колдуны податься? — чуть заплетающимся языком предложил Ши, вставая. — Заработаешь уйму кругляшек на уничтожение заклятых врагов.

— Дело не во мне, — Аластор наклонился за оброненной золотой короной. — Дело, мой друг, в вещичах, которые мы таскаем с собой. В тиаре. В ятагане Ар-Гийяда, болтающемся у тебя за плечом. Колдовством, похоже, наделены именно они... Ты по-прежнему хочешь оставить себе эту



безделушку? — он протянул Ши загадочные Отмычки.

Воришка, поколебавшись, взял, но вид у него сделался крайне задумчивый. Он надолго замолчал и только у Старой лестницы вдруг окликнул приятеля:

— Альс!

— Чего? — нехотя откликнулся взломщик, размышлявший о чем-то своем.

— Как думаешь, куда угодил Альбрих?

— Представления не имею. Надеюсь, ему там понравится. И не спрашивай, что случилось с Кебрадо. Он, конечно, не самый мой лучший друг, но зла я ему не желаю. Впрочем, он сообразительный — выкрутится.

— Про Эпиналя ты тоже так говорил, — вполголоса заметил Ши. — Впрочем, я о другом. Я решил, как поступить с Отмычками.

— Как же? — заинтересовался Аластор.

Воришка тяжело вздохнул:

— Я отнесу их обратно. В храм на Кривоколенной улице. Денька через два. От них, похоже, сплошные неприятности, хотя они очень красивые. Пусть лежат там. Верно?

* * *

Блааургух, один из древнего и теперь немногочисленного племени Демонов-с-Огненными-Бичами, дремал на берегу лавового озера глубоко под Кезанкийскими горами. На взгляд человека, Блааургух мало напоминал живое существо, ско-



рее, огромную грудку камней, над которой пляшет облачко раскаленных искр. Порой камни приходили в движение, медленно приподнимаясь и доказывая, что Дух Огня еще жив.

Под высокими сводами пещеры, в которой обитал Демон, внезапно зародился истощный, пронзительный визг. Нечто крохотное, вопящее, дергающееся стремительно рухнуло вниз и смачно шлепнулось шагах в пяти от морды Огненного Духа. Блааургух нехотя приподнял веко — словно замшелый камень вопреки законам природы покотился не вниз, а вверх по склону, открыв узкую трещину, наполненную пламенем — и взглянул на незваного гостя.

Пришлец был мал ростом, бородат, лысоват, разгневан, напуган, и, вне всякого сомнения, относился к дворгам. С этим народом у Подгорных Духов шла давняя вражда, причины и истоки коей уходили аж в Изначальные времена. Гномы, разумеется, не могли силой одолеть сородичей Блааургуха, однако быстро выяснили, что соседство с постоянно грохочущими кузнями и оживленными поселениями рудознатцев для Порождений Огня невыносимо. Огненные Духи разрушали гномские обиталища — на месте погибших немедля возникали новые, еще больше и шумнее.

В конце концов, Демоны не выдержали и удалились к самым корням гор, куда гномы соваться не отваживались. Блааургух уже давно не встречал ни одного карлика и искренне надеялся, что не увидит.



Однако гном в самом прямом смысле рухнул ему на голову. Маленькое назойливое существо бродило по пещере, непрерывно бормотало себе под нос и колотило по камням железной штукотиной. Наверняка прикидывало, где бы пробить штольню и разместить горн, дабы бесповоротно лишить Демона покоя.

— У-урх! — проворчал Огненный Бич, просыпаясь. Искры взлетели до самого потолка.

Увлечшийся гном обернулся... позеленел, разинул рот в беззвучном вопле и мешком осел на камни.

Блааургух аккуратно потыкал его когтем, опасаясь, что неожиданный трофей помер раньше времени.

Дверг ожил, пронзительно заверещал и попытался влезть в щель между валунами, куда не протиснулась бы даже очень тощая ящерица. Дух Огня выволок добычу наружу и слегка подергал за бороду, проверяя, верно ли, что карлики чрезвычайно дорожат шерстяной порослью на физиономиях. Гном завизжал так, что обитавшие в лавовом озерце саламандры перепугались и нырнули на дно.

Вопли добычи слегка развеселили Блааургуха. Он разрешил двергу вырваться на свободу и немного побегать по пещере, снова изловил, подвесил локтях в двадцати от пола на отвесной стене и напомнил себе в ближайшее же время окунуть гнома в бьющий неподалеку источник — легенды говорили, будто вода из него придает долголетие и здоровье. То и другое двергу очень пона-



добятся, ибо Блааургух не торопился отпускать свою добычу.

Крики Альбриха еще долго разносились под сводами гигантской пещеры, тревожа летучих мышей и пауков. Блааургух не понимал гномьего языка и представления не имел, какие жуткие проклятия выкрикивает его жертва, обращая их к людям, обитающим в шумном торговом городе Шадизаре, и как именует его самого.





Глава 7

Гадание на рассвете



Сталось невыясненным, где Хиссу и Ши Шеламу удалось раздобыть дюжину ящичков с кхитайскими хлопущками, но гостям редкостная забава пришлась по душе. То и дело раздавался пронзительный шипящий свист, в темное небо взвивался стремительный огонек и разлетался брызжащими разноцветными искрами. Действо сопровождалось радостными воплями и улюлюканьем, но владелица таверны в глубине души опасалась одного — как бы горящая хлопущка не упала на соломенную крышу сарая или, по закону подлости, не свалилась кому-нибудь за шиворот.

Однако до сих пор все шло на удивление спокойно. Ни единой драки, ни одного свалившегося под стол и даже не слышно звона бьющихся тарелок. На любителей шумно повздорить на-травливали Джерхалиддина Раввани Ар-Гийяда.



Одного взгляда мрачного туранца хватало, чтобы ссора увяла, толком не начавшись.

«Словно всех подменили, — хмыкнула Лорна. — Или в Шадизаре случилось первое и единственное настоящее чудо. В какой бы хронике это записать: пятого дня Третьей летней луны 1264 года по аквилонскому счету в квартале Нарикано имела место быть весьма благопристойная свадьба...»

Она со вкусом отхлебнула прозрачной золотистой жидкости из серебряной чарки. Обещанная постояльцам настойка на плодах и лепестках белого шиповника удалась на славу — в меру густая, в меру сладкая и незаметно дурманящая голову. Жаль только, получилось ее мало, всего два кувшина, и оба наверняка давно показали дно. А сколько будет съедено и выпито за сегодняшнюю ночь и за завтрашний день! По душевной щедрости Компания позвала всех своих друзей и знакомых, широчайшим жестом выбросив на устройство праздника имевшиеся сбережения. Гулять — так гулять! Чтобы запомнили на последующий десяток лет! И внукам рассказывали! И мечтательно облизывались при воспоминаниях!! И зеленели от зависти!!!

Бритунийка оглядела свои преобразившиеся владения. Большой двор прибрали, засыпали соломой и расставили столы. На площадке позади таверны отвели место под зрелища и танцы. Повсюду развесили уйму разноцветных фонариков, ленточек, флажков и прочей легкомысленной чепухи. Кушетку, прятавшуюся в садовой бесед-



ке, заменили на новую, однако Лорна твердо знала, что уже завтра ее скорее всего придется выбросить — за полнейшей непригодностью к дальнейшему употреблению. Наверняка даже ножки сломают.

Из распахнутых дверей кухни выплыло облачко ароматов — подгоревший бараний жир, свежая зелень, едкий запах тлеющих углей и жарящегося мяса. В поварню Лорна заглядывать опасалась: разошедшийся старший кухарь Гикол беспощадно изгонял посторонних и накричал на хозяйку, чтобы не мешалась под ногами.

Над садом с шипением и треском взлетела очередная кхитайская игрушка. Не слишком стройный, однако на редкость дружный хор выкрикивал пожелания жениху и невесте. Лорна подняла чарку, мысленно присоединяясь, и чуть растерянно улыбнулась. Надо же, в самом деле женятся... В ее таверне, с соблюдением положенных традиций. Сегодня днем старший жрец храма Иштар на Пыльном холме провел церемонию и под любопытствующими взглядами участников старательно вывел золотым пером в толстенной книге имена — Аластор Кайлиени и Феруза иси-Мансур-ат'Джебеларик. Свидетелями записали Райгарха и Лорну — для солидности.

Больше всех, кажется, недоумевал Малыш. Он сейчас не мог поверить, что в этом шальном городе сохранились какие-то воспоминания о правилах приличия. Интересно, чем он там занят? Как обычно, тихо сидит, украдкой глазая по сторонам?



— Если мальчишка и сегодня не догадается утащить свою подружку в уголок потемнее, я ему лично растолкую, как и что! — вполголоса пригрозила бритунийка.

— Лорна, это ты? — из темноты выпал кто-то пошатающийся, беспечно размахивающий большой оплетенной бутылкой. — Чего торчишь в одиночестве?

— Смотрю, — отозвалась хозяйка таверны, узнав Ши Шелама. Воришка торжествовал маленькую победу: он заставил-таки Ар-Гийяда изумленно открыть рот. С ночной вылазки в городскую казну Ши приволок ненаглядный Серый Вихрь туранца и совершенно неправдоподобную историю его обретения.

Благодарность почтенного Джерхалиддина стала поистине всесокрушающей. На радостях он простил всех, включая Аластора, с коим в знак примирения пытался облобызаться. Взломщик улизнул, подставив вместо себя Кэрли. Затем Ар-Гийяд услышал о готовящемся празднике и изъявил желание оплатить долю расходов. Высыпанные им на стол масляно-желтые империалы немедля обратились в провизию и бочки розового шемского, после чего бешеного туранца признали «своим в доску» и пригласили в храм на церемонию.

— Пойдем со мной, — потребовал Ши, дергая Лорну за рукав.

— Это еще зачем?

— Госпожа Клелия явилась, — торжественно объявил воришка.



— Серьезно? — не поверила хозяйка «Норы». Знатной офирской графине, пусть и давней знакомой Аластора, как-то не к лицу шататься по небогатым шадизарским кварталам в поисках развлечений.

— Куда серьезнее, — закивал Ши. — Иди, встретить ее.

Воришка не соврал. У ворот таверны (так, между прочим, и не починенных) красовался нарядный паланкин, сопровождаемый четверкой сумрачных охранников. Из-за тисненых кожаных занавесок с любопытством выглядывала ослепительная блондинка — Клелия Кассиана дия Лаурин. Заметив Лорну и Ши, за которыми увязался еще с десяток зевак, она дружелюбно кивнула и осведомилась:

— Ничего, что я без приглашения? Я только загляну, поздравлю старого приятеля, наконец-то решившего поумнеть.

— А... Кхм... Да, конечно! — опомнилась тавернщица. — Рады вас видеть, госпожа Клелия! Входите, будьте как дома...

— Чрезвычайно счастливы, — подтвердил Ши, размахисто качнувшись и едва не выронив бутыль. Клелия, выбираясь из носилок, одарила его рассеяннo-приятельной улыбкой. В толпе изумленно присвистнули, кто-то громко предположил, что для увеселения почтенной публики явилась лучшая танцовщица с Ак-Сорельяны. Компания из «Норы», должно быть, сорвала изрядный куш, раз позволяет себе приглашать таких красоток. Лорна выразительно погрозила



болтунам кулаком — не подействовало — и подумала, что на благородную даму их простецкая вечеринка, должно быть, произведет угнетающее впечатление.

* * *

Если Клелия и поразилась, то виду не показывала. С интересом озиралась по сторонам, не отказалась от поднесенной ей кружки «Ночной грезы» и осведомилась, жива ли ее служанка, выклянчившая разрешение на целый день сбежать к новым друзьям. Бритунийка припомнила, что мельком видела Лию, сидевшую за столом молодоженов в обнимку с Хиссом, и честно ответила, что девица из Аргоса не скупает.

— Охотно верю, — грустно вздохнула Клелия. — Ваш город, дорогая Лорна, оказывает на людей странное влияние. Я привезла с собой трех девушек для мелких услуг, теперь они в один голос заявляют, что намерены остаться здесь. И охранники туда же: двое просто сбежали, четверо почтительнейше просят расчета.

Тавернщица сочувственно кивнула, но про себя захихикала.

Над задворками «Норы», превращенными в зад под открытым небом, разливался чистый девичий голосок — кажется, приятельницы Малыша, Диери. По столам еще не прыгали, однако выложенный дубовыми плашками низкий помост для танцев гулко содрогался под ударяющими в него каблуками и босыми пятками.



Утонченная Клелия Кассиана при виде этого зрелища удивленно распахнула глаза и пробормотала: «Однако...»

И непослушными губами
Я ловлю слепое пламя,
В руки оно не дается,
Меж пальцев бьется, исчезая.
Есть такое зелье,
Что потом вся жизнь — похмелье,
Кто его раз пригубит,
Губы себе навек погубит.
Станут губы огня просить,
Станут губы огонь ловить,
Обжигаясь сугубо —
А иного им пить не любо!
Мне бы скорбеть, что время тает,
А я за миражом плутаю,
За огоньком бродячим,
Что во тьме далекой маячит...*

— залихватски выводила Диери, поддерживаемая звоном струн виолы и грохотом кружек по столам.

— Эй, чуток потише! — гаркнула Лорна, когда песня закончилась. — У нас гости!

Общество приветствовало Клелию веселым ревом, от которого у офирки наверняка заложило уши. Ар-Гийяд, завидев высокую женщину в белых шелках, заклекотал и полез из-за стола, но зацепился лапами длинного одеяния.

* Перевод Т. Шельен.



Госпожа Клелия с достоинством направилась к почетному месту — украшенному колокольчиками и лентами навесу, под которым сидели виновники торжества, выглядевшие несколько отрешенными от творящегося вокруг действия. Аластор даже не сразу обратил внимание на подошедшую женщину, а, узнав ее, скорчил трагическую физиономию.

Феруза искренне улыбнулась и приподнялась, вставая.

— Нет-нет, — жестом остановила ее Клелия. — Это ваш праздник и ваш день. Альс, не уподобляйся гибнущей лани, я всего лишь пришла тебя поздравить. Не более того. Никаких старых долгов. Никаких нравоучений. Мы друзья, у каждого из нас своя дорога, и я желаю тебе и твоей подруге счастья на выбранном пути.

Она вдруг ничуть не аристократично шмыгнула носом и негромко добавила:

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь... Феруза, дитя мое, старайся всегда прощать этого бездельника. Пытайся совершить все и сразу, он слишком увлекается.

— Зато Клелия склонна к излишней драматизации, — объяснил вопросительно поднявшей бровь Ферузе Аластор.

— Да, чуть не забыла! — встрепенулась офирка. — Добрые пожелания, к сожалению, не повесишь на стену. Я принесла маленький подарок. Теперь это твое.

Охранник, беззвучной тенью сопровождавший госпожу графиню, протянул ей плоскую шкатул-



ку, обтянутую жемчужного цвета шелком. На крышке поблескивала серебряная веточка лавра.

— Открывай, открывай, — поощрительно кивнула Клелия туранке, нерешительно принявшей шкатулку.

Заинтригованная Лорна и сидевшие поблизости постояльцы «Норы» невольно подались ближе — взглянуть на подарок.

Феруза подняла крышку. Глянула внутрь, внезапно побледнела и, умоляюще глядя на Клелию, пробормотала:

— Я не могу... Это слишком дорогая вещь...

— Да что там такое? — не выдержал Аластор и рывком открыл загадочную шкатулку.

Тавернщица, считавшая, что ее невозможно чем-то удивить, почувствовала себя вытащенной на берег рыбой, беспомощно разевающей рот. Рядом с ней кто-то охнул и задумчиво выругался.

На синем бархате лежало ожерелье. Маленькое, изящное, напоминавшее обращенную в камень горсть капель росы, переливавшееся всеми оттенками голубого, бирюзового и лазурного цветов. Лорна в жизни не видела подобной красоты и не представляла, что мастерство человека может создать подобный шедевр.

— Это твое, — повторила госпожа Клелия.

Аластор почему-то фыркнул и быстро отвернулся.

— А где армия? — чуть севшим голосом осведомилась Кэрли.

— Какая армия? — не поняла офирка.



— Прилагающаяся к этой побрякушке, — Кэрли ткнула пальцем в сияющее ожерелье. — Чтобы пройти в эдаком по городу, понадобится маленькая армия — отгонять желающих его утащить или просто взглянуть.

— Как-нибудь обойдемся своими силами, — сдавленно пробормотал Аластор.

Его душил смех, но причина такого веселья для окружающих осталась неизвестной. Смуцавшуюся Ферузу уговорили надеть подаренную драгоценность и сошлись на том, что в подобном ожерелье любая женщина будет выглядеть красавицей, а Ферузу точно придется прятать от сторонних глаз.

Джай подпалил целый пучок хлопушек, с грохотом устремившихся к ночному небу и расчертивших его пестрым разноцветьем. Госпожа Клелия присела за край стола, да так и осталась сидеть — до нее добрался Джерхалиддин Ар-Гийяд, немедленно принявший что-то с жаром втолковывать офирке. Лорна рассеянно удивилась тому, что дикий туранец и госпожа графиня знакомы, и искала взглядом Малыша. Такого поблизости не обнаружилось, зато на тавернщицу налетел Райгарх и, не слушая слабых возражений, уволок к танцевальному помосту.

* * *

К третьему послеполуночному колоколу общество слегка утомилось. Кто завалился спать прямо под столами, парочки разбрелись по кро-



хотному саду, постояльцы «Норы» сидели в обеденном зале таверны, пили, пели и болтали. Новобрачные ушли в дом Ферузы, находившийся выше по склону холма, пообещав вернуться утром. Их проводили до середины пути, выкрикивая не совсем приличные наставления, и на прощание осыпали зернами пшеницы вкупе с мелкими монетами.

Никто не обратил внимания, что в таверну возвратилось на несколько человек меньше, чем ушло.

Один из замешкавшихся украдкой свернул в проулок, тянувшийся вдоль задворок «Уютной норы». Отойдя шагов на десять, человек остановился, тщетно вглядываясь в темноту и еле слышно насистывая. Ждать пришлось недолго — на другом конце переулочка что-то зашелоестело, подошло ближе, по-прежнему оставаясь неразличимым.

— Ты здесь? — раздраженно спросил ожидавший. — Вы со своими тайнами мне уже поперег горла встали. Решитесь вы наконец или нет?

— Что ты смог собрать? — прохладно спросил бестелесный голос.

— Я смог все устроить, — огрызнулся ждавший. — Значит, так. Корону и книгу ищите в комнатах на втором этаже. В дальнем углу камина под пеплом закопан флакон с зельем, который вы уже считали упущенным. Ключи таскает с собой Ши Шелам. Зеркальце лежит в комнате гадалки Ферузы. Она сама не знает, что ей попало в руки. Диск открыто висит над стойкой. Ос-



торожнее с туранцем — меч у него. Помните, вы мне обещали — никаких жертв! Подождите до рассвета, все успокоится и разойдутся. Начнете шуровать сейчас — вас непременно заметят. К тому же в нижнем зале полно народу.

— Мы всегда выполняем свои обещания, — с легкой укоризной заверил голос. Что-то глухо звякнуло — как пересыпавшиеся в кожаном мешке золотые монеты. Затем тихие шаги удалились. Второй собеседник остался стоять на месте, взвешивая мешочек в ладони и задумчиво хмурясь.

— Какого демона я это сделал? — вдруг отчетливо спросил он. — А, ладно! От этих штукovin больше вреда, чем пользы. Пусть забирают и подавятся. Нам-то они ни к чему. Продать такое невозможно, хранить — себе дороже...

Так, продолжая убеждать сам себя, он ощупью добрался до неприметной калитки, выведшей на задний двор таверны. Обычно Лорна запирала калитку за засов и замок, но сегодня она покачивалась распахнутой. Человек вошел, старательно прикрыл за собой дверцу и прислушался. В саду шептались, еле слышно посмеивались, скрипела облюбованная кем-то кушетка, шелестели неосторожно задетые листья.

— Бордель на лоне природы, — беззлобно проворчал человек, шагая по усыпанной светлым песком дорожке и едва не налетел на увлеченно обнимавшуюся парочку.

По счастью, влюбленных занимали только они сами. Одиноким любитель ночных прогулок



остался незамеченным. Понятившись, он юркнул в заросли акации, решая — поискать другой путь или обождать, вдруг парочке вздумается куда-нибудь перебраться?

И точно. Вскоре молодые люди, по-прежнему не в силах оторваться друг от друга, побрели в сторону таверны. Соглядатай хмыкнул им вслед, признав в долговязом юнце Малыша, а в его гибкой, ладной спутнице — Диери Эйтолу. Они поднялись по шаткой лестнице, лепившейся к заднему фасаду строения, и исчезли за дверью.

* * *

Дом Ферузы, доставшийся ей в наследство от покойных родителей, внешне напоминал лихо накренившуюся хижину под черепичной крышей. Не рассыпался по камешкам он только потому, что с двух сторон его подпирали такие же невзрачные строения. Одну из трех комнат туранка занавесила пыльными коврами, расставила по углам старинные жаровни и водрузила на стол пожелтевший череп с оскаленными зубами в окружении хрустальных шаров. Получилась настоящая «пещера колдуньи» — для впечатлительных клиентов, желающих воспользоваться услугами гадалки.

В двух остальных комнатах царил жизнеутверждающий кавардак. На продавленном диване валялись дорогие наряды, одолженные для свадьбы, поблескивало в темноте золотое шитье и граненые самоцветы.



Аластор и Феруза Кайлиени выяснили, что являются законными супругами чуть больше двенадцати колоколов, и решили, что такое важное событие необходимо отметить.

На развороченной кровати немедленно появились медный кувшин и огромное блюдо с фруктами. Феруза, так и не расставшаяся с подаренным ожерельем, сидела на ворохе подушек, задумчиво улыбалась собственным мыслям и рассеянно кивала Аластору, тщетно пытающемуся в чем-то убедить подругу.

— Женщина, ты совсем меня не слушаешь! — не выдержал Альс и повалился рядом с туранкой, едва не опрокинув блюдо.

— Внимаю с трепетом, господин и повелитель, — воркующим тоном заверила его Феруза. — Подвинься, виноград раздавишь. Да погоди целоваться! Мои уши открыты, и я отлично поняла: ты предлагаешь уехать. На Полуденное Побережье, в Шем или Аргос. В тебе внезапно пробудилась тяга к странствиям. Верно?

— Угу, — взломщик поймал рыжеватый локон туранки и намотал его на палец. — Разве ты не хочешь увидеть мир? Для таких, как мы, не имеет значения, в какой стране жить. Сегодня здесь, завтра там, послезавтра отправимся еще куда-нибудь. Золота у нас в избытке, в Мерано у меня есть неплохой домик и — ты будешь смеяться! — баронский титул.

Туранка и в самом деле фыркнула:

— За какие такие заслуги? За успешное ведение торговли поддельным жемчугом со Стигией?



— Я его купил, — признался Аластор. — Захотелось. Так поедешь? Собрать нам почти ничего, нужным барахлом обзаведемся по дороге, седмицы через две будем у Океана. Ручаюсь, тебе понравится.

— Наверное, — согласилась гадалка, в задумчивости теребя сверкающие камни ожерелья. — Я ведь никогда не уезжала из Шадизара. Мне страшно. И я не хочу оставлять друзей.

— Ты им не нянька, — напомнил взломщик. — Они взрослые люди, знающие, что почем на этом свете. Обходились ведь они без тебя до времен вашего знакомства?

— Обходились и обойдутся в будущем, — кивнула Феруза. — Просто мне... мне тревожно. Разве ты ничего не замечаешь и не чувствуешь? Смятение носится в воздухе, словно приближающаяся летняя гроза. Я же вижу — ты тоже беспокоишься, не понимая причин. По-моему, ты просто хочешь убежать от этой подступающей беды.

Аластор открыл рот, собираясь возразить, однако нахмурился и промолчал. Он раздумывал, искоса глядя в маленькое окно, за которым виднелись крыши и улицы квартала Нарикано, упрямо карабкающиеся вверх по склону холма. Приближался рассвет, небо над городом светлело, наливаясь блеклым розоватым цветом.

— Я что-то не так сказала? — встревожилась девушка.

— Ты сказала именно ту вещь, на которую я старался закрывать глаза, — медленно отозвался



взломщик. — Не далее, как пару дней назад такое же соображение мне пытался втолковать Ши. Слишком много людей, которым тут не место. Слишком много драгоценных вещей, вдобавок обладающих магическими свойствами. Слишком шумной и азартной стала наша жизнь. Это не к добру. Сегодня же с утра я заставляю наше маленькое сообщество это понять. Путешествие откладывается, в этом ты права. Сперва разберемся, что творится в нашем родном городке.

— С утра не получится, — скорбным голосом промолвила Феруза. — Тебя не услышат, ибо никто не проснется. Разве что ближе к вечеру.

— Да, пожалуй, — сообразил взломщик и тут его осенило: — Слушай, ты не пробовала спрашивать у тарока, в чем может крыться причина подобного беспокойства? Что нас вообще ждет? Хотя бы в ближайшие дни или луны?

— Не-ет, — растерянно протянула туранка, явно раздосадованная тем, что столь простая мысль не пришла ей в голову первой. — Но сейчас попробую!

Она спрыгнула с кровати и убежала в соседнюю комнату, откуда раздался шелест перетряхиваемых одежек и сердитое ворчание: «Куда я его задевала?».

Вернувшись, туранка привычными движениями смешала толстую пачку пергаментных листочков, осведомившись:

— Твой вопрос?

— Как будет чувствовать себя Компания нынешним вечером? — поинтересовался Аальс и по-



яснил: — Хочу знать, можно ли будет говорить с ними о чем-то серьезном. Я потом еще кое-что спрошу, можно?

— Посмотрим, — с этими словами Феруза стремительно раскидала колоду по одеялу, выложив пятеричный крест.

Потускневшие от старости золотые драконы косились на людей многозначительными узкими глазами, словно владели всеми тайнами мира и отнюдь не торопились разбалтывать их первому встречному.

Аластору эти нарисованные создания казались очень коварными. В душе он побаивался, что дар предсказания однажды сыграет с туранкой плохую шутку. Но нельзя же отнимать у нее колоду и запрещать гадать!

Девушка тряхнула головой, убирая мешавшие волосы, и начала одну за другой переворачивать карты. По мере того, как открывались новые символы тарока, пальцы гадалки внезапно начали мелко вздрагивать, а лицо приобрело странное выражение — среднее между донельзя испуганным и обескураженным.

— Наверное, я ошиблась, — пробормотала она и подняла руку, чтобы смахнуть карты на пол. Аластор удержал ее и взглянул на получившийся расклад. Он мало что понимал в гадании, но кое-какие знаки были известны всем. Двухликая человеческая фигура, три изображения танцующего скелета с петлей в руке и лежавший в середине черный прямоугольник без всяких рисунков.



— Обман — Смерть — Конец всех путей, — сухим, заledenевшим голосом произнесла гадалка свое толкование.

— Ты хочешь сказать, что... — Альс не договорил. Ферузу словно подбросило, она заметалась по комнатам, лихорадочно натягивая платье и разыскивая завалившиеся под кровать туфли.

— Идем! — прокричала она, устремляясь к двери.

— Куда? — опешил взломщик.

— В «Нору»! Я должна убедиться, что там ничего не случилось! Пойдем! Да скорее же!

Она нетерпеливо барабанила каблучками по полу, дожидаясь, пока Аластор соберет свои вещи и присоединится к ней. Парочка вихрем промчалась по Обманному переулку, напугав раннего торговца овощами, толкавшего в гору скрипучую тележку.

Вбежав в лишенную ворот арку таверны, Аластор и Феруза, не сговариваясь, остановились и встревожено переглянулись. Двор ничуть не изменился, но из дома долетал низкий, ликующий рев, могущий принадлежать только Джерхалиддину Раввани Ар-Гийяду, сцепившемуся с каким-то «паршивым шакалом». Убедительным подтверждением звучал треск сокрушаемой мебели и мерцающие в окнах багряные вспышки.

— Постой здесь, — взломщик подтолкнул Ферузу к выходу на улицу. — Может, это всего-навсего итог очередного дурацкого розыгрыша Хиса или Ши. Я гляну, чем они развлекаются, и сразу обратно.



Он побежал через двор, проклиная неведомых шутников, испортивших так хорошо начинавшийся день, безумного туранца, напроочь лишенного чувства юмора, и обращаясь неведомо к кому с просьбой — пусть выяснится, что Феруза действительно ошиблась в своих предсказаниях. Обманулась первый и последний раз в жизни.

Аластор рывком распахнул дверь и невольно сглотнул, увидев разгромленный обеденный зал, посредине которого безостановочно кружился, подбадривая себя азартными выкриками, достопочтенный Ар-Гийяд, осаждаемый по меньшей мере тремя противниками. Ятаган кочевника переливался ослепительным бело-голубоватым светом, выписывая в наполненном дымом разгорающегося пожара воздухе замысловатые кривые. Первый же, решивший к нему приблизиться, лишился не только оружия, но и отрубленной без всякого усилия кисти.

«Я сплю, — обреченно подумал взломщик. — Это мне снится. Феруза, пожалуйста, разбуди меня, я вижу кошмары!»

— Берегись! — надрывно прокричали с галереи. — Сзади!

По давней шадизарской традиции — не выходить из дома без оружия — взломщик захватил с собой стилет, и теперь длинное тонкое лезвие улетело за спину, поразив неведомого врага. Альтс сделал шаг в сторону и зацепился носком сапога о какой-то длинный предмет.

Опустив взгляд, он увидел человеческую руку и ее неподвижного обладателя. Вышибала



«Норы» Райгарх лежал, ткнувшись лицом в пол, и под ним неспешно растекалась темная, густая лужа. Чуть в отдалении валялся тяжелый клинок асира.

* * *

— ...Ты веришь этому продажному типу, наводчику?

— Не вижу причин не верить ему. До сих пор он ни разу нас не подвел. Мы слишком хорошо платим... и очень немилостивы к должникам.

— Я знаю, но не могу поверить своим глазам, Совершенный. То, что хранится в этом кабаке, дороже всего нашего занюханного городишки... а у них нет даже ворот! Клянусь Всемирной...

— Молчи! Не смей поминать Имя всуе, ты... нижайший. Хватит болтовни! Смотри, братья уже справились с собаками. Вперед! Делай, что должен.

Две собаки, обыкновенно исправно несшие сторожевую службу во дворе трактира «Нора», не успели издать ни единого звука. Смазанные ядом тонкие стрелки, вылетев из духовых трубок, сделали свое дело мгновенно и беззвучно. Во двор скользнули еле видимые в предутренних сумерках тени — две, три... пять...

Под навесом на заботливо подстеленных Лорной циновках безмятежно храпели, укрывшись кошмами и попонами, те, для кого выпитое накануне оказалось чрезмерным. Двое серых призраков, словно соткавшись из рассветного ледя-



ного тумана, заработали короткими дубинками и спустя короткое время растворились без следа. Под навесом осталась груда бесчувственных и недвижимых тел — ни одного труна, но пробудится каждый из гуляк не менее чем через колокол и с жуткой головной болью.

Кто бы ни вознамерился наложить лапу на сундуки обитателей «Норы», дело свое они знали туго.

— Ты, ты и вы двое — наверх, — прозвучала негромкая команда того, кого один из ночной братии назвал Совершенным. — Помните, убивать только в крайнем случае.

Учащенно бьющееся сердце едва успело бы сократиться два десятка раз, когда распахнулась без скрипа дверь, ведущая в крайнюю слева комнату. Двое в одинаковой темной одежде, не стесняющей движений, и скрывающих лица черных масках, проскользнули внутрь. Хозяину комнаты, чей темноволосый затылок виднелся над краем одеяла, хватило одного точного удара тяжелой дубинки. Один из грабителей, откинув крышку небольшого сундучка в углу, испустил еле слышный ликующий вопль и высоко поднял над головой нечто похожее на связку длинных, переливающихся яркими огнями ключей.

Другие двое трудились над замком двери крайней справа комнаты. То ли замок попался посложней, то ли взломщик менее опытный, но дело у них отчего-то застопорилось.

— Эй, там! — раздраженно прошипел снизу главарь. — Чего застряли?



— Сейчас! — пробормотал грабитель, и тут створка с тихим скрипом отошла в сторону. Раздался громкий, удивительно мелодичный звон, похожий на удар маленького гонга, и из крошечной каморки хлынул ярчайший поток голубоватого света. В этом сиянии оторопевшие взломщики увидели высокую черную фигуру, застывшую в боевой стойке «будокан» и сжимающую в руках вроде бы солнечный луч.

Ар-Гийяд хищно улыбнулся и сказал грабителю, что стоял поближе:

— Умри, презренный.

Второй грабитель, отскочив, насколько позволяла ширина балкончика, выхватил короткий меч, висевший в ножнах у него за спиной. Он был гораздо опытнее в мечном бою, чем его напарник. Ему удалось прожить дольше на целых три удара сердца.

...Малыш проснулся от жуткого вопля снаружи. Крик — истошный, дрожащий, непонятно даже, мужской или женский — тут же оборвался коротким бульканьем, однозначно свидетельствующем о перерезанном горле. Диери, тоже пробудившаяся, села в постели — глаза от страха в поллица, однако достало выдержки не завизжать — а Конан, бормоча невнятные слова на своем наречии, мигом выкатился из-под одеяла, одной рукой напаривая меч, другой рубаху и прыгая на одной ноге, чтобы попасть в штанину. Сердце у юного варвара отчаянно колотилось. Когда так кричат в мрачный предрассветный час, именуемый иногда «собачьей вахтой», и когда крики



мешаются со звоном клинков, а под дверь сочится тоненькая пока, но явственная струйка горького серого дыма... Картины форта Венариум живо встали в памяти киммерийца.

— Одевайся! — хорошо хоть Диери, даром что напугана до полусмерти, поняла все с полувзгляда. Малыш пнул дверь и вылетел, зачем-то пригибаясь и стискивая в ладони рукоять старого меча, наружу.

Снаружи творился сущий кошмар.

Двери в комнаты наверху стояли нараспашку, притом некоторые, похоже, выбивали ногами, и они висели на одной петле. Из комнаты Аластора тянулся шлейф наспех вывороченной из сундука одежды. У входа в апартаменты туранца валялся обезглавленный труп, еще один, рассеченный от ключиц до пупка, свисал через перила. О третий, столь же живописно разделанный, Малыш запнулся, бросившись к лестнице. Все трое носили одинаковые темно-бесформенные одеяния, а лицо последнего скрывала черная матерчатая маска. «Грабят, нас грабят!» — мелькнула запоздалая догадка.

Снизу валил серый, на глазах чернеющий дым и пробивались уже первые оранжевые языки пламени — видимо, кто-то в пылу боя опрокинул светильник. Оттуда доносился лязг стали о сталь, самое малое, шести или семи клинков. Радостно ревел Ар-Гийяд. На середине лестницы Конан остановился, увидав воочию дивное зрелище: неистовый степняк, выставив перед собой сверкающую полосу меча, крутился посреди об-



ломков искрошенной мебели. Нападающие, числом пятеро, приближаться к нему боялись, с приличного расстояния угрожая туранцу короткими узкими мечами.

Раздался новый крик — на сей раз Малыш узнал Лорну:

— Райгарх! Райга-а...

Еще один человек стоял у самой двери, не принимая участия в схватке и наблюдая за ней вроде бы совершенно отстраненно. Этот был без маски, однако Конан никак не мог разглядеть черты его лица — дым, что ли, мешал, становясь все гуще и гуще? Лицо этого последнего казалось пустым белесым пятном.

Человек, выглянув наружу, неслышно отдал какое-то приказание. Пятеро, что окружали туранца, отступили, вжались в стены, а со двора в густеющие дымные клубы влетело трое и с ходу кинулись на Ар-Гийяда.

Конан, готовый броситься на помощь туранскому воителю, на миг остолбенел, глядя, как в разгромленном обеденном зале «Норы» вскипает неуловимая глазом бешеная пляска стали. Затем он увидел, как Ар-Гийяд, покрытый кровью из десятка ран, медленно оседает. С невероятным изумлением степняк взирал на свой драгоценный Серый Вихрь, разом утративший сияние и обратившийся в обычный ятаган из узорчатого туранского булата. Вокруг туранца громоздились три бездыханных тела.

— Рубить, — неуверенно пробормотал Ар-Гийяд. В дверях возник вдруг изумленно озира-



шийся Аластор, и Безликий за его спиной потащил из рукава кинжал.

— Берегись! — заорал Малыш. — Сзади! — и, заноса скверно заточенный меч, бросился вниз по лестнице.

Прежде чем что-то тяжелое и твердое ударило его в висок, вышибая сознание, он увидел — или ему показалось?! — как три изрубленных тела начинают шевелиться...

* * *

Аластор перепрыгнул через распластанное тело асира, вжался спиной в угол, кашляя от едкого дыма, угрожая противникам нелепым против мечей узким стилетом. Двое встали против него, сторожко поводя клинками, но нападать не спешили. Таверна горела. Пламя уже гудело вовсю, и грабители торопились.

— Все ли вещи у нас? — разгибаясь и брезгливо отирая руки, крикнул низким голосом тот, которого Аластор ткнул кинжалом. «Я же его убил, — пронеслось в голове у Альса. — Или нет?!»

— Нет Книги! — ответили сверху. И тут же возглас снаружи:

— Книга здесь! Девчонка пыталась ее украсть. Все у нас, Совер...

— Уходим! — резко оборвал главарь и повернулся было к выходу, но тут какой-то человек накинулся на него, схватил за грудки и принял-ся тряссти, давась истерическим вопросом:



— Почему?! Почему... вы же обещали, что никого не убьете, вы же мне обещали... Что ты сделал? Что я сделал...

— Джай?! — потрясенно выкрикнул Аластор. Джай вдруг схватился за живот, повалился на порог и, скорчившись, затих. Убийца не спеша убрал кинжал в рукав.

— Перед лицом смерти обещания не имеют значения, — ровным голосом сказал он, мельком взглянул на Аластора и вышел. Спустя несколько мгновений его подручные испарились вслед за главарем.

Ши Шелама Аластор вытащил из его комнаты, уже полной удушливого дыма. Лорна валялась за стойкой. Бритунийка была жива, но тяжело ранена — плечо рассечено ударом меча, ожоги и глубокая ссадина на лбу. Малыш оклемался сам. Он помог вынести из горящего здания тела туранца и асира, после чего в таверне рухнула крыша.

Диери Эйтола прибежала, уже когда на месте происшествия стали собираться люди.

В общей суматохе ей удалось благополучно улизнуть, спрыгнув из окна на крышу маленькой пристройки, где держали скот, и пробравшись через соседние огороды. Она привела с собой Хисса, который не ночевал в «Норе», проведя ночь в доме Лиа.

Узнав о случившемся, Хисс едва не впал в буйное помешательство.

Кэрли отравленная стрелка настигла посреди двора, прервав ее бег к спасительной улице.



Хисс отнес приятельницу под навес, где уже лежали три тела, и никого не подпускал.

Ферузу Аластор нашел в трех шагах от бывших ворот. Туранка лежала, вытянувшись на шершавых булыжниках мостовой, лицо ее было спокойно, глаза открыты. Гадалка умерла мгновенно: арбалетная стрела пробила ей сердце.

* * *

Таверна сгорела быстро — на месте аккуратного двухэтажного дома из желтовато-оранжевого песчаника остались только закопченные стены да рухнувшие обугленные балки.

Ши, с чрезвычайно озабоченным видом шаривший в развалинах, наткнулся на жестяную вывеску «Норы» — облупившуюся и пошедшую пузырями.

Кроме вывески, он извлек из тайников кое-какие запасы, отложенные на черный день — их прятали в саду, тоже опаленном, но пострадавшем меньше здания. Под руку Ши попался также валявшийся подле бывшего входа в таверну кожаный мешочек, под завязку наполненный золотыми ауреями Немедии, и принадлежавший невесте кому.

О последнюю мрачную находку он едва не споткнулся. Круглый предмет, обгорелый, потрескавшийся и вонявший жженным мясом, лежал за стойкой. Ши осторожно толкнул его, запоздало узнав Пушка. Поколебавшись, воришка подобрал дарфарскую диковину, спекшуюся в



собственном панцире, и закопал под кустом шиповника.

Деньги исчерпались к вечеру. Кое-что пожертвовали соседи, кое-что принесли девушки — Лиа и Диери. Золото ушло на устройство похорон и покупку двух выносливых коней бритунийской породы — для уезжавшей Лорны.

— Я здесь больше не останусь, — сухо заявила бывшая хозяйка таверны, не слушая убеждений обождать хоть седмицу. Как можно отправляться в далекий путь с незажившими ранами и плохо действующей рукой?

Лорна пропустила дружеские уговоры мимо ушей. Она исполнила свой долг — позаботилась о том, чтобы Райгарха погребли согласно асирским традициям, предав тело огню — и не собиралась задерживаться в Шадизаре. Бритунийка возвращалась на родину — на Полночь, в Чарнину. За три прошедших дня она как-то постарела, осунулась и почти ни с кем не разговаривала. Впрочем, какие тут могли быть разговоры?

Пепелище изволили посетить представители власти. Явился лично Рекифес с десятком стражников. Говорить с дознавателем пришлось Хиссу, но беседа оказалась краткой. Да, праздновали свадьбу. Да, утром на таверну напали какие-то люди и перебили почти всех постояльцев. Трупов нападавших не сохранилось — сгорели. Кто? Не знаем, лиц не видели. Причина? Демон их знает, зачем им понадобилось громить «Нору». Нет, в таверне не хранилось ничего особенного или из ряда вон выходящего... Месть? Кому и за



что? Обитавшая в «Норе» шайка слишком мало значила в потаенной городской жизни и ни с кем не враждовала.

Ничего толком не разузнав и для очистки совести облазав дымящиеся руины, Рекифес удалился, сквозь зубы пробормотав пару соболезнований. Дознавателю случившееся показалось самым обыкновенным сведением счетов, только почему-то осуществленным с непривычной жестокостью. Кому-то до смерти надоела Компания из Обманного переулка, вот он и решил от нее избавиться, выбрав на редкость удачный момент. Возможно, пытались известить только одного человека — взломщика Кайлиени, потерявшего всякий интерес к жизни.

Дознаватель мельком видел Аластора: тот сидел подле завернутого в белый холст тела своей подруги Ферузы, половину солнечного оборота пробывшей законной супругой Кайлиени, безучастно глядел себе под ноги и монотонно насвистывал. Рекифес поколебался и не решился с ним заговорить.

Ар-Гийяда, Кэрли, Джая и Ферузу похоронили на Кладбище-под-Платанами. Вместе с туранкой по настоянию Аластора положили алмазное ожерелье. Ши робко заикнулся о том, что через луну-другую у кого-нибудь обязательно зачесутся руки покопаться в могиле в поисках драгоценности. В ответ он нарвался на столь мрачный взгляд, что у воришки наступил внезапный приступ немоты и возникло твердое убеждение — любой, покусившийся на место успокоения



Ферузы Кайлиени, горько пожалеет о неучтивости к покойникам.

— А жить нам, между прочим, негде, — оповестил приятелей впавший в тоскливое настроение Ши. После церемонии похорон они забрели в «Пещеру демона», хозяин коей, зная о постигшей Компанию беде, согласился отпустить вино и немудреную закуску в долг. Сидели втроем — Малыш, Хисс и Ши. Аластор куда-то ушел, бросив, что вернется через полколокола и чтобы его обязательно дождались. — И не на что. Золота осталось с кошkin хвост. Если завтра не добудем хоть десятка серебряшек...

— Добудем, — мрачно оборвал причитания Ши Конан. За минувшие дни мальчик-варвар тоже изрядно переменился. Не то, чтобы повзрослел, но стал серьезнее и решительнее. — Жить... Нас согласна пустить к себе Диери. Только через седмицу ее выставят на улицу — за дом-то платила не она, а ее покровитель, ныне покойный.

— Еще забота, — вздохнул Ши. — Не бросать же ее? Хисс, что скажешь?

Рыжий мошенник закашлялся и чуть смущенно выговорил:

— За меня не беспокойтесь. Я... В общем, я перебираюсь к госпоже Клеии. Хотите со мной? Крыша над головой и деньги в карманах обеспечены.

— Мальчиками на побегушках? — покачал головой Малыш. — Понимаю, тебя Лиа убедила. Только нам под крылышком у ее милости делать нечего.



Ши придерживался несколько иного мнения, но спорить не отважился.

— Если я что-то могу... — начал Хисс и не договорил, безнадежно махнув рукой и потянувшись за очередным кувшином.

Стукнули шаги — в таверне объявился шлявшийся неведомо где Аластор. Не говоря ни слова, бросил на изрезанную ножами столешницу два многозначительно брякнувших мешка из овечьей шкуры.

— Это ваше, — пояснил взломщик, не присаживаясь и избегая встречаться взглядом с приятелями. — Берите, пригодится.

— Мы тут прикидывали, как жить дальше... — заикнулся Ши.

— Живите теперь, как хотите и как сможете, — равнодушно ответил Аластор. — Меня это не касается.

— В каком смысле — «не касается»? — встревожился Хисс.

— В прямом. Я ухожу. Уезжаю. Сегодня, — взломщик ронял слова, как истертые монетки, со стуком падавшие на пол.

— А мы? — ошарашено вытаращился Ши. — Ты хочешь нас бросить?

— Вы не маленькие дети, — огрызнулся Аластор. — Ничего, справитесь.

Ши и Хисс заговорили одновременно, перебивая друг друга, доказывая, что поспешный отъезд ничего не изменит, ибо невозможно убежать от памяти и от самого себя, что любой иной город ничем не лучше Шадизара, что просто бессо-



вестно, в конце концов — оставлять друзей в такой тяжелой ситуации!..

— Пусть он идет, — неожиданно для всех проговорил молчавший до того Конан. Его так и не исчезнувший гортанный акцент прозвучал сейчас особенно заметно. — Если он решил уйти, то вы его не уговорите.

Аластор какое-то мгновение пристально смотрел на Малыша — подросток-варвар внутренне поежился, но выдержал, хотя у него возникло противное ощущение падения в бездонную темную пропасть, — повернулся и, не говоря ни слова, вышел за дверь. Та беззвучно захлопнулась за взломщиком, словно обложка пролистанной до конца книги или крышка закрываемого гроба.





Эпилог

Перекресток



Внежно-белая терраса, зависшая над высоким каменистым обрывом. Внизу до самого горизонта расстилается Океан — вечный, неизменный, ритмично накатывающийся волнами прибоя на узкую полосу берега, усыпанную пестрой галькой и ракушками.

Идеально круглую террасу обегает колонны — розоватый мрамор, в глубинах которого, если приглядеться, мелькают крохотные огоньки.

Колонны соединены в огромное кольцо фризом, по нему рассыпаны золотые звездочки. К террасе ведут выложенные разноцветными плитами дорожки, сходящиеся у порога в семицветье радуги.

В центре террасы — тяжеловесный овальный стол. Поблескивает мозаика, изображающая дикий хорост растений, животных и птиц, где голубка мирно соседствует с раздувшей ка-



пюшон коброй, а меж оливковых ветвей гоняются друг за другом пронзливый ласка и вальяжная кошка...

Это — Перекресток. Он не принадлежит никому. Это — место встреч и одиноких размышлений, заключений договоров и рассмотрений тяжб, судебный зал и пиршественная палата, где запрещено пускать в ход сталь и магию, нарушая тем извечную гармонию Перекрестка, плывущего по волнам Вечности, подобно упавшему в ручей лепестку.

Мозаика вспыхивает призрачно-золотистым огнем. Террасу наполняет мелодичный перезвон далеких колокольчиков, извещающих о том, что на Перекресток пожаловал гость. Да не один — человеческие фигуры одна за другой возникают на всех дорожках, оглядываются, перекликаются и решительно устремляются к распахнутой небу и Океану террасе. Они входят, приветствуемые трепетной мелодией, и в соответствии с числом визитеров вокруг стола один за другим начинают возникать кресла.

Неизменным всегда пребывает только седалище главы собрания — золотой трон с подлокотниками в виде лошадиных голов и спинкой, украшенной изображением солнечного диска. Остальные добавляются по мере надобности. Сегодня их шесть, ибо один из пришедших не занимает места за столом. Он садится на пороге, равнодушно созерцая далекий горизонт и непрерывно вертя в руках браслет из черных агатовых бусин.



Жители Шадизара без малейшего колебания признают в одиночке взломщика Аластора Кайлиени. Единственное отличие — здесь, на Перекрестке, Аластор носит небрежно наброшенный на одно плечо плащ серо-серебристого цвета, и в его черных кудрях мерцает тонкий золотой обруч с прозрачно-холодной каплей посередине.

Горожане узнали бы и прочих гостей. Надменный зингарец в черном и алом, с глазами готовой атаковать змеи — Кебрадо, граф Ларгоньо. Закутанный в потрепанный плащ и скрывающий лицо под слоями пожелтевшей ткани Леук. Стройная рыжеволосая женщина, еле сдерживающая гнев — Кэто Сувейба. Хмурый туранский кочевник — Джерхалиддин Раввани Аргийад. Месьор Эпиналь, старик с желчным выражением лица и странно изогнувшейся спиной. Величественная блондинка Клелия Кассиана дия Лаурин, старательно прячущая тревогу.

Единственный, кто не появлялся на пыльных улицах Шадизара в нынешнее суматошное лето — предводитель столь необычного сообщества, крупный светловолосый мужчина лет сорока, с необычно яркими голубыми глазами, сейчас выглядящий чуть недоумевающим, однако до кончиков ногтей уверенным в себе и в том, что и на сей раз ему удастся принять верное решение. А это ой как нелегко, учитывая темперамент собравшихся и их застарелую неприязнь друг к другу....

Сидевший во главе стола человек еще раз оглядел своих не склонных к миролюбию и разум-



ных поступкам собратьев и заговорил. Голос его напоминал гулкие раскаты бронзового гонга, устанавливаемого на вершинах больших митрианских храмов:

— Рад снова видеть вас здесь, на Перекрестке Всех Дорог. Каждый из вас в свое время обратился ко мне, изъявив желание провести общую встречу, дабы высказать обвинения одному из нашего круга. Сегодня такая возможность вам предоставлена. Пропу, однако же, не забывать о правилах приличия и о том, что наша цель — установить истину. Кто желает первым поднять свой голос? Досточтимый Кебрадо?

— Это переходит всяческие границы! — загремел благородный дон, у которого не хватило терпения выждать до конца чинной речи главы собрания. — Аммарт, с меня довольно! Или этот мерзавец получит по заслугам, или — уж не гневайся! — я разберусь с ним сам! Он обокрал всех нас — и это полбеда! Признаю, я сам предпринимал шаги, считающиеся не слишком-то достойными. Но прибегнуть к такой низости! К такой подлости! Прервать мое существование и вдобавок, каким способом!

— Каким же? — уточнил несколько удивленный подобной горячностью предводитель, носивший имя — или, скорее, прозвище — Аммарт, «Справедливый».

— Он устроил так, что я стал жертвой для моего высокого покровителя! — срывающимся голосом выкрикнул Кебрадо. — Жертвой! Меня — принести в жертву!



Клелия еле слышно фыркнула, прикрыв рот ладонью.

— Нечему смеяться, достопочтеннейшая Клелия! — зингарец уловил ее смешок. — Полагаешь, это чрезвычайно приятно?

— Полагаю, что нет, — любезно откликнулась Клелия. — Как отнестся к столь необычному блюду покровитель? У него, случаем, не стряслось расслабления желудка или еще какой напасти?

— Аммарт! — взвыл уязвленный до глубины души Кебрадо.

— Клелия, уймись, — попросил глава собрания. — Прибереги свои шпильки для иного случая. Кебрадо, ты желаешь еще что-то добавить?

— Он стянул Корону, — устало произнес зингарец. — Пусть не отнекивается — я сам видел ее у него в руках.

— Аластор? — воззвал предводитель. — Тебе есть что сказать в оправдание или объяснить свои поступки?

Ответом послужило молчание и легкое потрескивание стукающихся агатовых шариков.

— Он украл мой флакон, причем украл дважды! — завизжала разъяренная Кэто, не дожидаясь разрешения говорить. — По его милости я... я... я облысела и попала чешуей! Я была вынуждена отсиживаться в каком-то захудалом борделе! Аммарт, очень прошу — сотри этот паршивый городишко с лица земли! Никто не заметит, а нам только спасибо скажут!

— Жаль, что я этого не видел, — пробормотал Кебрадо, на коего весть о неприятностях давней



знакомой подействовала, словно глоток холодной воды в жару.

— Он осквернил благословенное место и возвел на меня обвинение в краже священного символа! — несмазанным колесом закрипел Эпиналь, в силу таинственных причин по-прежнему не могущий разогнуться. — Я — и похищение чужой собственности! Должно быть, мы лишились разума, когда допустили этого проходимца в наше общество! По его милости меня прикончила толпа калек! Калек, заметьте! Горбатых, сухоногих, вонючих, омерзительных нищевродов!

— О, как тебе идет мученический венец! — закатив глаза, пропела мигом развеселившаяся Кэто. — Где же твое милосердие и сострадание к слабым мира сего? Они, должно быть, били тебя клюками и деревянными ногами? А ты героически сопротивлялся, укусив престарелую тетушку за тощую задницу?

Кебрадо тщетно делал вид, что на него напал внезапный приступ кашля. Госпожа Клелия, хоть и пыталась состроить сочувственную мину, тоже хихикнула.

— Недостойно смеяться над бедой ближнего своего! — Аммарт сдвинул брови. Общество мигом затихло. Эпиналь мстительно добавил: — Он стянул Золотой Диск и отнес своей шлюшке, Кэто, дабы излечить ту от парши!

— Так Кэто теперь верная последовательница митрианцев? — похлопала в ладоши Клелия. — Как это мило! Дорогая, свое новое заведение ты собираешься открыть поблизости от какого-ни-



будь храма? Или монахам отныне предоставят бесплатное обслуживание?

— Клелия, — ледяным тоном произнес Ам-март. — Еще одна подобная шутка, и я попрошу тебя удалиться. Аластор?

Опять молчание.

— Почтенный Ар-Гийяд, в чем состоит твоя жалоба? — как можно вежливее осведомился глава собрания, зная болезненное самолюбие ту-ранца. Если выяснится, что его тоже обокрали — не миновать большого скандала...

— Рубить! — откликнулся кочевник и запоздало сообразил, где находится. — Нет, не рубить. Говорить. Кебрадо, Эпиналь, Кэто — они твердят, мол, Обманщик их обокрал. Ар-Гийяд тоже так думал, когда пропал Серый Вихрь, а похититель не оставил следов. Тогда я отправился в это гнездилище пороков, Шадизар, нашел Ажеца и спросил — где меч? Тот долго изворачивался, клялся, что никакого меча в глаза не видел, но я не поверил — кто же верит клятвам вора?

— И что же? — Клелия невольно подалась вперед.

— Друзья Обманщика нашли мою потерю, — с некоторой торжественностью сообщил Ар-Гийяд. — Принесли мне. Тогда я подумал: может, настал день, когда Ажецу надоело изворачиваться? Может, он в самом деле не знает, что случилось и как Серый Вихрь попал в его край? Я хотел узнать это, но не успел. Меня убили. Убили не люди, но неведомые мне создания, которые



не страшились лезвия Серого Вихря и не ведали боли.

— Не страшились Вихря? — озадаченно переспросил Аммарт. — Почтеннейший, я ничего не путаю — твой меч вроде бы способен разрубить любую преграду и любую сталь, не говоря о хрупкой человеческой плоти?

— Истинно так, — с достоинством кивнул ту-ранец. — Любую, но не этих. Я не ведаю, что случилось дальше в том доме, где мы обитали. Знаю, что те паршивые шакалы забрали мой ятаган и много других сокровищ.

— Меня пожрал обитатель Пустоты, — прошепелестело из-под многочисленных тряпок Леука, охотника за тайнами, Ловца Загадок. — Это было чрезвычайно неприятно, однако моя кончина вызвана только моей собственной непредусмотрительностью. Я присоединяюсь к голосу досточтимого Ар-Гийяда — что-то здесь не так. Будучи в Шадизаре, я искал похищенную собственность моего господина, для чего прибег к помощи жителей этого города, знакомых Обманщика. Они разыскали пропажу, и я со всей ответственностью утверждаю, что Хитрец непричастен по крайней мере к исчезновению Книги.

— Я тоже присоединяюсь, — твердо заявила Клелия. — Леук прав — что-то не так. Поглядеть со стороны, и мы увидим вроде привычную картину: Аластор в своем стремлении оживить нашу жизнь, которую он считает тусклой и бесцветной, затеял новую заварушку. Похитил наши сокровища, при этом оставляя знаки, указы-



вающие на тех, кого мы полагаем своими заклятыми друзьями, после чего юркнул в любимое убежище и стал ждать — что получится?

— Почему же тогда он не скажет ни слова в свое оправдание? — чуть снисходительно осведомился глава собрания.

— Потому что... — Клелия нахмурилась и быстро зашевелила пальцами. Дабы не говорить о неприятной теме вслух, она обращалась напрямую к разуму Аммарт, кратко сообщив ему о бойне в неприметной шадизарской таверне, о девушке по имени Феруза ат'Джебеларик и причинах упрямого молчания Аластора. — Теперь он больше не хочет разговаривать. Ни со мной, ни с кем.

— Гм, — повисла долгая пауза. Аммарт раздумывал, остальные недоуменно переглядывались. Наконец предводитель изволил разомкнуть уста: — Это несколько меняет дело... Я выслушал ваши обвинения и речи тех, кто полагает Обманщика невиновным, а теперь извольте принять мое решение. Аластор, ты отправишься домой. Не в Замору — полагаю, тебе пока там делать нечего, и не в любую иную страну Заката и Восхода. Домой. Ты понял меня?

Взломщик нехотя поднял голову, погасший взгляд скользнул по говорившему, после чего Альс устало кивнул.

— И вы все оставите его в покое, — чуть пристукнул ладонью по столу Аммарт. — Далее. Тайна, подброшенная нам, нуждается в разгадке. Талисманы исчезли, что грозит нешуточной бе-



дой. К сожалению, четверо из вас не способны в ближайшие две-три луны вновь навестить Шадизар, дабы установить, что к чему. Кэто, полагаю, туда не вернется.

— И не проси, и не приказывай! — рыжеволосая красавица решительно замахала руками. — В эту зловонную дыру — ни за что в жизни!

— Остается Клелия, — Аммарт повернулся к офирской графине. — Милейшая госпожа, у нас нет иного выхода...

— Я попробую, — смиренно вздохнула Клелия Кассиана. — Не могу ничего обещать, но постараюсь сделать все, что в моих силах. Сокровища должны быть возвращены законным владельцам.

— Правильно, правильно, пусть дупечка Клелия съездит, — затряс лысоватой макушкой месьор Эпиналь. — Она справится.

Кебрадо, из принципа всегда возражавший Эпиналю, на сей раз изъявил свое полное согласие, небрежно кивнув:

— У Клелии полно друзей среди тамошнего... — он хотел сказать «сброда», но решил не портить отношений, — тамошних обитателей. Пусть она только разузнает, кто виноват в похищениях и тогда...

— Рубить! — кровожадно предложил Ар-Гийяд.

— Можно и рубить, — с легкой брезгливостью согласился зингарец. — Хотя есть много иных способов расправиться с тем, кто путается под ногами.



Он вопросительно глянул на главу собрания и поднялся из-за стола:

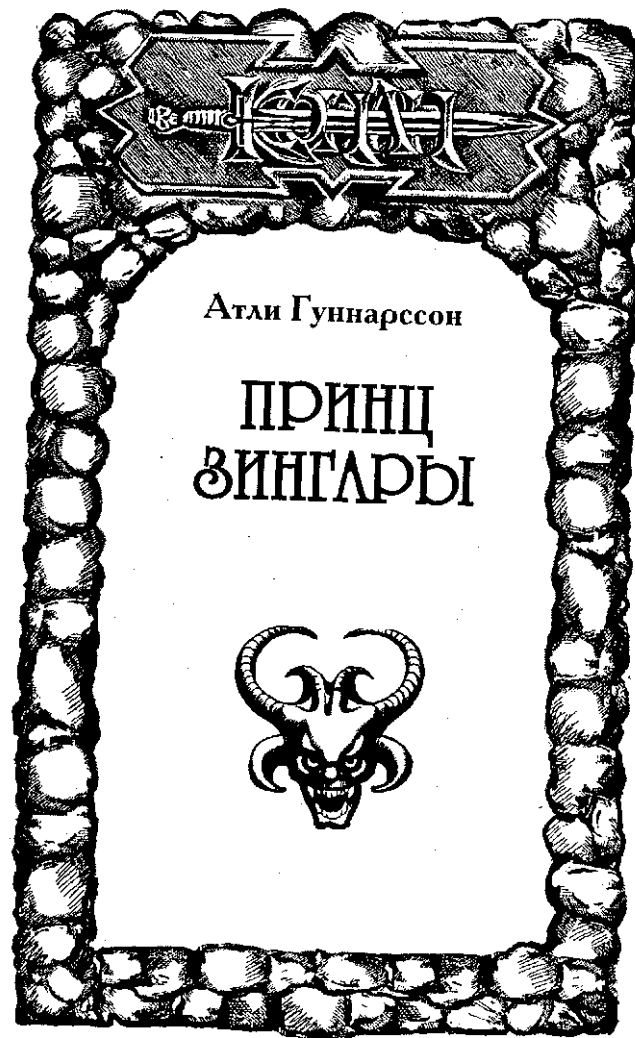
— Надо полагать, наша встреча завершена ко всеобщему удовлетворению? Тогда позволю себе откланяться. Дела, знаете ли...

Он спустился по трем мраморным ступенькам, уведя с собой надменно задравшую подбородок Кэто. Эпиналь, поворчав для порядка, неуклюже ковылял за ними, подволакивая пострадавшую в Обители Возвышенного Просветления ногу. Клелия удалилась вместе с Леуком и Ар-Гийядом. На ходу троица что-то горячо обсуждала — должно быть, надежнейшие способы скорейшего изловления злоумышленников.

Альс остался сидеть на прежнем месте. Ам-март тревожно посмотрел на него, озабоченно жуя губами, и, придя к какому-то решению, потрепал неподвижного взломщика за плечо:

— Вставай. Пойдем, расскажешь, что там у тебя стряслось. Пошли-пошли, нечего отворачиваться, гроза чужих сокровищниц. Или собрался просидеть тут всю оставшуюся Вечность?

Они уходят, вслед им летит гаснущий перезвон. Океан с грохотом ударяет в берег — начинается прилив.





СЫН КОРОЛЯ — ТОЖЕ КОРОЛЬ?

Вступительное слово от Олафа Локнита



Дорогие мои читатели и почитатели!
Уважаемые противники обычные и противники
идейные!

Сейчас, в августе 2001 года, я хочу доложить вам,
что старина Олаф резко меняет курс.

Что я имею ввиду? Объясню.

С середины лета этого года ваш покорнейший
слуга принял обоснованное решение отойти от пре-
жних стереотипов сложившихся вокруг меня, как ав-
тора Саги.

Что такое и кто такой Олаф Локнит в привыч-
ном понимании? Да, это автор более чем двух десят-
ков крутых романов о Конане, автор двух очень
больших эпопей «Полуночная гроза» и «Трон Дракона»,
автор «романа замкнутого круга», в котором посто-
янно наличествует преемственность сюжета и персо-
нажей, а заодно — ниспровергатель и попиратель
идей всеми нами любимого Роберта Говарда.

Нет, не думайте — я, как и всегда, продолжу раз-
венчивать классиков и перерабатывать их идеи, буду
думать над тем, как превратить Хайборию в поисти-



не живой и интересный, многоликий мир, не останавлиюсь перед «переписыванием» классических новелл Говарда и ближайших последователей отца-основателя, а так же перед едкой критикой последователей более поздних.

Более того — я собираюсь создать свое направление в Саге. Личное, частное, обособленное, индивидуальное и персональное.

Рассказать какое? Пожалуйста!

Но сначала почитайте небольшое вступление.

* * *

Мы все знаем, что мир Хайбории в последние годы получил еще два, вполне известных среди читателей, ответвления.

«Кулл» и «Рыжая Соня», само собой, не дотягивают по популярности до самого Конана, однако имеют полное право на жизнь и на своих поклонников. Этими двумя деятелями (или, если угодно, деятелем и деятельницей) я не занимаюсь — Бог им в помощь.

НО!

...А вот сейчас я приведу цитату из статьи одного из известных в Европе литературных критиков, специально занимающегося проблемами *fantasy*.

Вначале критик сетует на то, что талантливые и небанальные писатели питаются десятками книг своих серийные произведения «с продолжением» и не могут остановиться. Затем объясняет почему именно это происходит:

«Что же заставляет хорошего писателя лепить том за томом, тянуть цикл как жевательную резинку, вместо того, чтобы использовать идеи для чего-нибудь совершенно нового, вместо того, чтобы поработать над чем-то



*совершенно оригинальным, прекрасным и открывательским по идее, чтобы утереть нос всяческим критикам и недругам *fantasy*, записным пародистам и пересмешникам данного жанра? И мне кажется, что я знаю ответ. Авторы влюбляются в своих героев и им очень трудно с ними расстаться. Даже чувствуя, что выработали протагонистов до сухого, они клепают тома про их детей (Железные, Пирс Энтони, чувствую, что не выдержит и Эддингес)...*

...Авторы влюбляются в свои «миры» и карты...

...И последнее. Авторы — страшные лентяи, им не хочется думать. Они ужасно ограничены, и хоть ты лопни, уже не выдают из себя ничего оригинального. Поэтому-то им и приходится прокручивать заезженную схему. А прежде всего — авторы, это расчетливые бестии, и главное для них — те деньги, которые они получают с тома. Пирс Энтони продолжает тянуть «Ксант», цикл, при чтении которого от скуки ноет поджелудочная железа и воспаляются геморроиды, потому что в счет каждого последующего тома он берет приличный аванс. Авторы — это грубые сукины дети, уверенные, что читатель купит все, что подписано более-менее известным именем».

Я, Олаф Бьорн Локшит, положила руку на Библию, могу сказать:

— Полностью согласен с вышеизложенным, пускай это неприятно мне, как писателю.

Однако есть несколько важных оговорок.

* * *

Итак, Сага о Конане к началу XXI века превратилась в огромную индустрию. В США издано более трехсот томов, в Европе — не менее двух сотен, в России количество переведенных книг приближается к семидесяти и это далеко не финал... Художествен-



ные фильмы, телесериал, настольные игры, даже куклы изображающие Копана!

Но мы говорим о книгах. В этой области положение дел становится плачевным: все возможные сюжеты использованы, большинство новых романов является собой бессмысленную жвачку, а фабула остается знакомой до боли в зубе мудрости.

Вечный Герой ищет сокровища, убивает черных магов, соблазняет всех попавшихся на дороге девиц, кроме тех, кто успел спрятаться в подвале или ударить в лес. Самого Копана периодически ловят Отрицательные Персонажи, а затем либо заставляют драться на гладиаторской арене, либо пытаются принести в жертву какому-нибудь божеству с непроизносимым именем, полным шипящих звуков.

Приведем пример из классики. Период жизни Копана с 55 до 62 лет описан А. Картером и Л. Спрэг Де Кампом в цикле новелл «Ветры Аквилонии». Все новеллы охватывают эпизоды длительностью в несколько недель и посвящены истории охоты на магов Белой Руки в Гиперборее и Черного Круга в Зембабве. На сцене, как и положено, вновь появляется неутомимый Тот-Амон.

Вкратце проследим за событиями. Цикл открывает новелла «Гиперборейская колдунья» (в другом варианте — «Ведьма туманов»). Похищение сына Копана и путешествие в Похиолу в Гиперборее, а также разгром организации магов Белой Руки. Проклянувший Тот-Амон объединяет все известные магические организации в общий концерн по деланию гадостей, но у старого интригана в очередной раз ничего не получается и Тот-Амон сбегает от Копана аж в самое Зембабве. Герой — за ним, ибо колдуны Героя надоели до смерти!



Три следующие повести («Черный сфинкс Нептху», «Алая луна Зембабве», «Тени каменного черепа») посвящены погоне за старым, но все еще бодрым Тот-Амоном по Полуденным землям.

Об антураже можно не рассказывать. Недобитые змеелюди, крепость в виде черепа, колдуны, зомби, скелеты. Словом, все, что положено. Сына Копана похитили в очередной раз и попытались принести в жертву Сету, примерно через несколько дней после того, как в жертву (понятно, что тоже Сету...) едва не принесли Копана. Наконец Герой догнал Тот-Амона и... Мне, например, немного жалко старика — столько добрых воспоминаний!

Я, собственно, к чему?... Однажды, когда не было особо спешных дел, я не поленился, заперся больше чем на сутки в кабинете и начал пролистывать тома Саги в поисках одного-единственного, но повторяющегося из книги в книгу, эпизода: принесения Копана в жертву.

Трудился я упорно, результаты записывал на листочек, и спустя много часов получил довольно обескураживающую статистику.

После исследования двухсот (!) романов, повестей и рассказов стало ясно, что Копана приносили в жертву Сету шестнадцать раз, Затху-пауку — семь, Ариману — пять, Нергалу — три раза. В аутсайдерах числятся великан Имир, Эрлик и пятеро совсем неизвестных божков, выдуманных разными авторами — с ними были только единичные инциденты.

Простите, если что пропустил.

Итого, на протяжении 200 произведений Саги, Копан становился потенциальной жертвой религиозного обряда тридцать восемь раз.

Впечатляет?



Воистину, бурная биография. И, между прочим, в моей библиотеке собраны далеко не все тома Саги, так что статистика неполная.

Если втянуться — это очень увлекательное занятие! Таким образом можно посчитать, сколько раз Конан нанимался охранять караваны, как часто посещал заброшенные города, гробницы или склепы, сколько злых колдунов убил, сколько магических артефактов похитил...

Последнее я все-таки выяснил (частично!): в цикле «Шадизарские почвы», составленном почти из 30 рассказов, волшебный предмет обязательно похищается, иначе никак нельзя! Это может быть все, что угодно — от магической собачки (Д. Мак-Грегор, «Пес бездны») или бесхозного джинна (А. Олмэн «Ум на три дня») до совершенно непонятного артефакта (К. Уэйнрайт, «Магический Кситар»). Впрочем, чем загадочнее и непонятнее — тем интереснее, верно?

Удивительная наука — статистика. Гораздо соблазнительнее любой магии или некромантии. Но мы затронули всего одну тему, а вскрыли целое явление.

Как же получилось, что Сага превратилась в полное подобие журнала «Playboy»? Я слышал такое мнение: в каждом следующем номере названного журнала вы не увидите абсолютно ничего нового — те же полуобнаженные киски в прозрачных бикини, реклама дорогих вещей для «верхнего слоя среднего класса Америки», рассказы о жизни звезд и удивительные фотографии папарацци, наподобие портрета ковыряющей в носу английской королевы.

Ничего нового! И все равно, люди много лет выписывающие «Playboy» с удовольствием хватаются за каждый новый номер и если не прочитывают, то хо-



тя бы пролистывают его от корки до корки. Затем журнал отправляется на полку, где и пылится до Второго Пришествия.

Так происходит и с серийной литературой. А в особенности с сериалами героической fantasy. Только вместо глянцевої рекламы часов «Ролекс» или томимых инстинктами красоток, мы видим на страницах бесконечные жертвоприношения Сету и выбитые зубы черных колдунов. Красотки, кстати, тоже здесь — они жаждут утешить Вечного Героя в перерывах между принесениями одного в жертву и охотой Конана за магами.

Поднимитесь на страницу выше и снова перечитайте (внимательно!) приведенный отрывок из критической статьи.

Ах, значит, авторы влюбляются в свои миры и персонажей?

Да, грешны. Влюбляемся. И жить без них не можем.

А если мир тщательно проработан и полностью жизнеспособен, если читатель продолжает интересоваться жизнью этого мира? Если на разработку географии, социальных и политических отношений, характеров героев, множество авторов потратили десятки лет?

Конану уже за семьдесят, считая с появления первых рассказов Говарда в журнале «Волшебные истории» и ничего — Вечный Герой вполне бодр и умирать не собирается.

Семьдесят лет написания Саги! Попробуйте эти слова на вкус: *семь десятилетий!* Уму непостижимо!

И ведь люди читают. Четыре поколения. Пятое поколение втягивается в хайборийский водоворот не хуже, чем седобородые прадеды.



Среди прадедов — тexasские ковбои, нувориши, солдаты армий Великих держав, домохозяйки. Тут слесари и бухгалтеры. Управляющие банков и докеры. Профессора и чернорабочие. Врачи и мафиози.

Мы читаем Сагу доселе! На любом материке.

Вывод: «бесконечный сериал» — это не грех. Грех — бесконечное повторение набивших оскомину деталей сюжета в разных комбинациях.

Конану вовсе не обязательно заниматься только покражей артефактов, борьбой с колдунами и чудовищами, вышивкой, любовью и жертвоприношениями самого себя.

Хайбория дает авторам возможность работать в любом жанре. Детектив. Политический триллер. Романтизм. Пиратский роман. Да все, что угодно, вплоть до дамского романа! Прекрасная половина человечества (от девочек до бабушек) тоже читает Сагу ничуть не менее мужчин.

Но значительная часть авторов предпочли идти по натоптанной дорожке. Не надо зауми! Будем проще! Читателю изыски не нужны! А Конану вполне достаточно украсть у какого-нибудь черного мага волшебную вещь, вызвать справедливый гнев владельца похищенного артефакта, попасть к нему в плен, оказаться привязанным к алтарю Бога Тьмы и внезапно спастись при помощи безымянной красавицы, прежде являвшейся наложницей этого самого мага, а теперь по уши влюбившейся в Вечного Героя.

The end. To be continued...

Таких писателей я бы приносил в жертву Сету собственноручно. Благо справочной литературы, повествующей о ходе обряда — целая полка. С интригующей надписью на корешке: «Сага о Конане».



* * *

Давайте ненадолго отвлечемся от основной темы. Дело в том, что я хочу сделать немаловажное заявление.

Звучит оно так: XXI век будет веком *fantasy*, ибо жанр научной фантастики умер. *Science fiction* более не существует.

...И я уже слышу негодующий рев определенной части публики:

— Наглец! Самоуверенный хлыщ! Да как он смеет! Наглое покушение на священную корову! На сияющую вершину литературы XX века! Это как раз *fantasy* вырождается и умирает — сам только что громогласно заявлял об однообразном конвейере, производящем магов, чудовищ и Вечных Героев с сильными мышцами!

И вообще, *fantasy* рядом с научной фантастикой и жанром-то не является! Глупые сказки про драконов и эльфов не могут сравниться с героическими эпопеями межзвездных кораблей!

У меня есть один прием, мигом сбивающий спесь с любого ревнителя *science fiction*. Достаточно подойти, нежно взять крикуна за пуговицу пиджака, и проникновенно спросить, заглянув в глаза: «Сэр, скажите, а четырехтомник Дэна Симмонса «*Гиперион*», это *fantasy* или научная фантастика?»

Ревнитель запинается, бледнеет, пыхтит и пытается немедленно сбежать.

«Научной» эту фантастику прозвали оттого, что она базировалась на строгом *научном* фундаменте. Автор 60-70 годов прошлого века изучал физику и астрономию, пытался представить (на основе доступной информации) как будет выглядеть и работать



техника будущего. Желал донести до пытливого читателя свою концепцию создания фотонного двигателя или межпланетного корабля. Во многих тогдашних романах со «science» перебирали настолько, что для «fiction» просто не оставалось места. Настоящие технические трактаты! Кладези математический и физической информации. Дерзновенный полет!

Однако, в 2001 году описание космического корабля в исполнении Хайнлайна или Азимова, со всеми кнопками, тумблерами, рычагами и ракетными установками с ручным наведением, вызовет у любого школьника приступ гомерического хохота. У ребенка в комнате стоит «Пентиум-III» с доступом в Интернет, а герой космической оперы прежних лет связывается с соседним отсеком корабля по радио... Современные микросхемы способны уместиться на ногте, а знаменитые писатели сообщают нам об ЭВМ на перфокартах...

«Научность» себя полностью изжила. Мы не можем себе представить, как через 10 лет будет выглядеть домашний персональный компьютер (при нынешних-то безумных темпах развития технологий!), а литераторы совершают попытки заглянуть через столетия?

O-la-la, как говорят в Париже!

Проиллюстрирую свою мысль на общеизвестном примере. В 1979 году кинокомпания «XX век Фокс» порадовала публику фантастическим фильмом «Чужой» — «Alien», с очаровательной Сигурни Уивер в главной роли. Я иногда пересматриваю эту ленту с ностальгической улыбкой: странно видеть громоздкие компьютеры, оснащенные программой MS DOS в одном из самых ранних вариантов, уже упомянутые перфокарты и технику, которой ныне самое место на



свалке. Особенно умилительны шестеренки во чреве робота-андроида.

Проходит почти десять лет — и вот режиссер Джеймс Камерон выпускает сиквел-продолжение: «Чужие» (опять же с Сигурни Уивер и Майклом Бинном). Какой прогресс! Какие высокие технологии! Микрокомпьютеры, лазеры, уникальное программное обеспечение! Ура! Цивилизация одерживает победу.

Если первая серия «Чужих» являлась фильмом ужасов на космическую тематику, а вторая — боевиком-триллером с потугами на science fiction, то в третьей и четвертой частях фильма («Alien-III» и «Alien: Resurrection») положение резко меняется.

Это психологическое кино, в котором человек ставится перед выбором, где показывается борьба человека с самим собой, а не со зловредной техникой или зубастыми монстрами (присутствующими, впрочем, на заднем плане). Фантастика превратилась в fantasy. Техногенная подоплека фабулы позабыта, наоборот, вперед выходят проблемы противостояния Добра и Зла, а как фон используются те самые звери, Чужие, которые на мой взгляд ничуть не лучше и не хуже любого дракона или тролля из романов Толкина, Глена Кука или Желязны.

Уже несколько лет прослеживается устойчивая тенденция перерождения science fiction в fantasy. На первое место выходят не повести о новых открытиях в глубинах Галактики и технических достижениях будущего, а те самые — те самые!! — quest'ы, коими наполнена литература Говарда, профессора Толкина или Урсулы ле Гуин. Техника становится лишь обычными театральными кулисами, возле которых происходит действие, а если поменять в романе какую-нибудь планету возле звезды Гамма Феникса на «парал-



лельный мир» или «отражение», заменить бластеры на мечи и скутеры на лошадей, мы сразу получим натуральнейшее *fantasy*.

Самый яркий пример такого взаимопроникновения жанров — упомянутый «Гиперион», создание великолепного Д. Симмонса. Философская эпопея-quest, достойная встать на одну книжную полку рядом с «Властелином Колец». Если не верите и не читали — прочтите и удостоверьтесь в моей правоте.

Нас гораздо более интересует повесть о самих себе, о человеке и его душе, смысле и подоплеке его поступков, нежели о бездушных технологиях, которыми мы уже пресытились. Читатель, тебе, случайно, не надоел домашний компьютер? Мне — надоел.

Мы хотим видеть благородных героев и прекрасных принцесс (а ну-ка, вспомните принцессу Лею из «Звездных войн»!), читать о настоящей дружбе, о том, что человек полагает Добром, и как это Добро борется со Злом... О приключениях и путешествиях. О тайнах древности. О благородстве и любви.

Мы хотим читать *fantasy*.

И даже если автор обвесит героя лазерными пистолетами, отправит его на фотонном корабле в мир Беты Дракона и заставит сражаться с мутантами, жанр от этого не изменится. Это уже не научная фантастика. Можно предложить такой термин: техно-*fantasy*. Ключевое слово термина — последнее.

Еще говорят, будто сказочный фантастический мир, допускающий магию, гномов и драконов не терпит техногенщины. Опровергаю! Терпит, еще как!

Привожу простые примеры из жизни Хайбории.

А ну-ка давайте вспомним рассказ нашего отца-основателя Роберта Ирвина Говарда «Башня слона». Копану 16-17 лет. И что же делает герой? Ничего по-



вого: пытается умыкнуть у мага Яры драгоценность под названием Сердце Слона. В результате выясняется, что вовсе не было никакой драгоценности, а был невезучий инопланетянин, кем-то в таковую запихнутый и отпущенный Конаном на все чегыре стороны за полной пенадобностью...

Что, опять *science fiction*?

И за мной водится грешок. Для тех, кто не догадался раньше, поясню, что Небесная Гора из романа «Полуночная Гроза» являлась здоровенной летающей тарелкой, на которой в наш мир и прибыл Тицо. Только старина Олаф упорно темнил и выдавал ее за уникальный артефакт прошлых времен в особо крупных размерах. А уж если вы не заметили, как я взорвал в тихой-мирной Хайбории две атомные бомбы, то просто невнимательно читали «Грозу».

Любое — повторяю, *любое* действие! — можно аккуратно замаскировать словами. Нужно лишь уметь грамотно это делать. Если писатель владеет солидным словарным запасом и обладает достаточной изворотливостью, можно творить в Хайбории все, что заблагорассудится и одновременно не нарушать «правила игры».

Вот тогда перед литераторами раскроется перспаханное поле для деятельности! Можно навсегда позабыть о заплесневелых штампах и пропахших нафталином трафаретах.

Дарю сюжет: шайка вооруженных до зубов террористов захватывает заложников и требует выкуп (с родственников, с государства, короля и т.д.). Бедняга Конан, как всегда, оказывается в плохое время в плохом месте. И начинает действовать.

В довесок к подарку — бесплатный совет. Почтенный литератор, следи за лексикой! Помни, что в Хай-



бории не знали слова «террорист», но к нему всегда можно выискать соответствующий синоним. Побольше красивых слов, экзотики и неожиданных сюжетных ходов. Тебе, коллега, обеспечена премия «Хьюго» (или даже «Небьюла»)!

Ты станешь самым лучшим автором Саги, обещаю!

Только очень прошу, не надо побежденных злодеев приносить в жертву Сету!

* * *

Ну вот, я высказался по общим вопросам, перейдем непосредственно к моей скромной персоне. Расскажу о себе, любимом.

Обычно, перед тем, как браться за действительно большой роман, охватывающий десятки персонажей и длительный период времени, я предоставляю читателю несколько «ознакомительных» коротких повелл. Представляю героев, создаю «атмосферу» для будущей эпопеи, рассказываю о прошлом персонажей, чтобы потом не забивать действие главного романа нудными описаниями биографий.

Чтобы подготовить *«Полуночную грозу»*, мне пришлось вначале опубликовать пять таких повестей — надо же было показать читателю, кто такие Мораддин, Ринга и оборотни из Пограничья? И вот, когда всем знакомые действующие лица появились на страницах *«Грозы»*, вопросов ни у кого не возникло.

Аналогичный трюк я провел с четырехтомным романом *«Трон Дракона»*, где собрались практически все персонажи моих произведений Саги (за очень редкими исключениями).



Сейчас у меня зреет смутный замысел большого текста, суть которого я пока раскрывать не буду — время все покажет.

Но подготовительные новеллы уже готовы. Пока их три, вскоре появятся новые.

В целом, я предполагаю с помощью этих небольших повестей начать собственное ответвление цикла о Конане и Хайбории.

Нет нужды говорить о том, что жизнь Вечного Героя расписана едва ли не поминутно. В одной из недавних статей я четко заявил: если события жизни Конана многократно перекрывают друг друга и нет никакой возможности их систематизировать, создав единую хронологию, я, отталкиваясь от основных дат указанных Р. Говардом буду писать собственную историю приключений киммерийца, не оглядываясь на творения более поздних авторов.

Это было единственным выходом из положения. Однако, если более тщательно исследовать сотни повестей разных писателей, получится, что в Саге есть несколько лакун, не заполненных *никем*!

С 1273 года возникает огромная пауза на целых шесть лет, то есть приключения варвара в возрасте с 24 до 29 лет (до времени службы у Ясмелы и Тарамис) не описаны. Обещаю, однажды я исправлю эту досадную оплошность.

Аналогичная пауза появляется с 1297 по 1304 годы (возраст от 48 до 55 лет). Из истории этого периода известно только, что у Конана от Зенобии был единственный сын — Конн. По другой версии, данной Л. С де Кампом — двое сыновей и дочь, во что верится как-то больше, но здесь я останусь верен выкладкам Говарда. Наследник был единственный и неповторимый.



Старость варвара описана крайне скупо, буквально в трех-четырех небольших новеллах разных авторов. И только факту «смерти» Конана в возрасте 66 лет посвящены несколько неубедительных произведений.

Почему неубедительных? Очень просто.

Пол Уинлоу в романе *«Карусель богов»* пытается уверить нас, будто на некоем Западном материке случилось следующее: за хорошее поведение, беспримерные успехи в деле изведения нечисти и наведения порядка в мире Конану вроде как подарили вторую молодость — с 25 лет. Затем Конан якобы был отправлен в неизвестный новый мир, доведенный до ручки злыми колдунами и неконтролируемой техногенщиной — наводить порядок и совершать подвиги.

Версия мною отбрасывается. Предлагается считать ее недостоверным апокрифом.

Другой вариант. Вечному Герою было разрешено наконец-то отдохнуть. Его отправили то ли в Аваллон, то ли в Элизиум, то ли еще куда — отсыпаться после пятидесяти лет непрерывных авантур и путешествий по иным мирам, если таковое желание возникнет.

Склонен согласиться. Если Конан покинул Хайборию, то уж навсегда. Уходя — уходи.

Но и тут появились прорехи. А. Олдмен в повести *«Древо миров»* доказывает: приключения продолжаются! На троне Аквилонии отныне сидит Конн, а папа Конан обитает где-то в кельтско-ирландской мифологии — на Островах Блаженства. Оттуда его срочно вызывают для ликвидации очередных конфликтов в Хайбории (даже после смерти не дают человеку пожить спокойно!).



И эту версию мы тоже отмечаем. Все, господа, эпоха сменилась! Хайбория как жила до Конана, так проживет и после него! Не будем беспокоить тени...

Что же осталось?

Остался сын короля. Конн Первый, из династии Канах.

* * *

Представляю мой замысел.

Вот она, самая отправная точка задуманного Олафом Локнитом резкого поворота: описать последние годы царствования киммерийца и первые годы правления Конна. Причем, заниматься новым проектом буду не я один.

Если вам покажется, что это легко — вынужден буду разочаровать. Это очень нелегко.

Первой искрой задуманного проекта явилась повесть *«Слуга тумана»*, где я кратко обрисовал события связанные с отречением Конана от трона и передачу власти наследнику. Написана повесть от лица известного читателям летописца Халька Юсдаля.

Вторая попытка начать цикл — нижепредставленная новелла *«Принц Зингарь»*, которую написал мой хороший друг Атли Гуннарссон из Норвегии.

Вам наверняка известно, что я родился не в Новой Зеландии, где обитаю ныне, а в Европе, в маленьком норвежском городке Вадхейм. И, разумеется, там живет множество людей, с которыми я продолжаю поддерживать приятельские отношения. Среди старых приятелей никто не занимается литературой, кроме Атли — он журналист и литературный критик.



Дело было так: прошлой весной я приехал в Европу и не преминул посетить родной фьорд. Мы с мистером Гуннарссоном засели на веранде его дома, поглотили немислимое количество пива, после чего Атли заявил (с оттенком зависти в голосе):

— Смотрю я на вас, писателей и диву даюсь. За простенькую работу по написанию фантастических сериалов получаете солидные гонорары, в то время как нам, журналистам приходится зарабатывать на хлеб в поте лица...

— «Простенькую работу»?! — возмутился я. — Простенькую? Возьми и попробуй сам, насколько это «простенько»! И заработай свой гонорар!

Проще говоря, я взял Атли на «слабо». Спустя месяц я переслал ему электронной почтой все мои материалы по Конану (30 мегабайт, между прочим. Не шуточки!), заставил прочитать романы Саги от Олафа Локнита, а когда Атли прислал мне некоторые паработки, я попросту взял его в соавторы и коллеги. Человек внезапно проникся идеей, а Сага и издатель получили нового и перспективного автора.

Я «подарил» Атли большинство моих персонажей, позволил работать по созданным мною схемам событий и хронологии, и он превратился в моего верного оруженосца. Разумеется, мы теперь согласовываем наши тексты, дабы не было разночтений и нестыковок в датах и событиях, а когда мне пришла в голову идея начать разрабатывать новый проект, Атли немедленно присоединился к этой авантюре. Он работает в Северном полушарии, а я — в Южном. И ничего, получается.

Мы вынуждены изобретать новых персонажей, знакомиться с ними, обдумывать общую обстановку в Закатном материке и сопредельных странах... За



годы, прошедшие со смерти королевы Зенобии, многое изменилось.

Ответьте, кто сейчас является королем Зингары? А что происходит на границе Пуши Пиктов? Живы ли старые соратники Конана — Просперо, Публио, Паллантид и иже с ними? Как развивалась история, допустим, Пограничного королевства за минувшие годы? Кто сменил Тот-Амона в качестве верховного мага Черного Круга?

Сотни вопросов! И Олаф Локнит вместе с Атли Гуннарссоном будут вынуждены прорабатывать их в течении нескольких повестей, чтобы подготовиться к созданию большого многотомного романа, в котором мы попробуем достойно завершить свою версию Саги. Только потом можно будет «заполнять пустоты».

Вам, почтенные читатели, тоже придется потрудиться. Оцените наши усилия (не прямо сейчас, а после прочтения нескольких новелл) и дайте свои рецензии на сайтах фэн-клубов Конана в общемировой сети Интернет. Я иногда (инкогнито) заглядываю на эти электронные странички и наблюдаю за реакцией читателей на новые тома Саги.

Подумайте, насколько необходимо выделять историю жизни Конна в отдельный подраздел цикла. А если хотите — напишите письмо издателю книги, в какой бы стране вы ни находились. Так или иначе издателю будет интересно знать рейтинг своей продукции.

И, наконец, о наследниках прежних Героев.

Да, мне тяжело расставаться с ушедшими стариками — привык, за много лет общения. Но и выводить на страницы целый табун сыновей и дочерей прежних персонажей я не намерен. Вначале нам по-может освоится в новой эпохе сын Халька, барона



Юсдаля-младшего — уже знакомый вам Ротап Юсдаля. Возможно, появится кое-кто из родственников всем знакомых оборотней из Пограничья. И Конн, само собой. Пока это все.

Пусть новая эпоха принадлежит новым людям.

А теперь откройте первую страницу повести «Подземелья Тарантии» и скажите: «Здравствуйте мистер Гуннарссон, что вы приготовили для нас?»

Олаф Бьорн Локнит
Окленд, Новая Зеландия, август 2001 г.



Запись первая,

в которой я описываю приезд
в Тарантию королевы Чабелы Зингарской
и кратко повествую о жизни во дворце



Аквилона, Тарантия
25 день второй осенней луны 1314 года



народе утверждают, будто любой государственный праздник (особенно «Большое коронное торжество»), по разрушительным последствиям равен нашествию варваров вкупе с явлением неисчислимой стаи саранчи и тысяче пожаров, случившихся во время речного разлива и урагана.

Простецы во многом правы.

Дело в том, что ровно через пять дней в столице нашего богоспасаемого королевства будет отмечаться одновременно три грандиозных празднества, объединенные в одно. Самхайнн — день осеннего солнцеворота, годовщина рождения короля и его совершеннолетия, и, само собой разумеется, Коронация. Его нынешнее величество,



государь Аквилонии и всех подвластных скипетру Трона Льва земель, Конн I из династии Каных, изволит принять из рук богов, дворянства и народа отеческий престол.

Именно по данной причине Тарантия уже несколько дней напоминает гигантский беспокойный улей.

Прошло всего полторы луны с того, навсегда запавшего в мою память дня, когда король Конан отрекся от трона в пользу наследника — дело происходило на моих глазах, в пределах отцовского поместья, называющегося Новый Юсдаль.

Историю тогдашнего приезда старого короля и его сына рассказывать не буду, ибо отец и Конан настрого запретили открывать эту маленькую тайну людям посторонним, однако следует упомянуть, что в последний вечер пребывания короля и наследника в нашем замке произошло неожиданное: Конан внезапно предъявил нам акт отречения и в соответствии с древними законами передал власть Конну. То есть моему старому другу времен юности, проведенной в столице — отец трудился на поприще личного библиотекаря и летописца короля, и воспитывался я при дворе.

Тем же вечером новоиспеченный монарх написал свой первый указ, гласивший о принятии некоего Ротана, барона Юсдаля, в знаменитый гвардейский отряд «Черный Дракон». Так я получил давно ожидаемое звание королевского ликтора, то есть вступил в ряды самого блестя-



щего и уважаемого полка аквилонского войска. Неплохо быть другом детства принца, верно?

Буквально на следующий день я начал вести постоянный дневник.

Батюшка Хальк всегда был уверен (причем небезосновательно), что я не собираюсь повторить пройденное им поприще книжника. У меня нет достаточной усидчивости, чтобы целыми вечерами корпеть над летописью или копаться в старинных пергаментях, ради отыскания в оных удивительных тайн древности. Но вот заполнить несколько страничек дневника, в которых следует описать самые важные события минувшего дня, мне ничуть не лень.

Будет забавно лет через десять-двадцать взглянуть на собственноручно исчищенные переплетенные листочки и вспомнить, как открывалась новая эпоха, не осененная славой короля Конана, единовластно правившего Аквилонией целых двадцать семь лет.

Прямо сейчас, перед утренним разводом караулов в замке короны, я сижу за столом в комнате, которую вместе со мной занимают еще двое молодых гвардейцев из нашего десятка, и пытаюсь не вывихнуть челюсть — донимают зевота и недосып. Чернильница, тетрадь из полусотни тончайших листочков веленовой кожи, переплетенных бурой ниткой, несколько отточенных гусиных перьев на костяной подставке...

На коронацию Конна прибывает множество гостей со всего Заката. Только вчера, ближе к вечеру, появился кортеж немедийского государя



Нимеда II — больше сотни дворян, охрана, свита, повозки с подарками.

Светлейший канцлер, герцог Просперо Пуантенский, сбивается с ног, стараясь разместить высочайших гостей с почетом и тщанием, а ведь пока до столицы добрались только Нимеда и, выехавший заранее, молодой император Турана Нураддин, правнук легендарного Илдиза Туранского.

Просперо мобилизовал усилия всех государственных управ, попросил у владельцев самых лучших дворцов Тарантии потесниться, временно реквизируя в казну четыре роскошнейших замка, принадлежащих семье Форседа (то есть наследникам прежнего канцлера Публио, умершего несколько лет назад).

Как прикажете с удобствами расселить эдакую ораву гостей, обладающих самыми требовательными вкусами? Ходят слухи, будто туранец Нураддин сразу потребовал для своей любимой жены бассейн, наполненный молоком ослицы. Может, это и неправда, но слушок показательный.

А ведь скоро придут владыки еще десятка государств, король гномов Граскаала, представители Рабирийских гор и еще несколько посланников, представляющих не-человеческие народы Хайборийского материка. И каждому необходимо выказать должное уважение, подготовить соответствующую пищу (вспомним, что обитателям Рабириков обязательно требуется «к столу» свежая кровь...), и сделать все, дабы восшествие



на трон сына самого Конана Канах запомнилось на многие столетия и украсило собой летописи каждой страны.

Наш десяток, возглавляемый деционом-десятиком Равальдом, пока что оставался в замке короны — задача Черных Драконов проста: оберегать жизнь и спокойствие короля. Тем более, что Конн за последнюю луну беспредельно устал и настолько похудел, что при его крепком, но сухощавом сложении, превратило короля почти в тростинку.

Конна изводят нескончаемые приемы, церемонии вассальных присяг, нудная работа с бумагами и все остальное, что мой отец с оттенком презрения именoval «важными государственными делами», а Конан Канах предпочитал передавать большую часть означенных «дел» на верных соратников, сподвижников и советников.

Признаться, я никогда не хотел бы стать королем — очень уж много забот и обязанностей, которые волей-неволей приходится блюсти. Вероятно, по прошествии некоторого времени Конн поступит так же, как и его отец: подберет нескольких умных и честолюбивых людей, способных не столько за страх и награды, сколько за совесть, трудиться на благо государства. Я бы и сам не прочь, но пока не вижу в себе способностей к управлению — мне гораздо ближе именно военная служба, чем скучное бумагомарательство в канцелярии.

Так, записи придется оставить до вечера — меня зовут! Судя по низкому рыкающему и



очень недовольному голосу, это наш десятник, Равальд.

* * *

Вначале пять десятков гвардии построили в одном из внутренних дворов замка — тридцать Драконов и еще два десятка из Полуночного отряда, называвшегося прежде Киммерийским. Конан, примерно двадцать лет назад набрал из своих сородичей «Дикую Сотню», где служили ненаследные младшие сыновья киммерийцев и родственников им по крови обитателей провинции Темра.

Потом в варварский отряд стали принимать и нордхеймцев, которые, как ни странно, отлично сдружились со своими давними противниками — горцами. Чтобы никого не обижать, король запросто переименовал небольшой полк, назвав его общим для киммерийцев и нордлингов словом «Нордэк», обозначающим сторону света, откуда набирались вояки варварского происхождения — «Полночь», или, по принятым на Океане традициям, «Север».

Сотник, вместе с разводящим караулы деционом, сменил охрану в жилом крыле дворца, вызвав заодно мое удивление — сегодня меня не отправили, как обычно, на стражу к покоям монарха, а выделили в пятерку, которой приказали «Ждать дальнейших распоряжений».

Из четверых гвардейцев я был близко знаком только с Гаем из Аттины и бароном Греем —



они жили вместе со мной в одной комнате. Кстати, большинство Черных Драконов предпочитают обитать в городе, в своих домах или на хороших постоянных дворах, являясь в замок только на службу. Я же счел, что будет удобнее и спокойнее жить при самом дворце, который в юношеском возрасте был изучен от самого глубокого подвала, до верхних зубцов донжона. Можно считать, что замок короны есть мой родной дом, ибо матушка, госпожа Цинция Целлиг-Юсдаль произвела меня на свет именно здесь, на третьем этаже, в покоях отведенных королевскому библиотекарю.

Например мой нынешний сосед, Гай Аттинский, родился в захолустном поместье Закатной Боссонии и оказался среди гвардейцев Черного отряда только благодаря исключительным качествам бойца: в седле с девяти лет, с тринадцати, вместе с отцом — мелким землевладельцем-дворянином — участвовал в отражении набегов со стороны Пуши Пиктов, и вообще являл собой образец спокойного, уравновешенного провинциала.

Гай, не взирая на свои неполные восемнадцать лет вполне заслужил прозвище «Медвежонок» — не очень высокий (три локтя, семь пальцев), зато широченный и редкостно сильный — иные тридцатилетние мужи позавидуют. Заодно Гай обладал всем набором качеств не слишком образованного, но верного человека — честный в любых мелочах, в хорошем смысле недалекий, удивительно дружелюбный и флегматичный. Но



если его вывести из себя... О! Тогда я не смогу поручиться за целостность шкуры противника Гая.

Так вот, Гай в первые дни службы при дворе умудрился не менее полудесятка раз заблудиться в переходах и лестницах замка, а потом утверждал, будто обязательно сумеет найти тропку из самого трясинного болота или глухой чащи, но в каменном лесу Тарантии стоит лишь зайти за поворот — мигом очутиться в западне. Я с трудом научил его ориентироваться в замке, а в город Гай ходил только вместе со мной, не переставая удивляться огромности Тарантии.

Ничего, минует год-другой и он непременно освоится.

— Ротан из Юсдаля, Гай из Аттины! — наконец взревел сотник, поглядывая на пергамент с росписью караульной службы на грядущие сутки. — В личное распоряжение Его величества!

— Ничего себе, — одними губами выдохнул Гай. — Это с какой радости? Я ж короля видал только издали...

— Тихо... — шикнул я. Посторонние разговоры в строю на парадном разводе чреваты наказанием. — Потом объясню.

Хотя, чего тут объяснять? Я, как приятель короля, частенько получаю приглашения от Конна отужинать в дружеской и небольшой компании — Конн поддерживает традиции отца и вечерами собирает в Белой гостиной нескольких друзей, чтобы за кувшинчиком вина и хорошей музыкой менестрелей отдохнуть от дневной су-



матохи. Единственно, в отличие от Конана, наследник предпочитает не буйную попойку с откровенно противозаконными последствиями (Конан зачастую подзуживал собутыльников пойти погулять ночью по городу. О последствиях таких прогулок я предпочитаю умолчать...), а спокойные посиделки в обществе прекрасных дам и знаменитых тарантийских стихотворцев. Однако, Конн и о делах не забывал.

Как-то вечером, молодой король тихонько спросил меня, кого из новонабранных осенью Черных Драконов я мог бы порекомендовать?

«Как именно порекомендовать?» — не понял я. Каждый неплох, пусть у каждого есть свой характер, и далеко не всегда приятный. На мой взгляд.

— Как? Понимаешь ли, мой отец всегда мог надеяться на верных друзей и их друзей... Просперо, Паллантид, даже старый и брюзгливый Публио! — очень серьезно сказал Конн. — Я не говорю о прочих приятелях короля Конана. Помнишь оборотней из Пограничья или нынешнего короля Немедии, которому отец вернул трон и венец законного монарха? Ротан, мы знаем друг друга, почитай с самого рождения. Барон Хальк был самым верным советником папы на протяжении долгих лет...

— Чего ты хочешь? — напрямую спросил я Конна. Он на миг замялся, откинул на лоб непослушную челку и наконец, выдал:

— Это одновременный совет отца и герцога Просперо, которому я обязательно последую. Я



хочу за год или полтора сбить небольшую команду преданных людей. Людей твоего и моего возраста. Тех, на кого я смогу всегда положиться. При любых, самых печальных обстоятельствах. Своего рода тайный орден, понимаешь? Орден Короны, который будет стоять на страже нашего государства.

— На страже государства стоят армия, тайная служба Латераны... — немного растерявшись, сказал я в ответ. — Разве ты им не веришь?

— Почему, верю... — вздохнул Конн. — Только... Отец как-то говорил, что если бы во времена Полуденной Грозы или войны с Тараском за трон Немедии его поддерживало одно лишь государство, а не маленькая компания единомышленников, от Аквилонии камня на камне не осталось бы. Я склонен верить киммерийскому королю. Просперо состарился, Паллантид и Публио давно в могиле, а настоящим другом я могу назвать только тебя. Остальные заискивают, видят во мне только монарха, а не человека. А я хочу оставаться человеком, как Конан. Поищи, может кто приглянется... И сообщи мне. Неважно кто это будет — дворянин, девица-варварка, утонченная тарантийская красавица, купеческий сынок или даже маг. Помнишь Тотланта? Колдун, стигиец, проклятое племя! И стоит припомнить, что Тотланту король Конан доверял как самому себе... Словом, подумай как следует, Ротан из Юсадаля.

К сожалению я целиком и полностью занят на службе, чтобы отдался поискам верных лю-



дей, и за минувшее время сумел отрекомендовать Конну только Гая Аттинского, причем не думаю, что ошибся. Он подходил идеально именно благодаря своим, ничем не замутненным качествам человека, не испорченного интригами больших городов, сладенькой ложью храмовых служителей. А заодно молодостью, жаждущей положить самое себя во благо трона и скипетра аквилонских владык. И врожденной преданностью своему государству, олицетворением которого являлся король.

Именно такие простоватые парни до последнего защищали ничтожного Нумедидеса во время переворота, случившегося почти тридцать лет назад. Их честью была верность. До конца.

Такое вот объяснение.

Само собой, пока я не стал ничего рассказывать Гаю. Пускай Конн, задумавший создать свой собственный «Орден» присмотрится к парню и решит, сможет Гай войти в число самых приближенных к королю людей или нет.

...Получив приказ, мы вдвоем направились к Мраморному двору замка, откуда обычно выезжал правитель страны и где всегда принимали самых важных гостей — Конн собирал свиту, чтобы выехать за пределы города и лично встретить приезжающих сегодня чужеземных государей.

Едва мы с Гаем предстали пред ясные очи верховного церемониймейстера Трона Льва и отрекомендовались, напыщенный старикан глянул в общий список свиты и тотчас поднял крик: по-



чему оба господина гвардейца облачены в обычную дворцовую, но отнюдь не парадную форму?

— Марш переодеваться! Живо!

* * *

Выезд короля в город, особенно выезд торжественный, есть зрелище красочное и запоминающееся. Пока церемония выглядит не столь величественно как при Конане — наследник, хоть и получил монарший титул, доселе не обрел регалий, вручаемых в день коронации и не имеет права носить мантию, Большую корону и скипетр.

Король-варвар в свое время поступал оригинально, не считаясь с обязательными правилами этикета. За государем дефилировала наипышнейше разодетая свита, сияющая гвардия, трубачи-герольды-барабанщики, все в разноцветных дорогих костюмах — эдакий парад тщеславия и роскоши.

А сам Конан, ехавший впереди, блистал донельзя скромным, черным или коричневым нарядом охотника и единственным знаком королевского достоинства являлся высокий золотой обруч, украшающий чело. Таким образом любой наблюдатель прежде всего обращал внимание на короля, который рядом со свитой выглядел бедненько и невзрачно. Однако каждый, увидев варвара, знал: вот он, наш единодержавный правитель!



Конан всегда был хитер. И угадал вернейший способ отличить себя от придворных. Он просто оставался частью народа.

Наследник, в поддержку традиции, нашел возможность выделиться по-своему — Конн, во время процессий, красовался в черном колете с серебряным шитьем, обозначавшим звание обычного воина гвардии, и только на форменной шапке, вместо положенного дракона, сияла золотом и рубинами пряжка в виде Аквилонского герба — стоящий на задних лапах лев в алом поле, увенчанный пятизубой короной. Лишь после коронации Его величество получит право носить любое одеяние — хоть рубище, хоть драгоценную хламиду Сигиберта Завоевателя — вместе с настоящим венцом Эпимитриуса, дарованным основателем королевства Первым Государям, легендарным Алькою и Олайету.

Сейчас кортеж короля двигался в сторону Речных ворот Тарантии. Дело в том, что незадолго до утренней смены караулов гонец привез в замок известие, подтвержденное затем и дозорными на башнях крепости: вверх по Хороту поднимается небольшая флотилия под полосатыми ало-золотыми знаменами, а на флагманской триере ясно различается вымпел, украшенный Башней Кордавы, королевским гербом Зингары. Очевидно, что пожаловали гости с Полуденного побережья.

Конн взял с собой конную полусотню Алых Пикинеров, заодно короля сопровождали несколько служащих Иноземной управы и Морско-



го приказа, а так же стайка сверкающих всеми цветами радуги герольдов. Посольство дружественной нам Зингары следовало встретить лично.

Я и Гай ехали по правую и левую руки короля, что по этикету полагалось особой честью для дворянина. Впрочем, никто не удивлялся — в Тарантии еще не забыли моего отца, барона Халька, и сочли, что должность королевского фаворита теперь стала наследной. Некоторые завидовали, другие просто не обращали внимания на мою скромную особу, а я сам на каждом повороте запускал руку в особый, выданный герольдмейстером кошель и бросал нищим серебряные сестерции «королевской милости» — очередная традиция.

Конн ворчал, что ежедневные выезды в город могут разорить казну не хуже любой войны. И без всякой милостыни на организацию празднеств уже ухлопали налоговые сборы за четыре последних луны, а то ли еще будет!

— Дело кончится плохо, — вздохнул невыспавшийся Конн, когда я опустошил кошель, а серебро звонко покатилося по плитам мостовой к ногам восхищенных нищевродов. — После коронации мне наверняка придется закладывать все регалии короны в какой-нибудь офирский торговый дом, чтобы до конца расплатиться с долгами.

— Поверь, ничего страшного в этом нет, — непринужденно отозвался я, ухмыляясь. — Хальк Юсдаль, некогда, пытаясь свести концы с концами, закладывал орден Большого Льва, и ничего...



Честь семьи ничуть не пострадала. Кстати, кто сегодня еще приезжает? Кроме зингарцев?

— Король Пограничья Эртель вместе с гномами, — нахмурившись припомнил Конн. — И, кажется, часть посольства Офира. Офирцев встретит Просперо, а нам придется оказывать гостеприимство Эртелю — все же старый друг семьи и Конана... И граскаальского короля надо уважить, торговля с гномами приносит огромные доходы. Ладно, заканчиваем болтовню. Гляди!

Известно, что Тарантия рассечена на две части руслом полноводного Хорота. Старая часть города, вместе с королевским замком и самыми богатыми кварталами стоит на восходном берегу, а старейшее учебное заведение материка, Обитель Мудрости, рынки, и кварталы поплоче — на закатном. Всего через реку перекинута четыре моста и существует впечатляющий флот перевозчиков. Речных гаваней две — торговая и «Королевская», каждая на своем берегу. Мы, выехав из периметра крепостных стен, как раз оказались на забитой судами парадной пристани столицы.

По распоряжению капитана порта, управляющего этим беспокойным и обширным хозяйством, корабли, принадлежащие аквилонским дворянам прибывшим на коронационные торжества по реке, отвели в сторону, чтобы позволить пристать флоту Кордавы. Подняты знамена, Алые пикинеры и отряд военных моряков строится в каре, пожилой Мастер Королевских Церемоний вовсю помыкает герольдами и свитой.



Государственный этикет — наука исключительно тонкая и для непосвященного загадочная. Где и как стоять монархам, как происходит представление друг другу гостей и хозяев, кому говорить первым, чей гимн играют сначала, а чей — потом. Кроме того с кораблей, сопровождающих огромную триеру монарха надо сгрузить зингарских лошадей, чтобы новоприбывшие могли въехать в город — не пешком же идти? Заодно придется переносить во временную резиденцию множество сундуков с нарядами, посудой, подарками и всеми прочими необходимыми в дальнем путешествии вещами.

Существует множество мелких и крупных грудностей, которые обязана разрешить многочисленная армия служек, ходящих под рукой Мастера Церемоний, месьора графа Фулька из Атрены. Граф Фульк при особых обстоятельствах может командовать даже королем — традиции, этикет и куртуазия важнее любого титула. Если монарх — лицо государства, то старый граф — гот человек который это лицо благоугодно гримирует.

Конан, между прочим, зануду-Фулька терпеть не мог, однако слушался: старикан прослужил при дворе почти пятьдесят лет, начинал еще при Вилере, и являлся непревзойденным знатоком старинных уложений о правилах приличия.

— Ваше величество! — Фульк Атренский, очень резво для своих семидесяти пяти лет подбежал к вороному жеребцу Конна, шуганул оруженосца, державшего коня за узду, и сам ухва-



тил поводья своей цепкой морщинистой рукой. — Король обязан стоять не здесь, а под штандартами и рядом с государственным знаменем! Следует помнить, что как только его зингарское величество и ее величество ступят на сходни, необходимо спешиться и выйти на середину расстеленного ковра. Затем обняться с королем, как с царственным братом, преклонить колено перед королевой...

Конн бросил на меня совершенно несчастный взгляд и буркнул:

— Благодарю, граф, за бесценные советы...

Переместившись куда положено — под сень выставленных на особых флагштоках парадных знамен — король взглядом подозвал меня и Гая, чем немедленно спровоцировал взрыв ярости со стороны его светлости Мастера. Однако, Конн сдвинул брови и с железной вежливостью процедил:

— Эти двое останутся со мной. Месьор Фульк, распоряжайся не королем, а его подданными.

Граф побледнел от злости, но решил не спорить — Конн был готов вспылить. Редкие вспышки гнева у молодого монарха живо напминали буйного Конана, с которым никто, включая ближайших друзей, предпочитал не связываться — себе дороже. Впрочем, замечу — Конн гораздо более уравновешенный и флегматичный человек, нежели его знаменитый батюшка.

Таким образом, нашу троицу справа и слева окружал строй конногвардейцев и пеших моряков, чуть в стороне перешептывалась и прихора-



шивалась стайка павлинов — свита, назначенная канцлером для встречи зингарцев, готовился оркестр флейтистов и барабанщиков, а тем временем флагманский зингарский корабль подходил к длинной гранитной пристани.

Было на что посмотреть. Общеизвестно, что королевство Золотой Башни является самой мощной морской державой Заката, а кораблестроение в этом государстве есть не ремесло, но искусство — самые быстрые, крупные и надежные суда строятся именно в Зингаре.

Королевская трирема, способная ходить как под парусом, так и на веслах, была настоящим плавучим дворцом. Несколько палуб, три ряда весел, паруса не белые, как обычно, а темно-багровые, с вытканым изображением герба. Вооружение впечатляло — различались несколько катапульти, особые жерла, в бою извергавшие «зингарский огонь», то есть жуткую горючую смесь не гаснувшую ни на льду, ни в воде. На корме две баллисты, которые...

А вот этого никто не ожидал. Когда судно, именовавшееся «Король Фердруго I» поравнялось с речной гаванью, все метательные орудия корабля слитно громыхнули и поняли высоко в воздух небольшие темные предметы, разорвавшиеся в небесах с оглушительным хлопком — над рекой полыхнули несколько разноцветных вспышек, образовались клубы сероватого дыма и тысячи радужных искр. Следуя завезенной из Кхитая моде, зингарцы решили поприветствовать короля Аквилонии пышным фейерверком.



Для человека непривычного — зрелище устрашающее, если не сказать колдовское.

— Лошадей напугали... — с оттенком недовольства бросил Копи, увидев, как привычные к любому шуму гвардейские скакуны неуверенно затоптались. — Хотя, красиво... Ротан, чтобы не довести старика Фулька до удара, остановитесь в пяти шагах за мной. Когда пойду приветствовать короля. Гай, понял?

Мой молчаливый приятель кивнул.

Наконец, сходни были сброшены. По широким мосткам вначале спустилась зингарская Морская гвардия в великолепной сине-голубой форме и с абордажными алебардами в руках, выстроилась по краю пристани, горнисты протрубили что-то выразительно-торжественное...

И вот мы узрели королевское семейство Зингары.

Первым шествовал парнишка лет двенадцати — король Селадас Первый, рука об руку с девочкой его возраста и будущей супругой, инфантой Альмерией, дочерью великого герцога Гальфамбра. Вслед за юным государем выступала величественная пожилая дама — вдовствующая королева Чабела Зингарская, легенда Полуденного побережья и самая знаменитая государыня Заката.

Чабеле уже стукнуло пятьдесят пять лет, Селадас был ее единственным и поздним сыном от нелюбимого и невзрачного мужа, принца Оливерро. Великая королева четыре года назад сделала важный для себя и страны политический



ход — официально передала трон наследнику, который получил и титул, и корону, а правила страной сама, из-за кулис.

Пока Селадас не достигнет совершеннолетия (по законам Зингары — шестнадцать лет) Чабела не собиралась покидать большую политику. Разумеется, она сохранила власть и влияние, но теперь Скипетр Морских королей принадлежал сыну, ибо консервативные зингарцы предпочитали видеть повелителем именно мужчину, пусть и весьма юного. В конце концов, власть принадлежит не человеку, который носит корону и скипетр, а тому, кто знает когда и за какие ниточки дергать.

Я очень много слышал о Чабеле от отца, с которым зингарка была дружна наравне с королем Конаном, и барон Хальк отзывался о ней с самой лучшей стороны. А сегодня увидел ее воочию.

Рассказывают, будто в молодости Чабела была писаной красавицей, на которую заглядывались венценосные женихи со всего Заката. Недостоверные слухи разносят смутную весть о том, что зингарка некогда едва-едва не вышла замуж за Конана Канах, однако обстоятельства помешали... Честолюбие этой женщины победило чувства — она предпочитала политику счастливому браку и добилась своего: в наши времена Чабела является эдакой «матушкой» Закатного материка, к ее мнению прислушиваются и в Аквилонии и в Туране, а после смерти мужа-подкаблучника Чабела полностью отдалась родной стихии — интригам, громким (и почти всегда



удачным) дипломатическим аферам, а иногда и войнам.

Достаточно вспомнить недавнее морское сражение зингарцев с флотом Аргоса, боровшегося против монополии соседей на морские пути. Чабела командовала флагманским кораблем. И победила.

Как и приказал Конн, мы с Гаем замерли в нескольких шагах за спиной короля, у самой кромки расстеленного на пристани ковра.

— Счастлив приветствовать моего царственного брата, — Конн, высокий почти как отец, наклонился к малолетнему Селадасу и заключил в объятия. Мальчишка повторил движение, фамильярно хлопнув короля по плечу, и ответил:

— Рад видеть государя дружественной державы в добром здравии, — голос у Селадаса был юношески тонким и немного срывающимся от волнения. Впрочем, сын Чабелы держал себя вполне достойно — сказывалось матушкино воспитание. — Я позволю себе представить мою нареченную невесту, светлейшую инфанту Альмерию...

Конн быстро преклонил колено перед очаровательной девчушкой в жемчужно сером платье, отлично подходившем к ее пепельным волосам и со вкусом подобранным легким украшением из платины, коснулся губами изумрудного перстенька и сразу поднялся, взглянув на едва заметно улыбавшуюся Чабелу.

Ритуал приветствия дамы повторился, но пожилая зингарка мгновенно подняла Конна, взяв



его за плечи. Сказала тихо, чтобы не слышали посторонние:

— Здравствуй, Конн. Давно не виделись... Я помню тебя совсем мальчишкой. Боги, прошлое будто возвращается! И наследие твоего отца дает о себе знать. Разве что Конан не был тридцать лет назад настолько тощим.

И королева весьма злоехидно улыбнулась, подмигнув Конну. Тот ухмыльнулся в ответ.

Далее события покатались по накатанной колее.

Истошный рев фанфар, взаимные представления, раскланивания и расшаркивания, церемониальный марш гвардии, немелодичные вопли распорядителей.

Два короля, Чабела и маленькая инфанта стояли под обширным балдахином, приветствуя дворян и военных, а я и Гай торчали позади и левее, не понимая, зачем Конн пригласил нас в гавань. Тут отлично справились бы и без присутствия двух неизвестных гвардейцев.

Селадас откровенно скучал, вертел головой, рассматривая стоявшие на реке корабли, и только на парад Алых Пикинеров посмотрел заинтересованно. Конечно, мальчишку его возраста столь долгие и (по моему мнению) почти бессмысленные действия должны утомлять. В целом зингарский король показался мне вполне нормальным парнем, знающим свои обязанности, но в свободное время не упускающим возможности развлекаться так, как делают все прочие дети, не отягощенные короной.



Спустя полтора колокола помпезное торжество подошло к логическому финалу — подозреваю, встречу специально затянули, чтобы выгрузить с сопровождающих триеру галер карету ее величества — на пристань въехало ужасное вычурное сооружение, запряженное четверкой, а заодно вывели королевского коня.

Чабела вместе с инфантой и двумя фрейлинами предпочли ехать в раззолоченном и пестрящем гербами экипаже, камердинер посадил короля Селадаса в детское седло, красовавшееся, впрочем, на высоком жеребце соловой масти и взял коня под узду. Монарху-мужчине разъезжать в карете неприлично.

На высочайших гостей собралось посмотреть полгорода — обыватель любит зрелища. Можно обсудить наряды иноземных красавиц, восхищенно поцокать языком при виде Морской гвардии Зингары, блистающей неимоверным количеством нашитых на парадные костюмы сапфиров, синих аметистов и жемчугов нежно-голубого цвета, восхититься щедростью гостей, тоже не забывающих одаривать толпу серебром, и наконец всласть поорать:

— Да здравствует король! Слава королеве!

Селадас ехал рядом с Конном, не уставая разглядывать тарантийские диковины и достопримечательности — наследник Чабелы оказался бойким мальчишкой. Конн, не допуская в голосе ни единой нотки снисходительности, обычно присущей взрослым при общении с детьми, старательно давал пояснения.



— А это что такое? А почему памятник не черный, а зеленый? — тархтел Селадас, изредка протягивая руку и дергая Конна за рукав колета, — А сколько тут живет людей? Наверное, много! А почему на той башне синее знамя? А это кто?

Наш король повернулся в сторону, куда указывал «царственный брат» и невольно поморщился. Внимание Селадаса привлек один из самых отвратительных монументов Тарантии, некогда подаренный благодарными жителями города Конану-киммерийцу.

Бронзовый варвар громоздился на высоком мраморном постаменте, сжимая в одной руке гигантский меч, другой полуобнимая спасенную девицу, каковая аллегорически изображала Аквилонию. Ну, и поверженный дракон у ног, само собой...

Конан, увидев «подарочек» пришел в ужас и едва не приказал снести донельзя безвкусное сооружение, но канцлер и Хальк Юсдаль отговорили — нельзя, мол, обижать подданных, они хотели как лучше...

Словом, памятник остался.

— Это мой отец, Конан Канах, — коротко ответил король.

— Ой, а он правда убил дракона? Матушка про Конана много рассказывала, только я не верил!

И так далее. Конн вздохнул с облегчением, когда увидел впереди главные ворота замка — Чабеле, женщине безусловно уважаемой, выде-



лили покои в самом королевском дворце. Прежде там жила безвременно почившая королева Зенобия, а теперь должна была разместиться свита зингарской монархии. Странно, но все и каждый по-прежнему воспринимают Чабелу именно как правящую королеву, а вовсе не как «вдовствующую» регентшу. Такова уж многолетняя привычка.

— Ротан! — король обернулся перед самым въездом в арку, отделявшую площадь Короны от внутреннего двора замка. — через два колокола буду ждать тебя вместе с Гаем в Белой гостиной, как обычно... Оденьтесь приличнее, но не в форму гвардии — прием неофициальный.

Через два колокола? Это как раз в полдень. Если король приказывает — выполняй!

* * *

— Хоть кол мне на голове теши, не пойму, зачем я понадобился его величеству, — не уставал ворчать Гай, когда мы вернулись в нашу комнату в Полуденном крыле дворца. — С тобой все ясно — сын бывшего летописца и тайного советника, приближенного к старому государю, а я кто такой? Неотесанный мужлан из боссонских топей!

— Не преувеличивай, — отозвался я, расстегивая бесчисленные пуговицы и крючки парадного колета, бывшего очень красивым, но не особо удобным. — Если я — друг короля, а ты — мой друг, то напрашивается очевидный вывод:



Конну просто наскучила стариковская компания. Все эти советники, секретари и прочие прихлебатели, оставшиеся едва не со времен позапрошлого царствования. Думаю, Конн собирается подбирать себе надежных людей и обновить прежнюю свиту свежими людьми с незатуманенным разумом...

Гай только хмыкнул. Он считал себя обычнейшим рядовым гвардейцем, не представляя свою персону в более значительной роли. А я, зная истинную подоплеку приглашения Конна, не хотел заранее обнадеживать или пугать Гая возможными перспективами. Рано или поздно сам разберется.

Если вспоминать расхожую поговорку, гласящую о изменчивой, как морская волна милости королей, то я могу сказать одно: эта мудрость к Конну неприменима, благо он навсегда запомнил поучения отца-киммерийца, утверждавшего, что дружба и верность вечны, а изменять дружбе первым — позор для мужчины. Именно благодаря данному постулату у варвара всегда было много самых надежных друзей, неоднократно помогавших Конану выкрутиться из самых неприятных ситуаций.

— Пойду прогуляюсь по дворцу, — сказал я Гаю, переодевшись. Каждый обитатель нашего своеобразного общежития, отведенного гвардии хранил в своем сундуке как минимум три смены придворного платья, и это не считая гвардейской формы. — Встретимся в Белой гостиной. Гай, умоляю, не делай такой вид, будто тебя ве-



дут на эшафот! Король не ест людей, а предпочитает мясо вепря...

Оставив расстроенного внезапно свалившейся на голову монаршей милостью Гая в одиночестве, я спустился в хозяйственный двор, миновал конюшни и титаническую, пышущую огнем десятков жаровен кухню, прошел по галерее, ведущей к королевским покоям. Собратья-гвардейцы, стоящие на караулах провожали меня краткими, заинтересованными взглядами — с чего вдруг барон Ротан Юсдаль разгуливает посреди ясного дня в партикулярном облачении, когда все остальные на службе?

Зная, что Конн, как и король-варвар, недолго любит вычурную роскошь, я оделся в простой, но добротный темно-зеленый колет из крапеной замши. Единственное и неперемнное украшение — родовой герб на груди, вышитый золотой нитью, поддерживающей мелкие самоцветные камни. У левого бедра меч, на поясе справа — кинжал. Круглая шапка с ниспадающим на плечи шарфом, подходящая в цвет к костюму. Скромно и красиво. А главное — удобно.

Замок Короны огромен. Человеку незнакомому с его бесконечными лабиринтами, обустроенным не одну сотню лет, он покажется настоящим городом в городе (что и произошло на первых порах с Гаем). В укрепленном дворце расположены не только жилые помещения и приемные залы, но и множество помещений для отдыха, складов, устроенных «на черный день» и



случай осады, конюшни, бани-термы, маленькие храмы для почитателей признанных в Аквилонии культов, темницы, само собой...

Затем следовали сокровищницы, кордегардии, канцелярии казначейского и военного ведомств, отдельный этаж Закатного крыла занимал светлейший канцлер Просперо, с толпой служащих своего разветвленного департамента, а на самом верху раскинулись обширнейшие владения много лет принадлежавшие моему отцу — библиотека. Сейчас этим обширным хозяйством командовал ничуть не похожий на ученого мужа сорокапятилетний высоченный здоровяк по имени Эйвинд из Райты, почти три десятка лет прослуживший у барона, Юсаля помощником и унаследовавший от Халька сию хлопотную должность.

— Тетушка, давайте пойдем туда! — я обратил внимание на писклявый детский голосок, раздавшийся в одном из главных коридоров жилого крыла. — Там птички, я хочу посмотреть...

Ага, понятно. Маленькая зингарская инфанта, сопровождаемая сразу тремя почтенного вида дамами, тащила своих «тетушек» к открытой арке, ведущей к висячим садам — маленькому чуду света, скрытому в необозримых недрах замка. Действительно, в этом рукотворном раю, часть которого виднелась сквозь высокий проход любой ребенок мог бы увидеть самых великолепных птиц и животных, собранных со всего континента и поиграть с безобидными зверьками, наподобие бесшерстных стигийских кошек,



прирученных ласок и маленьких ланей, вкупе с важными говорящими попугаями из Дарфара.

Отлично, гости, едва устроившись, начали обследовать дворец. Уверен, они здесь не соскучатся!

Когда пепельноволосая малышка вместе с разряженными наставницами скрылась за поворотом, я обратил внимание на шум, доносящийся из окна, ведущего в нижний двор, отведенный для военных игр. Вот вам и Его величество Селадес — во всей красе. Парню, видать, захотелось размяться после долгой церемонии в гавани и еще более долгого путешествия на корабле.

Отлично знаю этот дворик — давным-давно именно здесь Копан Канах шпынял меня и Конна, вместе с сыновьями герцога Просперо и Паллантида, обучая начаткам искусства боя на клинках. Несколько созданных нашими умельцами механических чучел-противников, старающихся поразить тебя тупым оружием, в твоём распоряжении всегда мастер-фехтовальщик, способный научить неожиданным ударам, целая коллекция самого разнообразного вооружения, отгороженная стальной сетью площадка для стрельбы из лука и арбалета с движущимися мишенями... Конан все предусмотрел, включая даже обучение работе с редкими в нашей стране метательными звездочками-шурикенами.

Селадас увлеченно пытался поразить деревянным клинком вышедшего против него взрослого алебарщика, умело отбивавшего удары древком своего тяжелого оружия, но упрямый



зингарец не сдавался, а вовсю наседали на высокого и сильного мужчину. Похоже, из юного короля выйдет толк — настойчив и не трус.

Неподалеку — пожилой камердинер и двое Морских гвардейцев-телохранителей. Смотрят на короля понимающе. Владеть оружием в наши сложные времена следует учиться с детства.

Пока я беспечно шаялся по дворцу, натыкаясь то на наших придворных особ, то на удивленных грандиозностью замка гостей, прошло много времени. Только когда на донжоне отбили одиннадцать ударов большого колокола, а его гул подхватили звонари, мелодично указавшие, что до полудня осталось всего одна терция — четверть колокола — я встрепенулся, поднялся по одной из боковых лестниц наверх, и предстал перед караулом, охранявшим проход в личные покои короля. И, о ужас, возглавлял караул мой собственный десятник, месьор Равальд. Тут же скучали два весьма широкоплечих молодых человека, на физиономиях которых лежал отчетливый отпечаток родного ведомства — Латераны, тайной службы.

— Так-так... И куда настойчиво стремится досточтимый барон Юсдаль? — осведомился децион, восседавший за небольшим столиком на гнутых ножках. — Почему в гражданской одежде? Барон, неужели положение о гвардейской службы тебя не касаются? Любой Черный Дракон обязан, находясь в пределах замка, носить предписанную форму одежды гвардии... Объяснения последуют?



Едва я раскрыл рот, чтобы гордо заявить Равальду о личном приказе короля, как из-за угла появился Гай, тоже отнюдь не блиставший черным с серебром мундиром гвардии. Одежда еще скромнее моей (хотя сам Гай, как провинциал, полагает оную едва ли не парадной).

— Ага, вот и месьор Гай Аттинский... — с нехорошим смешком процедил Равальд, заставив Гая, вечно смущающегося в присутствии начальства, вытянуться, как на плацу. Видимо, дециона не предупредила, что его подчиненные приглашены к государю. — Подойдите оба!

Спасение, как всегда, пришло неожиданно — двери покоев открылись и оттуда выглянул сам канцлер — герцог Пуантенский Просперо.

— Юсдаль? — взгляд его светлости сразу упал на меня. — Ротан, отчего задерживаешься? Все давно в сборе. Сам пришел проверить...

Десятника как пружиной подбросило с кресла, а простые гвардейцы гранитно застыли.

— О, ваша светлость, я не предполагал... — заикнулся Равальд, однако нарвался на укоризненно-безмятежный взгляд седого канцлера и мигом скик.

— Пропустить обоих, — распорядился Просперо. — Ротан, отчего стоишь? Бери в охапку своего приятеля и пойдем. Король ждет.

Меня и Гая десятник проводил понимающим взглядом. Если эти двое приглашены, значит король к ним благоволит. Наверняка впредь Равальд будет более осторожен. По крайней мере в отношении нас двоих.



* * *

Расположение комнат и коридоров, двадцать семь лет назад выбранных Конаном в качестве изолированного от остального дворца жилища короля мне знакомо лучше, чем отцовская библиотека. Я тут бывал ежевечерне. Повернуть налево — очутишься в спальне короля и гимнастической зале, потом будет дверь в кабинет. Пойдешь прямо — окажешься возле нескольких гостиных комнат и малого кабинета, где хранился личный архив монарха и часть его оружейной коллекции.

Мы пошли прямо, к небольшому, очень уютному зальчику, именовавшемуся Белой гостиной — мрамор, мебель обита шелком всех расцветок жемчуга, приятное освещение, причем не свечное, а идущее от проложенных через перекрытия верхних этажей световых шахт — солнечные лучи направлялись сюда особыми зеркалами, установленными на крыше. Бассейн с полупрозрачными водорослями и рыбками — только не обычными золотыми ублюдками, жадно хватающими воздух, а небольшими серебряными хищниками, обитающими в реках Куша и Дарфара.

— Ротан, Гай! — едва мы втроем, под водительством Просперо, вошли в зал, король сразу поднялся и направился к дверям, всем видом давая понять, что правила этикета на время следует забыть. Гай едва не повалился на правое колено, но я его удержал. — Заходите. Давайте спокойно пообедаем.



Спокойно пообедать предполагалось в обществе самого короля, Просперо, и некоей весьма знатной дамы. Дама одевалась по-домашнему — чудесная темно-синяя стола с вышивкой, небольшая сапфировая диадема, мерцающая в тронутых сединой волосах и простые сандалии.

Вдовствующая королева Чабела Зингарская, собственнолично!

— Вот, прошу познакомиться, — Конн несколько смущенно представил нас повелительнице Моря и Суши. — Это мои друзья. Ротан Юсдаль и Гай из Аттины.

— Я рада, — чарующе улыбнулась пожилая женщина. — Молодые господа, присаживайтесь рядом со мной. Я всегда больше любила мужское общество, нежели скучную свиту придворных матрон. Ротан, я счастлива познакомиться с сыном месьора Халька — жаль, что мы не виделись прежде. Кстати, Конн, Ротан, я совсем недавно имела честь встречаться с вашими достойными родителями...

— С кем? — в голос вскричали я и король.

— С прежним королем Аквилонии Конаном Канах и месьором Хальком, бароном Юсдалем, — уверенно подтвердила Чабела. — Немногим меньше одной луны назад. В Кордаве. Они нанесли мне прощальный визит. Во имя Митры, не делайте такие большие глаза — я обязательно все расскажу!

Просперо уселся в кресло и сам налил из кувшина в свой кубок, мимолетно подтолкнув Конна. Тот опомнился:



— Папа говорил, будто твое любимое вино, о прекрасная королева, производится в Шеме, на Либнумских холмах?

— Конн, будь проще, — слегка поморщилась Чабела. — Считай, что я не чужестранная королеванная гостья, а твоя мать. Признаться, я могла бы стать ею... Очень давно. Месьоры, приступим к обеду, за едой и говорится лучше. Между прочим, если с Ротаном я знакома понаслышке и отлично знала самого барона Халька Юсдаля, то могу ли я осведомиться о достославном Гае Аттинском?

Гай побагровел до корней волос, а мне пришлось пуститься в объяснения...

Спустя полколокола Гай пил наравне со всеми, смеялся и полностью оставил ненужное стеснение. Чабела всегда была великой умелицей расположить к себе людей.

Даже таких суровых и независимых как король Конан Канах. Не говоря уж о нас, простых смертных.



Запись вторая,

в которой случается изрядная паника во дворце, а двое гвардейцев отправляются в подземелья



*Аквилония, Тарантия
Тот же день, ближе к закату*

Ролевский замок Тарантии может похвастаться редкостной достопримечательностью, каковая не относится к архитектуре, сокровищам или старинным произведениям искусства, хотя бы потому, что этот уникум — живой. Нет, не подумайте, это создание вовсе не обитает в королевском зверинце и не украшает собой висячий сад, это не собака или лошадь редкостной породы, не ямурлакский грифон, не оборотень Пограничья, не прирученный василиск, не гарпия и не дракон.

Фрог — человеческое существо. Между прочим, его полное имя украшается титулованием «ваща светлость». Фрог имеет дворянское звание, происходит из знаменитой нуантенской семьи



графов Логанов, имеет право носить церемониальный меч и фамильные гербы, однако этого не делает. Не делает по причине весьма банальной — Фрог является королевским шутом.

Если быть откровенным и точным, то в замке короля нет такой должности: «шут Его величества». В начальные дни своего царствования Конан Канах решил, что достойным людям не след потешаться над человеческими уродствами или выходками слабоумных, отчего несколько карликов и идиотов, оставшихся варвару в наследство от Нумедидеса, были раздарены придворным со строгим приказом: никогда не привозить шутов во дворец. И тогда же бережливый Публио упряднил статью расходов канцелярии, отвечавшую за прокорм стайки дурачков. Новая традиция поддерживалась много лет, пока два года назад в замке Тарантии не появился Фрог.

Как, почему и ради какой прихоти Конан обратил внимание на Фрога, осталось загадкой. Несчастный отпрыск графского дома Логанов Пуантенских выглядел жутковато: рост четыре с половиной фута (мне — чуть выше пояса), кривой горб, нависающий над огромной круглой головой без шеи, длиннющие руки с паучьими тонкими пальцами и наконец заячья губа превращающая и без того непривлекательное лицо в редкостное безобразие. Словом, уродище каких поискать.

Но! Фрог (кстати, это не имя, а им самим выбранное прозвище. На самом деле Фрога звали благородным и древним именем — Атаний) пре-



восходил каждого обитателя замка в искусстве насмешки, как беззлобной так и откровенно издевательской. А самое главное — Фрог был очень умен.

Природа, как утверждается, не терпит пустоты, и я согласен с этой поговоркой. Приходилось выдвигать и писаных красавцев-герцогов, одновременно являющихся трагическими глупцами, и прыщавых бледных канцеляристов, на которых не взглянет ни одна уважающая себя женщина, тянувших на себе неподъемный груз управления страной, являя благоразумие, достойное короля Сигиберта Великого. Так вот: Фрог, отворотительный карлик, сам себе присвоивший титул королевского шута (доселе не введенный официально), умудрился за краткое время завоевать расположение и Конана, и его наследника, незаметно превратившись в одного из негласных королевских советников.

Я рассказал о Фроге настолько подробно оттого, что горбун сыграл одну из главных партий в событиях нынешнего дня.

Мы сидели в Белой гостиной и болтали с зингарской королевой о новостях политики, отгремевших войнах и торговле. В основном говорили Конн и сама Чабела, я поддакивал, пытаюсь разобраться в хитросплетениях политических лабиринтов, Гай с видом независимого молчаливого провинциала налегал на шемское вино «Либнум», а Просперо с покровительственной полуулыбкой наблюдал за всеми нами, вставляя редкие замечания.



— Между прочим, я обязана передать всем приветы от барона Халька и некоего Конана Канах, — Чабела после целого колокола разговоров о том, о сем, но в основе о высоких материях, наконец-то затронула немаловажную для меня и Конна тему. — Конан навестил меня в Зингаре, попрощался и отбыл... Удивительно, насколько быстро он перестал быть королем и вернулся к образу бесшабашного бродяги! И это в его возрасте!

— Можно подробнее? — попросил Конн.

Понимаю его интерес. Король-варвар после отречения задумал нечто весьма необычное. Я помню, как Конан сказал моему отцу, будто устал от мира и хочет уйти за грани Хайбории, но это вовсе не означает обычную смерть. А мой батюшка, как человек склонный к авантюрам и старинный друг киммерийца, не долго думая бросился вслед Конану, о чем и известил меня письмом отправленным из маленького приграничного городка в Пуантене.

Теперь оказалось, что оба престарелых любителя приключений встретились в Кордаве, приобрели корабль, наняли команду отпетых головорезов из числа королевских корсаров Зингары и благополучно отправились в неизвестность, а именно — на Закат. Что они там возжелали найти — уму непостижимо. Не иначе — остатки Атлантиды.

— Уверена, с ними ничего плохого не случится, — закончила краткий рассказ Чабела. — Я инкогнито наведальсь в гавань, взглянуть на



судно и команду, которыми теперь командует Конан. Экипаж великолепен — такие рожи, что за Конана и Халька я спокойна. Да и карак всего лишь прошлого года постройки, аргосский кедр, мачты из рабирийской сосны, такелаж выделан в Шеме! Отличная снасть. Как королева бережной державы, в кораблях и морском деле я обязана разбираться, некогда сама командовала галерой, много лет назад... Вот, собственно, и вся история. Конан выглядел исключительно таинственно, если не сказать — заговорщицки. Уверена — варвар задумал некую сногсшибательную авантюру. И Конан просил передать всем вам: бывший король уже не вернется. Никогда.

— Это было ясно с самого начала, — подал голос Просперо. — С той поры, когда полгода назад Конан сообщил мне о задуманном отречении. Не знаю вашего мнения, но, кажется, король был прав: если ты устал и хочешь уйти — уходи. Не неволь себя. Любой труд, даже королевский, не может быть подневольным.

— Ой, не надо глупых философствований! Если бы тебе предложили подневольно покорствовать, то согласие было бы получено раньше, чем наниматель предложит условия сделки! Да что — ты! Я и то соглашусь без лишних просьб! Корона мне наверняка к лицу!

Мы обернулись на новый, тонкий и трескучий голосок.

Если обитатели тарантийского дворца к этому зрелищу привыкли, то Чабела едва не поперхнулась долькой апельсина.



Фрог вошел тихонько и неслышно, из боковой двери. У шута была редкостная особенность — он умудрялся появляться и пропадать незаметно, словно из воздуха, а передвигался тише самой осторожной мышки.

Вероятно, карлик подслушивал беседу долго — залез в дальнее кресло и сверкал оттуда точками глубоко запавших малюсеньких глазок болотно-зеленого цвета.

— Вот ответьте, прекрасные месьюры и милая, но старенькая дамочка, — Фрог слез с сидения и проковылял к столу. Прихватил персик, надкусил, поморщился и отбросил на блюдо короля. — Ответьте, Конна кто-нибудь спрашивал, хочет он быть королем? Конн, тебя спрашивали? Вот-вот! Он родился принцем, а значит обязательно должен быть королем! Это подневольно или как? Вдруг Конн хотел быть магом, наемником или, к примеру, содержателем борделя? Но судьба отказала: подавись папашиной короной и таскай ее до конца жизни! Я не прав?

— Это кто такой? — выдавила Чабела, изумленно рассматривая безобразного горбуна, облаченного, правда, не в цветастый шутовской наряд, а в темно-коричневый балахон с вышивкой черной шелковой нитью. Бесформенное мрачное одеяние делало Фрога еще непривлекательнее. Картину завершали круглая багровая шапочка плотно облегающая голову и длинный зуб, блестящий в глубине щели заячьей губы.

— Я — это Фрог, а Фрог — это я, — наплева- тельски поморщился карлик. — А ты, морщини-



стая тетупка, навверняка большая шишка? Ах да, судя по безвкусному наряду — королева? Надеюсь, не аквилонская? Зачем нам королева, когда короля не прокормить и не пропойть?

— Потому, что все золото уходит на прокорм шута? — едко сказал герцог Пуантенский и взглянул на приподнявшую брови Чабелу. — Не обращай внимания, госпожа. Это маленькое стихийное бедствие, поразившее наше злосчастное государство — единственный в своем роде самозванец. Никогда не встречал упоминаний о самозванных шутах.

— Да, по сравнению с самозванными королями, я — это редкость. Вспомним хотя бы Конана! — Фрог походя отразил словесное нападение герцога, бесцеремонно подвинул меня на низком диванчике, вскарабкался и уселся рядом. Покопался в складках балахона, извлек глиняную бутылочку, дотянулся обезьяньей рукой до чистого бокала и налил туда самого обычного молока. Пояснил:

— В отличие от вас всех, умный Фрог бережет здоровье. Если король может позволить себе пьянство, то шут — никогда.

— Это почему? — удивился Конн.

— Потому, что в противном случае некому будет править государством.

— Как так? — усмехнулся Просперо.

— Да вот так. Меня, в отличие от короля — даже самого пьяного! — никто не воспринимает всерьез. Пока государь с приближенными валяются под забором и горланят песни, я трезво



управляю страной. А меня, маленького, никто не замечает! Да здравствует Фрог Первый, незаметный король Аквилонии!

Карлик торжественно поднял бокал с молоком и выпил.

— Эх, Конн, не завидую я тебе, — сразу же продолжил рассуждения Фрог. — Ты доселе не осознал, в коровью лепешку каких немыслимых размеров вляпался. Я рассказывал тебе историю о появлении на свет Закатного материка?

— Ничего подобного не слышал! — заинтересовался король, зная, что большая голова шута вмещает бесконечное количество коротких, но занимательных рассказов. — И как, по твоему мнению, возник наш континент?

— Очень просто! — Фрог откинулся на спинку дивана и начал повествование тоном записного скальда:

— Много тысяч лет назад боги решили, что великий остров, Атлантида, им больше не нужен и утопили его вместе с городами, жителями и даже вместе с шутом тамошнего короля. Верное решение, особенно насчет шута... Однако, некоторые атланты получили от жрецов предупреждение о грядущей катастрофе, немедленно построили корабли и вышли в море, взяв с собой лошадей, коз, коров и другую домашнюю скотину. Скотина, понятно, пожирала запасенное сено и тотчас возвращала его природе в виде навоза. Вскоре уцелевшие атланты начали захлебываться в звериных нечистотах и однажды решили вычистить корабли. Много дней они выбрасыва-



ли навоз за борт, пока из него не образовался огромный плавучий остров. Атланты отправились дальше и судьба их белоснежных парусников мне неизвестна, а вот остров... Остров пристал к торчащей из океана горной вершине, покрылся травкой, деревьями, там завелись животные, птички... А спустя много лет туда пришли хайборийцы и стали на острове королями. Теперь понимаешь, о король, чем именно ты правишь?

Чабела откровенно фыркнула и сказала:

— Любопытная сказочка. Но в чем мораль?

— Разве не догадываешься? — хихикнул горбун. — Как называется человек, владеющий огромной кучей дерьма?.. Как угодно, но только не королем! Может, коронованным золотарем?

— Убирайся вон, дурак! — негодуя рывкнул пуантенский герцог, а Фрог лишь руками всплеснул. Воскликнул с разочарованием:

— И почему люди, говорящие правду в глаза, вечно гонимы? Чабела, возьми меня к себе в шуты? На государственное жалование? Обещаю, буду, как и всегда, правдивым! Или королева Зингары тоже предпочитает выслушивать от приближенных лести, ложь и сладостные измышления?

— Предпочитаю, — серьезно кивнула Чабела. — Так устроены все монархи нашего... нашего прекрасного материка. От почвы не оторвешься, верно?

Я решил, что пожилая властительница Побережья отнюдь не лишена ядовитенького чувства юмора.



На том неофициальный обед был завершен — Чабела отправилась в гостевые покои, Конн отпустил меня и Гая, сказав, чтобы к третьему колоколу мы были готовы сопровождать короля на встречу посольства Пограничного королевства. Просперо удалился в свою канцелярию, а злоязычный Фрог канул в глубины дворца — подсматривать, собирать сплетни и доводить придворных до белого каления своими непринужденными замечаниями.

Впрочем, не будь в нашем замке этой горбатой разговорчивой диковины, жизнь казалась бы куда более скучной.

* * *

От своего отца я слышал, будто неприятности никогда не приходят тогда, когда их ждешь, а сваливаются на голову с неожиданностью летнего шквала.

Теперь я склонен согласиться с выводами барона Халька.

Предполагается, что королевский дворец является наиболее охраняемым зданием в столице. Сравниться с ним могут только Государственное казначейство и знаменитая Железная башня — тюрьма для самых опасных преступников. Во дворце стражу несет элита гвардии, тайная служба, личная охрана короля, не подчиняющаяся никому кроме самого государя, а еще тихари из ведомства канцлера Просперо, ищейки от армии и приказа городской стражи — всех не перечис-



лишь! При этом каждый знает свои обязанности и подстраховывает всех остальных, сведения стекаются к начальникам караулов и в дворцовое управление Латераны, после чего делается доклад коменданту крепости, а уж он отчитывается перед королем.

И все-таки эта орда охранителей короны проморгала несчастье, о котором нормальному человеку даже помыслить нельзя было! Наверное, поэтому доблестные гвардейцы и хлопали ушами — никто не может предположить, что из замка Тарантии может бесследно исчезнуть человек!

Однако, по порядку.

Я никогда не видел Фрога таким взъерошенным и разгневанным. Карлик ворвался в нашу комнатуху будто летучая мышь в форточку — глазки пылают недобрыми огоньками, неприменная темно-багровая шапочка сбилась на бок, явив спутанные бесцветные волосы, изуродованные губы приоткрыты, обнажая некрасивые и длинные кроличьи зубы. Ни дать, ни взять — маленький злобный демон.

— Ротан! — взвизгнул горбун, метнув на меня ледяной взгляд. — Хватай своего дружка — и бегом к королю! Не переодеваться! Живее, бестолочи!

Гай, полулежавший на жесткой койке с томиком куртуазных стихов, приподнялся на локте и недоуменно глянул на меня. Я ответил пожатием плеч.

— Да в чем дело-то?.. — не понял я Фрога, отчетливо смахивавшего на раздувшуюся от злости



коричневую жабу. Шут напыжился и продолжил визгливо орать:

— Какая разница, в чем дело! Весь дворец стоит на ушах, словно под стены явилось войско пиктов, поздравить Конна с восшествием на трон и отметить такое дело славной битвой!.. Надевайте сапоги!

Мы с Гаем, оставаясь в полном недоумении вылетели в коридор и рванулись к королевским покоям. Фрог бесшумно скользил рядом, развивая немислимую для его тщедушного тела быстроту — коротышка-шут бегал едва ли не быстрее здорового и выносливого Гая.

А во дворце действительно было беспокойно. Спешили куда-то профессионально насупленные месьоры в темно-синей одежде «королевских служителей Тронных церемоний» — сиречь конфиденты нашей неприметной тайной службы, Латераны. Я углядел, как двое таких «служителей» увлеченно расспрашивали начальника одного из караулов о чем-то весьма неприятном: незнакомый децион Изумрудных кирасир разводил руками, краснел и запинаясь. Стражу почему-то усилили. Иностранцев возле покоев короля не заметно — вежливо попросили не показываться из своих комнат.

Вот и кабинет Конна. Фрог змеино шикнул на Черного дракона, попытавшегося загородить дорогу горбуну, толкнул тяжелый притвор, пропустил нас вперед и столь же быстро затворил раззолоченную дверь.

М-да, зрелище печальное.



Багровый, как вареный рак, и очень недовольный всем сущим Конн выслушивает начальника дворцового департамента Латераны, графа Арделло. Здесь же находятся донельзя смущенные офицеры гвардии, отвечавшие сегодня за охрану дворца. В кресле, около стола короля, сидит заплаканная королева Чабела и теребит скомканный платочек цвета морской волны.

Мой бесценный отец, Хальк Юсдаль, наверняка описал бы в летописи данную сцену таким образом: «в воздухе царит неуловимая атмосфера зловещей тайны». Иных слов и не подберешь.

Что такого страшного могло произойти за неполные два колокола, миновавшие с нашего прощания в Белой гостиной? И какое невероятное событие могло довести до слез саму королеву Чабелу Зингарскую?

Мы остановились у входа, чтобы не мешать. Прислушались к сбивчивым словам графа Арделло.

— Государь, покинуть дворец незаметно просто невозможно! — с убежденностью в голосе увещевал Конна граф. — Никто не сумеет пройти через четырнадцать караулов гвардии, Латераны и городской стражи! Я уже собрал все доклады — мальчика не видели у ворот дворца, периметр внутренних караулов он не покидал, внешняя стража уверяет, что ребенка с приметами короля Селадаса у ворот не видели. Его величество находится в замке. Это неоспоримо. Мы проводим тщательный обыск всех помещений. В конце концов, король Зингары мог просто заблу-



даться — дворец очень велик и человек, впервые оказавшийся тут, не всегда сумеет найти дорогу без посторонней помощи.

Я непроизвольно покосился на Гая, а тот ответил понимающим взглядом. Как все знакомо! И как неприятно! Если Селадас Зингарский, сын Чабелы потерялся в замке... Конечно, в этом случае его рано или поздно найдут. А если не потерялся?.. Мальчишку не так уж сложно похитить! Однако, сложнее другое — похищенного требуется немедленно вывезти из дворца. А это дело рискованное.

— Мы проверили — все подданные ее величества Чабелы на месте, никто не пропал, — продолжал докладывать граф Арделло. — Сейчас мои подчиненные выясняют, сколько людей приезжали в замок после прибытия зингарской миссии, когда отбыли, и не заметила ли стража необычностей... Допрашиваются караулы. Если эти действия не дадут результатов, я переверну замок вверх дном в течении ночи.

— Хорошо! — сквозь зубы бросил Конн. — Идите месьоры, возьмитесь за работу. Полагаю, казна недаром платит вам жалование. Ротан, Гай, Фрог... Оставайтесь. И ты, о королева. Эй, стража! Пригласите камердинера короля Зингарского!

Гвардейские офицеры и граф быстро исчезли за дверьми, на их месте появился то самый пожилой господин, на которого я обратил внимание в гавани и позже, на ристалищной площадке замка. Воспитатель и камердинер Селадаса был



немедленно отрекомендован бывшим капитаном флота Зингары, месьором Корралесом.

— Это мои близкие друзья, — Конн указал седому капитану на меня и озадаченного Гая. — Почтеннейший, расскажи как было дело. Они могут серьезно помочь в розысках, благо Ротан, барон Юсдаль, знает дворец как свои пять пальцев.

Чабела взглянула на меня с надеждой.

Капитан, по-морскому четко рассказал (наверное, уже в тридцатый раз, учитывая беседы с легкими на подъем блюстителями Латераны).

...После занятий на ристалищном дворе малолетний король Селадас попросился, простите, в уборную. Куда и был препровожден под надзором камердинера и двоих телохранителей из Морской гвардии, оставшихся у дверей. Однако (вот непростительная ошибка!) последние не выяснили, что из нужника второго этажа замка есть два выхода — в другую дверь Селадас и ускользнул, чтобы, вероятно, избавиться от докучливого надзора учителя.

— Такое случалось и прежде, в Кордаве, — преувеличенно спокойным голосом дополнила Чабела. — Капитан Корралес строг, а мальчишке далеко не всегда нравится твердо установленный порядок. Я не склонна потакать прихотям Селадаса и полагаю капитана самым достойным учителем короля. Поэтому я всегда наказывала наследника за подобные выходы... Селадас вновь решил ссамовольничать, и вот результат — как сквозь землю провалился!



— Не совсем так, — хмуро сказал Конн. — Парня видели на этаже, затем он спустился во двор, миновал кухню... Его пропускали — внутри замка гости имеют полное право гулять, где вздумается. На Малой кухне Селадаса угостили пирогом с вишнями, затем, по уверениям поваров, мальчишка направился в Полуденный коридор и именно там исчез бесследно. Граф Арделло проверял — из коридора Селадас не выходил, а единственный вход в подвал замка ведет в тупик, к складам. Ротан, какие соображения? Помнится, в детстве мы обшарили весь дворец, от конька крыши до входа в катакомбы. Я теряюсь в догадках.

— Боги... — я похолодел. — Конн, можно поговорить с тобой отдельно?

— Нет уж! — поднялась Чабела, заметившая, как изменилось мое лицо. — Ротан, ради нашей дружбы — рассказывай! Чистую правду!

Я быстро припомнил все сведения о дворце, вычитанные в старинных трактатах из отцовской библиотеки, дождался согласного кивка Конна и медленно выговорил:

— Конн, досточтимая королева... Замок Тарантии — исключительно древнее сооружение. Возраст государства — тысяча триста лет с небольшим. А столичному замку всего на двести лет меньше. Вначале строилось одно укрепление, на его месте — другое, затем третье, четвертое. Неизменным оставался фундамент, он лишь подновлялся при очередной перестройке замка. Подрами — почти бесконечные лабиринты прежних



подвалов, выводящие прямиком в Подземный город Тарантии, череду катакомб, древних, похороненных в глубинах земли храмов, пещер, проходов и галерей... Войти в подземелья почти невозможно, но есть один путь. Как раз из подвала Полуденного крыла.

Даже сквозь умело наложенную пудру на лице Чабелы проступила бледность.

— А именно? — настороженно переспросил Конн.

— Осень теплая, — пояснил я. — Топить в замке пока не начали. Главные печи установлены над остатками печей, разрушенных королем Сигибертом, когда великий Завоеватель возвел новые стены дворца. А система дымоходов осталась единой... Я сам в ранней молодости пытался пройти по наклонным дымоходам внутрь, заглянул в старые подвалы, но стоило рассказать об этой экспедиции отцу... Барон Хальк едва не оторвал мне уши и весь следующий день заставил убирать в библиотеке... Боялся за меня. И теперь могу понять почему именно боялся. Зимой и весной, когда печи замка топят дровами и углем, проходы вниз закрыты. А сейчас любопытствующий мальчишка вполне мог забраться внутрь и разузнать, куда ведут наклонные широкие ходы. Понимаете?

— Та-ак... — выдохнув, протянул Конн. — Но почему старинные дымоходы доселе не заделали?

— Руки не доходили, наверное. А разумный взрослый человек не полезет в крысину нору.



— Ротан, немедленно отправляйся в подвал Полуденного крыла замка! — не раздумывая скомандовал Конн. — Обследуй каждый угол, следы должны обнаружиться обязательно! Фрог!

— Чего? — повернулся карлик. — Неужели надоедливый урод оказался кому-то нужен?

— Молчи, шут! И не пререкайся, очень тебя прошу. Фрог, скорее беги в книжное хранилище, отыщи у библиотекаря Эйвинда любые планы старых построек замка! Встречаемся в кордегардии Полуденной части дворца через половину колокола.

Фрог преспокойно кивнул и исчез. Как всегда бесшумно и мгновенно.

* * *

Удивительно, но вечно полусонные служащие дворца в критический момент способны развивать самую лихорадочную деятельность — вот уж действительно, пока огненный петух не запоет, никто не шевельнется!

Конн Канах, я и Гай (оба перемазанные в саже по уши), очень напуганная, но сохранявшая видимое хладнокровие Чабела Зингарская вместе с капитаном Корралесом и полудесятком безмолвных охранников, пустрый карлик Фрог и высоченный библиотекарь Эйвинд в назначенное время собрались в кордегардии. Гвардия и тихари Латераны продолжали бурные поиски короля Селадаса во дворце. Но, как я уже знал, их старания были бесполезны.



— Ну? — уставился на меня Конн.

— Король Зингары заходил в подвал, — сказал я и подтолкнул Гая, который являлся куда большим знатоком следов и примет. Гай, вовсе не смущаясь пред монаршими ликами, начал весьма деловито:

— Ротан прав — мальчик спустился вниз по лестнице, сняв один из факелов в коридоре. Мы быстро осмотрели печи, расположенные слева от нижних складов и стало ясно — Селадас заглянул в одну из них, на слое копоти остались следы. Очень плохо то, что следы ведут только в одном направлении. И мы догадались почему. Наклонный дымоход из старого подвала уходит вниз под очень большим углом — парень наверняка сорвался и покатился под уклон. Как зимой, с ледяной горки. Сажа в этом отношении ничуть не хуже снега — маслянистая, скользкая. Наверх ему не выбраться. Кому-то придется спускаться. Нужны веревки...

— Остается надеяться, что Селадас остался ждать возле прохода, а не отправился искать другой выход наверх, — вздохнул я. — Внизу немедленно заблудишься.

— Эй, там! — воскликнул Конн, подзывая гвардейцев. — Немедленно доставить несколько мотков веревок, факела, все что нужно! Эйвинд, где планы старых подвалов замка?

Господин библиотекарь, не столь давно сменивший на сем ответственном посту барона Халька, тотчас разложил на грубом столе кордегардии несколько свитков желто-коричневого пер-



гамента, исчерченного поблекшими линиями и замесками.

— Планам значительно больше трех столетий, они составлялись во времена короля Гвайнарда Седобородого, деда великого Сигиберта, — гулким басом пояснил библиотекарь, более подходящий внешностью не на служителя Мудрости, а на зажиточного пожилого крестьянина из Гандерланда или Пограничья. Впрочем, происхождение у Эйвинда и впрямь исключительно варварское — родился в Граскаальских горах, родичи по отцу — асиры, по матери — боссонцы. Но Эйвинд справляется с делами книгохранилища ничуть не хуже своего многоученного предшественника. — Тогда замок имел несколько иную форму периметра стен, был вытянут в сторону реки и старого города, следовательно подземные ходы ведут к Хороту и тому месту, где теперь площадь Эпимитриуса. Заблудиться, бесспорно, можно, однако если сохранять внимательность и видеть перед глазами план, то обязательно выберешься. Одна загвоздка, месьюры: чертежи более древних подземелий не сохранились, а таковые существуют, это общеизвестно. Надеюсь, они давно засыпаны или затоплены грунтовыми водами, но не учитывать их нельзя.

— Чудесно начался визит в Аквилонию, — нервно дернув щекой сказала Чабела. — Одно радует — следы короля мы нашли и приблизительно знаем где он. У Селадаса только один факел, нет еды и воды... Возможно, он расшибся при падении... Хорошо. Я немедленно распоря-



жусь, чтобы несколько моих самых верных телохранителей отправились вниз, на поиски.

— Нет-нет, не стоит этого делать! — я опомнился лишь тогда, когда эти слова уже прозвучали. Ничего себе нахальство — возражать королеве Чабеле! Но слово не воробей... — Ваше величество, Конн, тут надо брать отнюдь не числом! Будет лучше если вниз спустимся только я и Гай. Я в детстве бывал в старых подвалах, хотя далеко не отходил. Эх, сюда бы двоих-троих гномов!

— Хорошо, идите вдвоем, — решительно кивнул наш король. — Возле дымоходов останется караул стражи. Ты прав: если не появитесь к вечеру, я обращусь за помощью к гномам, живущим в Торговом квартале Тарантии. Уверен, рудокопцы не откажут в помощи, тем более, что сегодня приезжает посольство Пограничья и король Граскааля Дьюрин... Оставляйте пометки на стенах, чтобы мы знали, куда вы направились.

— Возможно, мы поднимемся наверх уже через квадранс, — с наигранным оптимизмом предположил я. Дело в том, что о подземельях Тарантии ходили далеко не самые добрые слухи и отправляться в путешествие по катакомбам сильного желания у меня не было. Но какой Черный Дракон покажет королю свой страх? Тем более, что Конн на меня надеется! Пришло время доказать, что молодой государь не ошибся в выборе верных соратников, готовых ради него идти в огонь, воду и темные подземелья! — Итак, нуж-



ны веревки, две связки факелов, кремь и небольшой запас еды — на случай, если по катакомбам придется разгуливать долго.

Конн подошел ко мне, положил руку на плечо, сильно сжал ладонь, и одними губами прошептал:

— Остается надеяться только на милость Богов и на вашу удачу. Если не появитесь к закату — прикажу начать обширные поиски, всю гвардию в подземелья загоню, но вас и Селадаса отыщу. Идите!

* * *

Подвалы Полуденного крыла дворца являют собой зрелище утрюмое. Люди тут появляются редко, в основном зимой, когда гигантские зевы печей, обогревающих постройки замка следует наполнять топливом. Чуть дальше и впереди, в торце каменной сводчатой галереи располагаются хранилища дров и торфа.

Мы остановились возле арки высотой в полтора человеческих роста — именно здесь Гай обнаружил следы башмаков Селадаса, по глупости решившего обследовать таинственные уголки огромного жилища аквилонских королей. Если войти варку печи, то над головой можно увидеть уходящий в непроглядную черноту широкий дымоход, насквозь пронизывающий перекрытия здания, а углубившись на пять шагов, любой интересующийся обнаружит квадратное отверстие уводящее в неведомые глубины. Конн



верно заметил — эти щели необходимо обязательно заделать в ближайшем будущем. Чтобы соблазнов не возникало.

Двое спешно вызванных каменщиков из числа дворцовой обслуги вбили между плитами гигантского камина железные крюки, на которых мы с Гаем закрепили петли веревок, быстро переоделись (кто-то догадался принести куртки и штаны черной кожи, более удобные в таком путешествии, нежели дворцовые наряды), осмотрели собранное снаряжение. К тонким факелам добавились небольшие лампы с фитилем, способным гореть целые сутки — жестяные фонари можно было запросто закрепить на груди при помощи ремешка, оставляя свободными руки. В заплечных мешках — запасные пеньковые шнуры, две фляги с водой и вином, несколько лепешек и ломоть копченого окорока. Медные трубы с планами подземелья.

Великая экспедиция по спасению несмысленного зингарского короля готова отправиться в путь.

Я просил богов только об одном: лишь бы Селадас не расшибся после падения и остался невредим! Даже если он ушел искать другой выход, мы его обязательно разыщем, но если зингарец серьезно пострадал... Бед не оберешься! На хороших отношениях с Морским королевством можно будет ставить жирнящий крест. Конн никому не докажет, что аквилонцы невиновны в происшедшем, а Селадас проявил беспечность, редкостную даже для мальчишки-сорванца!



Я нырнул в провал первым, ногами вперед. Древний дымоход достаточно широк и для взрослого человека. Придерживаясь за прочный канат я заскользил вниз, попутно собирая на себя остатки порванной Селадасом паутины и хлопья старого пепла. Недовольные черные науки, успевшие за прошлое лето обжить шахту, недовольно разбегались по щелям.

Э, нет — расшибиться тут невозможно! Съехав вниз на спине, я почувствовал, как подошвы сапог мягко коснулись твердого пола. Дымоход выводил в большой камин очень похожий на верхний, только поменьше размерами. Кладка кирпичная, а не каменная. Толстый слой пыли и сажки примят — отчетливые следы маленьких туфель.

Зингарец точно побывал здесь!..

Я вылез в низкий коридор, дернул за веревку, давая знать Гаю, что можно спускаться, и быстро осмотрелся, водя фонариком, в котором мастера установили вогнутое зеркальце, усиливающее свет язычка пламени.

Подземелье как подземелье, ничего особенного. В детстве я хаживал в этих местах — параллельные друг другу ходы, заброшенные комнаты, в которых пыливый изыскатель может найти старинную монетку, черепки посуды или обрывки древней кольчуги. Тянется старый подвал на одну пятую лиги к Закату и четверть лиги к Восходу — до архитектурных переделок короля Сигиберта дворец имел прямоугольную форму, а не квадратную, как сейчас.



За спиной раздались шуршание и тихие проклятия — из шахты вывалился Гай. Поднялся на ноги, встряхнулся, будто собака, и уставился на меня.

— Никого? — скорее утвердительно, чем просительно спросил он. — Точно, никого. Как думаешь, куда мог отправиться мальчишка?

— Давай сначала глянем на следы, — предложил я, а заодно крикнул во всю силу легких: — Селада-ас! Слышишь? Эй!!

Как ни странно, ответ не заставил себя ждать. Подземелье вдруг огласилось постепенно нарастающим и приближающимся жутким воем — казалось, вопит самая настоящая ведьма-банши, отправившаяся на охоту. Мы непроизвольно положили ладони на рукояти кинжалов.

Уи-и-и-и!..

Шлеп!

Радостный визг, достигнув душераздирающих высот, внезапно прекратился, завершившись громким шлепком. Из нашего дымохода неожиданно вывалился какой-то неопрятный клубок, рухнул на пол, подняв облачка пыли, и вдруг поднялся на короткие ножки.

— Фрог? Маленький мерзавец, ты откуда?

— С неба! — шут чихнул и начал шумно отплеиваться. — Недурственно прокатился — впечатления незабываемые! Что это вы на меня смотрите будто на диковину какую? Ну да, это я, старина Фрог, во всей красе, пыли и копоты! Думали от меня отделаться?



— Ты свихнулся! — взбешенно закричал я, тем более, что вспышка страха вызванного восторженными воплями Фрога не улеглась. — Зачем ты здесь? Хватайся за веревку, дергай три раза, как условлено, и возвращайся назад! У нас без тебя забот выше головы!

— Придержи язык, — с обычной неприятной развязностью ответил Фрог, пытаясь отряхнуть безнадежно испачканный балахончик. — Я хоть и шут, но дворянин — вызову на поединок, мало не покажется! Короче: куда идем?

— Почтенный, — Гай недовольно воззрился на докучливого карлика с высоты своего роста. — Может быть Ротан прав и тебе стоит вернуться? Нам не до шуток...

— Болваны! — прошипел горбун, исподлобья глядя на нас. — Я могу пробраться в щели, куда у вас и причинное место не поместится! Я отлично вижу в темноте! У меня гораздо острее слух, чем у вас, дуболомов! Думаете, если я маленький и страшный, то обязательно бесполезный? Историю делают как раз злые карлики, а не великаны с блистающими мечами! Итак, что вы узнали? Малыш был здесь?

— Был, само собой, — вздохнул я, понимая, что теперь от Фрога не отвяжешься. Возможно он прав — люди обделенные природой частенько владеют недоступными другим свойствами, лучшим зрением, обостренной интуицией. — Гай, я осмотрю коридор справа, ты — слева. Фрог, если собрался идти с нами — так не мешайся под ногами!



— Собрался! — передразнил меня горбун. — Что вы собираетесь искать, когда на полу все написано яснее, чем на веленовом пергаменте! Посторонитесь, месьоры гвардейцы — под ногами мешается!

Фрог наклонился к самому полу, вытянув фонарик с зеркальцем, буквально обнюхал каменные плиты длинным острым носом и тотчас разогнулся.

— Ребенок оставался тут не меньше полного квадраса, — уверенно объявил шут. — С его факела падал нагар — видите несколько черных хлопьев? Возможно, звал на помощь и пытался забраться назад, но потом понял всю бесполезность этого занятия. Идите за мной!

Карлик решительно повернул влево и зашагал по мрачному коридору весьма беззаботно насвистывая донельзя непристойную кабацкую песенку «Мельничиха и король Гвайнард». Мы переглянулись и послушно потопали за Фрогом — шут умудрился сразу взять след.

* * *

Тарантия, как и большинство городов Заката, выстроена на холмах. Только возвышенности левого берега, на котором мы сейчас находились, более пологи, а на правом берегу всхолмья поднимались над Хоротом почти на две сотни локтей. Добавим, что город начинал строиться именно на противоположном, закатном берегу — в прежние времена военная опасность прежде все-



го угрожала с Восхода, от недобитых княжеств кхарийцев и река служила первым королям Аквилонии замечательной оборонительной линией, не требующей дополнительных укреплений, кроме господствующей над местностью крепости.

Со временем город расширился и уже через два столетия от своего основания раскинулся по обоим берегам полноводного Хорота. Построили королевскую резиденцию, несколько новых бастioned, начали появляться первые каменные здания, принадлежавшие богатым дворянам и состоятельным торговцам. К сожалению, в округе не было гор, откуда можно возить гранит или базальтовые плиты для строительства.

Выход нашли быстро — в окрестностях Тарантии устроили каменоломни, благо город стоял на огромной скальной плите, материал добывали и в округе — например, в Ивелине, том самом маленьком городишке, мраморные копи возле которого стали много лет назад ареной первой схватки короля Конана и его друзей с подземными чудовищами, порожденными Полуночной грозой.

Когда Тарантия начала приобретать современный вид и расширяться, городские кварталы возводили над старинными копиями, о которых постепенно забыли. Замечу: забыли королевские власти. Подземные ходы, образующие почти настоящий город, избрал прибежищем нечистый на руку люд, городские нищие, у которых не было крыши над головой, жрецы некоторых культов (от почитателей Нергала, до совсем не-



известных религиозных направлений, гонимых официальным митрианством) — словом, под улицами и дворцами Тарантии жизнь кипела ничуть не хуже, чем на поверхности.

Финал истории подземного города был положен в царствование Вилера — короля не самого великого, но деятельного. Власти устали от жалоб на бандитов, способных в самом прямом смысле данных слов «выскочить из-под земли» среди бела дня и столь же легко скрыться, надоела вонь пещерных поселений нищеводов, вырывавшаяся наружу, да и со временем катакомбы стали источником болезней и пристанищем несчитанных полчищ крыс.

Король Вилер, не особо долго рассуждая, приказал армии и городской страже выкурить людей и животных-паразитов из их мрачного обиталища, входы-выходы заделать, а нарушивших королевский запрет на посещение подземного города сажать на кол в людном месте — в назидание прочим ослушникам. Говорят, будто после закрытия катакомб население «верхней» Тарантии увеличилось едва не на одну пятую часть.

Впрочем, запреты создаются специально для того, чтобы умные люди их нарушали. Несколько воровских притонов и запрещенных храмов сохранились до наших дней, о них прекрасно знает прецептор городской стражи, однако не разгоняет — смысла нет. Засыплешь одну нору — жулики обязательно найдут другую. Уж лучше знать и контролировать (с грехом пополам) известные притоны, чем лотом искать новые.



Еще я слышал, будто подземная Тарантия похожа на слоеный пирог: верхние этажи-уровни прежде были обжиты людьми, причем людьми беспшашными и смелыми — никто добровольно не станет жить в пещерах, о которых повествуют жутковатые истории. А вот ниже, начиная с третьего или четвертого ярусов, никто никогда не забирался — мало ли что?

Древние подземелья могут таить самые невероятные опасности. Демонические существа, просто хищные твари, обитающие в катакомбах, древняя магия, оберегающая сокрытые мраком столетий тайны... Наверняка это лишь сказки, но даже в самой невероятной сказке есть доля недоброй правды.

Человек создан для солнечного и звездного света — только гномы, наши отдаленные родственники приспособились к жизни под землей. Так на то они и гномы. В человеческом существе каменное небо пробуждает самые жуткие страхи и само по себе не сулит ничего хорошего.

...Но сейчас нас трое (двое с половиной, если учитывать Фрога...), мы вооружены, приблизительно знаем направление и старательно помечаем стены цветными мелками, прихваченными у господина библиотекаря Эйвинда. При всем желании, буде таковое возникнет, не заблудимся.

— Мальчишка избрал не самое лучшее направление, — пискляво вещал карлик, двигаясь в авангарде и периодически наклоняясь, чтобы осмотреть пол коридора. — Лучше бы он пошел



не в сторону русла Хорота, а к центру города. Там, если верить плану, тупики и завалы, через которые не пройдешь. Возле реки остались ходы вниз, то есть на нижние ярусы. Полагаю, малыш Селадас родился благоразумным ребенком и понимает, что следует идти наверх и только наверх...

— Он мог запаниковать, — заметил Гай. — Паника — дурной советчик. Страх может продиктовать парню самые глупые решения. Представьте только — один-единственный факел, который может в любой миг погаснуть, темнота...

— Мой милый Гай, — прошептал горбун. — Ты исключительно ненаблюдателен. Мальчик снял со стены подвала металлический факел, в котором используется угольная крошка и сера перемешанные со смолой — этим составом пропитывается плотный фитиль, свернутый из грубой шерстяной ткани. Такой факел горит на протяжении двух рассветов и не погаснет даже при падении в воду. Единственное, чего мы не знаем — как давно эти факелы были установлены в Полуденном крыле замка. Я, дурачок, забыл спросить у стражи... Тихо! Слышите?

Фрог замер и вытянул руку в предостерегающем жесте. Я споткнулся на полушаге, на меня налетел Гай и начал тихонько сопеть над ухом.

— Вот оно! — шепнул Фрог, вывернув яйцевидную голову набок. — Прислушайтесь!

— Ничего не слышу, — столь же тихо проговорил я, но Гай внезапно поднес палец к губам и пихнул меня локтем под ребра.



Точно! Звук текущей воды! Шум, в котором человек может распознать не обыкновенное течение серебристого ручейка, а мощный рев тугого потока. Вода шумит очень вдалеке, глухо и грозно.

А еще я на самом излете различил панический человеческий голос — кричат не по-аквилонски, неразборчиво, надрывно.

— За мной! — истошно взвизгнул горбун и со всех ног припустил вперед. Митра Пресветлый, да ведь коротышка Фрог бегают быстрее таракана! — Не отставать, верзилы!

Двигаясь по одному ему известному пути, Фрог нырнул во второй справа маленький коридор, шустрым колобком скатился по выщербленным ступенькам короткой лестницы, снова направо, потом налево — карлика вели вперед не твердый разум или знание, а обостренная интуиция и невероятное чутье, обычному человеку недоступные и неподвластные. Именно сейчас я понял, что, не оказавшись рядом Фрог, и все наше предприятие было бы обречено на полный провал.

Не отмечая поворотов мы вихрем пронеслись по целой череде галерей, зальчиков, коротких лесенок, узких коридоров и круглых пыльных комнат. Шум водяного потока приближался.

— Здесь! Здесь! Ищите же! — раненым зверем взвыл горбун, когда мы тремя прачными камнями ворвались в длинное помещение, похожее на эдакую каменную трубу, рассеченную посередине каналом, обнесенным осыпающимся пореб-



риком — именно в канале шириной около десятка локтей и бурлила мутная вода. А самое главное — тут горел огонь!

Я бегом кинулся к источнику света, Гай поспешал вслед.

Лодка. Очень старинная лодка — каркас из гнутых прутьев, обтянутый толстой кожей. Суденышко привязано к гранитному выступу быстро расплетающейся веревкой, другой конец которой держит находящийся в лодке темноволосый и насмерть перепуганный мальчишка — если он выпустит шнур, ладью засосет в черный зев тоннеля, куда стремится бушующий поток.

— Руку! Давай руку! — бесполезно орал я, одновременно понимая, что Селадас не сумеет протянуть мне ладонь. Лодка находилась всего в четырех локтях от узкого берега. Оставалось только схватить мешок, рвануть горловину, выхватить веревку и быстро свернуть лассо — но как не хватает времени! Еще несколько мгновений, и король Зингары будет обречен...

— Быстро прыгай в лодку! — я мельком обернулся, ощутив увесистый удар кулаком по пояснице. Увидел Фрога стоявшего позади. — Не рассуждать! Быстрее. И ты!

Гай, услышав слова карлика, повел себя несколько странно: доблестный гвардеец ругнулся, подхватил под мышку маленького шута и мигом сиганул в лодочку, обрывая последние волокна привязи.

Не оставалось времени раздумывать — я оттолкнулся от камня, вложив в этот прыжок все



силы, оставшиеся после беготни по подземельям, и...

И шлепнулся в пенистые волны, едва успев схватиться пальцами за скользкий борт. Я почувствовал, как подземный поток подхватил и лодку, и мое тело, пытаясь оторвать его от ладьи, но тотчас в рукава моего кожаного колета вцепились железные длинные пальцы.

— Влезай! — горбун с немыслимой для такого малыша силой потащил меня наверх, но я ударился головой о свод широкого и низкого тоннеля, в который убегал поток и вода залила коробочку фонаря. Фитиль, коротко шикнув, погас без искр.

Я почти сразу потерял сознание. Последняя мысль сверкнула тусклым бликом:

«Мы погибли?..»



Запись третья,

*в которой мы путешествуем
по неизвестной людям Тарантии, а Фрог
приходит к неутешительным выводам*



Надеюсь, Ротан не очень сильно пострадал?

— Шишка на лбу, голова поболит немного... Но, как известно, всякий гвардеец Черных Драконов может не носить шлем.

— Почему это?

— Разве не слышал? В гвардию берут только воителей, у которых толщина черепа позволяет казне экономить на шлемах. Зачем тратить на оружейников, когда каждый господин гвардеец сам собой представляет идеальный природный доспех? Думать вам не надо, а вот иметь крепкую голову — обязательно. Столь закаленная голова Ротана и спасла...

— Продолжаешь мести языком, будто дрянной метлой? — я с трудом разлепил веки, узна-



вая голоса. Беседовали Гай и королевский шут. Отлично, значит я жив — и даже отчасти здоров!

— О, зато сколько словесного мусора способен прибрать мой длинный язычок, — рассмеялись из полумрака. Фрог сидел на базальтовой ступеньке в полушаге от меня, сразу за карликом угадывался широкоплечий силуэт Гая. Неподалеку оранжево светился фонарик, отбрасывавший слегка колеблющиеся тени. — Люди утверждают: молчание — золото, слова — серебро. Я предпочитаю владеть целыми сундуками серебра, нежели одной плюгавенькой золотой монеткой. Но еще говорят, будто деньги — грязь. Построим силлогизм. Слова — серебро. Серебро — это деньги. Деньги — грязь, мусор. Язык человека всегда связан со словом, а следовательно с мусором. Ты прав, молодой барон Юсдаль: язык — это помело. И твой, и мой. И любой.

— Как ты мне надоед, философ... — слабо выдавил я. — Где мы? Что происходит?

— Ничего не происходит, — с унылой снисходительностью ответил Фрог. — Мы ждем, когда ты соизволишь очнуться и бесполезно пытаемся просушить платье. Ихнее зингарское величество попросту спит, утомившись от чудесных приключений, вода течет, время идет... Обычная жизнь.

— Нергал вас задери! — рявкнул я, едва горбун упомянул короля Зингары. Моментально вспомнились минувшие события. — Где Селадас?!



— Сказано — дрыхнет, — сварливо отрезал Фрог, поднимая фонарик и кивком указывая на сжавшуюся в комочек мальчишескую фигурку. Селадас устроился неподалеку от нас, в сухом углу комнаты (или пещерки?) избранной местом отдыха.

Я, опираясь на руку, уселся, встряхнул головой, ощупал впечатляющую шишку над правым виском и уставился на Фрога, удивительно похотившего на мокрую коричневую курицу, забравшуюся на насест. С балахона карлика стекали капельки воды, образовав у подошв сандалий темную лужицу.

Фрог, перехватив взгляд, проскрипел:

— Предвосхищая вопросы, скажу: я не знаю куда нас занесло потоком, не представляю, на какой мы глубине, не могу ответить куда надо идти и совсем не ведаю, как обсушиться и согреться. Мы потеряли мешок с припасами и факелами, утопили один фонарик, из второго пролили больше половины масла и едва не погибли. Это хорошие новости. Хочешь узнать плохие?

— Рассказывай, — вздохнул я, пытаюсь не обращать внимания на головную боль. — Если хорошие новости таковы, то что досточтимый шут предполагает известиями дурными?

— Проклятушего мальчишку занесло в ту часть старого дворца, где до эпохи Сигиберта располагалась подземная тюрьма, — буркнул карлик, разворачивая мокрый пергамент и утыкаясь в него острым носом. — Подвиньтесь ближе, посмотрите...



Гай молча наклонился над плечом Фрога, а я уселся рядом, на узкую ступеньку.

— Удивительное везение! Я услышал, как Селадас звал на помощь и просто чудом сумел отыскать его по звуку, — горбун ткнул пальцем в план. — Мальчик изрядно полетял по заброшенным коридорам, не зная, что из старинного жилища есть только один выход наверх, да и тот давно завален. Видите, он обозначен составителем карты? Селадас набрел на искусственный канал, который связывал дворец и донжон давно скрытой тарантийской крепости, увидел лодку и решил, что на ней сумеет выбраться наружу. А вот секретов, защищавших тюрьму от побегов и непрощенных гостей не знал.

— Секретов? — хмуро переспросил Гай. — Неужели древняя механика так хорошо сохранилась за три столетия?

— Не думай, что наши предки были глупее или наивнее нас с вами, — огрызнулся Фрог. — К лодочной пристани тюрьмы можно подойти только по узкой дорожке. Она выведена на карте красными чернилами. Шагнешь вправо или влево — нажмешь подошвой на камни, под которыми запрятаны тайные пружины, открывающие дополнительные водяные шлюзы. Результат таков: уровень воды в подземной реке резко поднимается, затапливая проход к верхним этажам тюрьмы — заметили, мы спустились на целых четыре яруса? Это не меньше дюжины локтей в глубину! После подъема воды, беглец оказывается в ловушке, и остается там, пока стража



не закроет шлюзы. Видимо, механизмы все-таки проржавели или частично испортились — уровень воды в канале поднимался сравнительно медленно и мы успели перехватить Селадаса. Но хода обратно уже не было. Поэтому я принял решение довериться потоку — авось, куда-нибудь вынесет. Мы успели в последний момент.

— Долго плыли? — после неприятной паузы осведомился я.

— Не особенно. Меньше четверти колокола. Я очень опасался, что вода поднимется до потолка тоннеля и лодка утонет, но мы проскочили. Если судить по направлению, мы находимся под старой частью города.

— ...На глубине не меньше пяти или шести ярусов, — подхватил Гай, внимательно слушавший карлика. — Надо по возможности быстро подниматься наверх.

— Тебя не спросили! — усмехнулся Фрог. — Даже мне, дураку, ясно, что наверх, а не наоборот. Сделаем так. Вы прогуляетесь по ближайшим коридорам, разведаете возможный путь. За ребенком я присмотрю. Увидите необычное или непонятное — не трогайте, а лучше сразу отступите. Отходите отсюда не больше, чем на сотню шагов — потеряетесь!

— «Отсюда» — это откуда? — задал я вопрос сам себе, встал, вытащил из уцелевшего мешка два тонких факела, запалил их от огонька фонарика, вручил один Гаю и внимательно осмотрелся.

Мы находились в сравнительно небольшой квадратной зале, имевшей всего один выход.



Возле стен валяются гнилые доски, остатки бочек, несколько полуразвалившихся ящиков, сломанные трухлявые табуреты. Наверняка в прошлом здесь был склад или караулка стражи. А если Фрог не ошибся, мы очутились под фундаментом бывшего крепостного донжона — башню снесли после возведения новых стен города. Любопытно, а что сейчас находится сверху? Рыночная площадь? Дворец какого-нибудь герцога? Обычный дом или лавка купца?

Когда выберемся, я обязательно найду в библиотеке замка старые карты города и сравню с современными!

Мы вышли из зала напрямик в широченный тоннель, посреди которого протекала уже знакомая подземная река — пройти можно только вдоль стен, по гранитному барьеру, создающему своеобразную узкую набережную канала. В воздухе пахнет сыростью и плесенью, с темного потолка падают капли, звук отражает громкое эхо.

Неуютно, но вроде бы безопасно.

— Ты направо, я — налево, — сказал я Гаю и двинулся вдоль берега канала, ширина которого была не меньше семи шагов. Сразу же наткнулся на спасшую нас лодку и снова подивился ее сохранности. Бережливый Фрог заставил Гая вытаскивать ладью на камень — вдруг пригодится? — Гай! Если что найдешь — позови!

— Угу, — буркнул мой приятель и мы зашагали в разные стороны, надеясь отыскать проход.



Мне не повезло. Через несколько десятков шагов своды тоннеля начали опускаться, а вскоре я наткнулся на тупик: заржавленную решетку, перегородившую тоннель.

В отдалении слышался звук водопада — наверное, поток уходил еще глубже. Я слышал от отца, что якобы под столицей существует целая система подземных речек; и вот теперь получил доказательства.

Меня окликнул Гай.

Желтое пятнышко его факела мерцало вдалеке, казавшись маленьким светлячком, но голос доносился отчетливо:

— Ротан! Тут лестница!

— Наверх?

— Вниз! Иди посмотри!

Проход находился рядом с тем местом, откуда вынесло нашу лодку — оказывается в большой канал впадало два малых. Гай объяснил, что мы приплыли из правого, очень низкого тоннеля. Над арками виднелись выложенные квадратными камнями нордхеймские руны, неизвестно что обозначающие. Скорее всего, строители подземных укреплений таким образом помечали систему лабиринтов, чтобы не заблудиться самим.

Точно, лестница. Узкая, крутая, резко уводящая в глубину.

— Это единственный выход, — сказал Гай, поводя факелом и вглядываясь в непроглядную темень провала. — Я проверил. Глянь, пламя неровное...



Да, действительно, огненные язычки факелов начали слегка колебаться. Я немедленно послуновил палец и выставил перед собой. Точно... Сквозняк.

— Так или иначе, все равно идти придется здесь, — я потянул Гая за рукав, и мы зашагали к залу, где оставались мальчишка-зингарец и горбун. — Дуновение ветра — это замечательно, однако забираться еще глубже очень не хочется!

— А кому хочется? — уныло отозвался Гай. — Влипли мы, вот что ясно...

* * *

Фрог успел разбудить Селадаса, и теперь юный король взирал на шута насупленно, с недоверчивым недоумением. Вероятно, они недавно крупно поспорили.

— В чем дело? — спросил я карлика, но Фрог только отмахнулся.

— Их величество желают быть недовольными. Государь жаждут умыться теплой водой, покушать мясного рагу и погулять по Тарантии. Я доходчиво объяснил государю, что все вышеперечисленное невозможно.

Я непроизвольно фыркнул, отлично сознавая как могли звучать «доходчивые объяснения» Фрога — этот тип за словом в карман не полезет. Недаром у избалованного мальчишки такой ошарашенный вид.

— Если вы дворяне, — зингарец метнул на меня требовательный взгляд, — арестуйте этого



мерзавца! И препроводите в тюрьму за оскорбление величества! Есть закон...

— Фрог, что ты сказал королю? — пытаюсь сдерживать улыбку, спросил я. — Надеюсь ничего, недостойного дворянина?

— Именно: ничего недостойного, — криво оскалился горбун. — Посоветовал попридержать помело... то есть, язык. И не отвлекать меня глупыми просьбами от мыслей о вечном.

— Вы отказываетесь выполнять приказ короля? — еще нахальнее выкрикнул Селадас. — Убереите это мерзкое существо с моих глаз!

Гай, суровый боссонец, не выдержал. Он родился в многодетной семье и знал, как управляться с капризными братишками и сестренками.

— Во-первых, — веско сказал он, надвигаясь на попятившегося Селадаса, — этот почтенный месьор отнюдь не «мерзкое существо», а приближенный короля Конна, носящий графский титул. Во-вторых, месьор Фрог старше тебя на много лет и тебе придется извиниться... В-третьих, я и мой друг, барон Ротан Юсдаль имеем честь служить под знаменами другого государя и выполняем лишь его приказы. Последний приказ гласит: вытащить некоего маленького и на смерть перенуганного мальчика из подземелий, куда он попал по собственному недомыслию...

— Да как ты смеешь! — взвился Селадас. — Я прикажу заточить тебя в башню Кордавы!

Я покачал головой: разбаловала Чабела своего единственного отпрыска! Что поделаешь — позднее и любимое дитя.



— В-четвертых... — Гай невозмутимо шагнул к юнцу, схватил его за ухо и лихо закрутил пальцы. Его величество извоили взвизгнуть, а затем и заскулить. — В-четвертых, Селадас Зингарский впредь будет относиться к людям, спасших ему жизнь, уважительно и вежливо. Ясно? Я кажется спросил, ясно или нет?

— Я... ясно! — тщетно пытаюсь сдержать слезы пискнул Селадас. Судя по паническому взгляду, с королем никогда раньше не обращались подобным образом. Если только строгая матушка не позволяла себе изредка всыпать наследничку розог собственной монаршей дланью — Чабела, как все женщины Полудня, всегда была легка и на гнев, и на милость. — Сударь, отпустите! Пожалуйста!

Гай выпустил ухо короля, моментально начавшее распухать.

Я понял, что настал черед дипломатии. Присел рядом с зингарцем на корточки. Взглянул проникновенно.

— Селадас, пойми, мы все по твоей вине оказались в очень затруднительном положении, — пытаюсь придать голосу наибольшую серьезность сказал я, глядя в черные глаза мальчишки. — Постарайся на некоторое время забыть, что ты — король. Сейчас каждый находящийся здесь — пленник подземного царства. Мы обязательно выведем тебя наверх и доставим к маме, но до этого момента ты будешь слушаться меня, месьора Гая Аттинского и уважаемого Фрога из Пуантена. Договорились?



Селадас повернулся к Гаю, монументально скрестившему руки на груди и вззирающему на нас с безмятежностью, достойной смиренного монаха-митрианца, потом взглянул на Фрога, притворно-обиженного и нахохлившегося...

Королевская кровь взяла свое.

Парень встал, подошел к карлику и слегка поклонился, приложив ладонь к груди. Сказал:

— Сударь, мне жаль, если я невзначай нанес обиду. Прошу забыть и простить. Просто... Просто я боюсь.

Готово! Дело сделано! Испытанным методом кнута и пряника мы быстро превратили Селадаса из «короля» в обычного мальчика, готового пересилить себя и подчиняться нашим приказам. Хотя, один Митра знает, что зингарец может выкинуть в будущем. Надеюсь, благоразумие и чувство опасности склонят чашу весов в его пользу. И в нашу.

— Бояться глупо, — скрипнул Фрог своим тоненьким голоском. — Так или иначе мы найдемся в Тарантии. Почти. Чтобы выйти на улицы города, нам придется долго идти наверх — надеюсь, этот постулат ни у кого не вызывает сомнений? Мой юный друг, я принимаю твои извинения. Однако запомни — если ты встретил что-то некрасивое, то не спеши думать, что оно столь же безобразно внутри, как снаружи.

— Я запомню, — кивнул Селадас. И попробовал улыбнуться.

— Отираваемся? — Фрог приобрел деловитый вид. — Нашли выход?



— Не нашли, — буркнул Гай. — Идемте, посмотрим.

Я зажег еще один факел, вручив его Селадасу — пускай зингарец будет при деле, тем более, что свой он умудрился потерять во время краткого, но донельзя опасного путешествия в кожаной ладье. В любом случае, видя факельный огонь, нам будет проще следить за маленьким королем.

Фрог, узнав у Гая направление, пошел впереди, надев на грудь фонарик. Заглянул в прямоугольную дыру, куда уводила вырубленная в камне лесенка. Пожевал губами. Подумал.

— Не понимаю хода мыслей строителей этого подземного города, — изрек горбун. — Зачем потребовалось создавать в старых катакомбах разветвленную систему каналов? На случай осады, чтобы по воде вывезти из столицы ценности или важных особ? Но вода имеет свойство течь вниз, а не вверх! Любая подземная река должна закончиться на той же глубине, на какой появляется исток. А над нашими головами огромный слой камня, мы гораздо ниже уровня Хорота. Пещеры за городом? Невозможно, ибо в окрестностях нет гор. Загадка, честное слово!

— Фрог, умоляю, давай над тайнами забытой Тарантии мы подумаем дома! — взмолился я. Нашел время для ученых размышлений! — Надо идти. Наверняка дело близко к вечеру.

— К закату, — поправил меня карлик. — По моим расчетам скоро начнут отбивать седьмой колокол. Мы слишком долго ждали пока ты



придешь в себя... Не выберемся до полуночи — Конн начнет новые розыски и, разумеется, ничего не найдет. Поднявшийся уровень воды перекрыл тоннель, по которому мы приплыли сюда. Однако, спешить не станем — поспешность вредит и подсказывает неверные решения. Спускаемся!

И мы пошли вниз по узкой и скользкой лестнице. Первым шагал Фрог, затем я, потом Селадас, а замыкал цепочку Гай.

Проход (сорок пять ступенек, я считал) вывел нас в сухую галерею. Подошвы сапог поднимали вихорьки каменной пыли.

— Поток воздуха идет слева, — мигом определил Фрог. — Туда и направимся. Будьте осторожны — нога человека не ступала по этим плитам три столетия... Боги, как меня угораздило ввязаться в эту глупейшую историю!

* * *

Это был настоящий лабиринт, причем весьма протяженный, запутанный и построенный на редкость бестолково. Конечно, его устроители наверняка видели в системе переходов и комнат свой порядок и надлежащую организованность, но мы быстро заплутали — не помогло и чутье карлика.

Направо-налево, вверх по короткой лестнице, а вниз — по более длинной. Замечалось, что мы двигаемся отнюдь не по бывшим каменным копиям — штольни копей выглядят совершенно по



другому! Чувствовалось, что эти галереи некогда вовсю использовались людьми, регулярно подновлялись и вообще содержались в образцовом порядке.

Через каждые двадцать шагов, на стенах установлены медные кольца для факелов, ныне покрытые толстым зеленым налетом. Некоторые проходы загорожены каменными дверьми-плитами — мы попытались открыть одну из них, но старинный механизм отказывался работать. Пришлось сворачивать обратно.

Фрог с каждой новой неудачей принимал все более недовольный вид и наконец пустился в громогласные рассуждения:

— Если мы желаем отыскать выход из лабиринта, — ораторствовал горбун, — существует особое и малоизвестное людям средство. На каждой новой развилке проход, из которого мы появляемся, помечаем тремя знаками. Если мы попадаем на развилку, где уже отметились, то есть где мы уже предварительно побывали, — оставляем у приведшего нас прохода только один знак. Если помечены все двери — значит, надо поворачивать обратно. Но если какие-то проходы на развилке пока что не отмечены значками, нужно выбрать любой и поставить у него два символа. Входя в проем, уже отмеченный одним крестом, прибавляем к нему два новых, чтобы у прохода набралось в сумме три креста. Весь без исключения лабиринт обойти удастся, если ни разу ни на одной развилке не поворачивать в проход с тремя знаками, при условии что в на-



шем распоряжении остается еще хотя бы один проход, тремя знаками не отмеченный...

— Волшебнo, — расстроено буркнул я. — Но, боюсь, даже после того как мы исчиркаем все стены лабиринта, придется блуждать здесь до конца мира и Битвы Богов. Мы забрались уже очень глубоко — у меня немного закладывает уши...

— Ума не приложу, зачем древним потребовалось строить этот город внутри скалы? — не обращая внимания на мои сентенции разглагольствовал Фрог. — Должна же быть цель? Подземелья покинули давно, вынесли все ценное — заметили, нигде нет остатков мебели или следов человеческого жилища? Комнаты пусты и чисты, словно их подмели и протерли ветошью вслед за исчезновением хозяев! Что находится за запертыми дверьми — загадка...

— Постойте! — Селадас вдруг дернул меня за руку и потащил к боковому проходу. — Видишь? Что это такое?

Остроглазый мальчишка углядел необычность, на которую взрослые внимания не обратили. Толстая гранитная плита, закрывавшая вход в одну из зал была слегка отодвинута. Щель шириной в локоть или чуть меньше.

Мы окружили неподъемный притвор, Гай и я попробовали его толкнуть, однако камень остался недвижим. Забраться внутрь не вышло — у меня пролезла только рука до плеча.

— Для вас, месьюры гвардейцы узковато, — будто прочитав мою мысль, сказал Фрог и оце-



нивающе воззрился на мальчишески-тощего Селадаса. — Парень, сможешь пролезть внутрь и разведать, что за дверью?

— Эй-эй, может быть не стоит рисковать? — немедленно возмутился я. — Зачем?

— Не думаю, что внутри человека может подстерегает опасность, — ответил карлик. — Тут нет ни чудовищ, ни охраны... Вообще ничего. Пустота.

— Тогда зачем лезть? — рассудительно осведомился Гай.

— Интуиция... — Фрог остался невозмутим. Посмотрел на зингарца.

— Если нужно — я посмотрю, — согласился тот. — Надо искать новый выход?

— Ничего подобного, — Фрог подозрительно осмотрел стены, покряхтел, пошевелил губами, будто считая. — Наверняка перед нами небольшая комнатка, это видно по расположению коридоров. Если найдешь нечто странное — руками не касайся, а расскажи нам. Понял?

Вторично зингарского короля упрямивать не пришлось. Селадас юркой гибкой ящерицей проник в расселину, я передал ему факел. Несколько мгновений царила тишина. Потом донесся приглушенный голос мальчишки:

— Ой, здесь мертвый! Настоящий мертвый скелет!

— Было бы интересно выяснить, что скелет — живой! Не бойся, он тебя не укусит, — Фрог вертелся возле щели, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть внутри. — Одежда сохранилась?



— Сейчас посмотрю... Да! Доспех, шлем необычный...

— Какой?

— Открытый, без забрала, с высоким гребнем. Я таких раньше не видел.

— Подтащи шлем к двери, хочу взглянуть!

Изнутри донесся неприятный стук — раскатились потревоженные кости.

— Поздний атренский стиль, — немедленно определил карлик, едва Селадас позволил ему разглядеть находку. — Подобные доспехи вышли из употребления лет четыреста тому назад. Отнесешь в любую антикварную лавку — получишь кучу денег. Малыш, брось шлем и посмотри — нет ли чего другого!

— Сударь, — проворчали изнутри, — Мое имя — Селадас. И впредь я просил бы называть меня именно так.

— Хорошо, хорошо, малыш, — нетерпеливо заскрипел карлик. — Какие-нибудь вещи, оружие?

— Ну... Меч, нагрудник, что-то вроде железной сумочки. Такая круглая, наподобие тубуса! Больше ничего! Голый камень!

— Тащи сумку сюда и немедленно вылезай!

Вскоре тонкие пальчики Фрога сжимали довольно крупный ребристый цилиндр с обрывками иссушенных долгими годами ремешков, которыми металлическая сумочка крепилась к поясу владельца. По ближайшему рассмотрению оказалось, что цилиндр сделан из бронзы и украшен темными серебряными накладками.



Шут быстро изучив тубус принялся отвинчивать крышку, поначалу долго не поддававшуюся его усилиям.

— Вот как, значит... — озадаченно сказал Фрог, одержав победу над строптивой бронзой и заглянув внутрь цилиндра. — Пергаменты! Я надеялся увидеть сокровища... Однако всем известно, что в истинном золоте блеска нет, а человеческая мысль изложенная на бумаге иногда бывает ценнее самого крупного алмаза!

Я предпочел бы с Фрогом не согласиться, но промолчал. Ему скажи слово — он ответит десятком.

— Как досадно! Листы чересчур высохли, ломаются, — огорчился карлик, когда свернутые в трубку пергаменты начали крошиться у него в руках. — Но кое-что мы все-таки выясним... Очень интересно!

Даже невозмутимый Гай наклонился над Фрогом, пытаясь рассмотреть старинные манускрипты, которые тот аккуратно расстилал на плитах пола, прижимая по углам маленькими камешками.

— Ротан, сколькими языками ты владеешь? — последовал крайне неуместный в данной ситуации вопрос.

— Аквилонским и некоторыми провинциальными диалектами нашего королевства, — непонимающе ответил я. — Зингарским и немедийским. Помню несколько фраз по-пиктски и на туранском.

— Тогда что, по твоему, ты здесь видишь?



Я всмотрелся в пергаментные листы, направив на них изъятый у Фрога фонарик. Планы, чертежи, масса рунических надписей — вероятно нордхеймских. Несколько стигийских, а если быть скрупулезным — позднекхарийских иероглифов.

— Карту вижу, — честно ответил я. — Могу прочесть руны, однако они не образуют складного текста.

— А я вижу другое, — задумчиво сказал Фрог. — Помните рунические обозначения над водяными каналами? Это, безусловно, тайнопись, предназначенная для хранителей лабиринта. Могу предположить, как умер человек, носивший с собой эти документы — он попал в ловушку! Дверь каким-то образом захлопнулась, когда он вошел в комнату, но механизм по неизвестной причине не сумел закрыть плиту до конца. Малыш... Тьфу, Селадас! Ты не заметил ничего необычного внутри? Именно *необычного, особенного*?

Молодой зингарец подумал, сморщил лоб и вдруг просиял:

— С той стороны на каменной двери много сколов! Будто гранит пытались рубить. А меч сильно выщерблен, такой только выбросить стоит! Наверное этот... умерший хотел отодвинуть или разбить плиту. Верно?

— Соображаешь, — похвалил Селадас шут. — Тебе следует забыть о королевском титуле и идти трудиться в тайную службу — поднимешься до поднебесных высот! Впрочем, это неважно.



Нашего неизвестного друга в доспехах и с набитой пергаментными поясной шкатулкой или заклеили в западню, или он сам туда угодил. По незнанию. И он не задохнулся, а умер от голода и жажды, дверь осталась приоткрыта! Вывод: несколько столетий назад этот таинственный неудачник что-то искал в наших подземельях. Ценности? Тайны? Секреты древности? Безнаказанно погулять по лабиринту ему не позволили и обрекли на смерть — человек наверняка звал на помощь и не дождался избавления! С этого момента удваиваем осторожность!

Фрог уселся на пол перед разложенными листками, поставил рядом фонарь, подпер кулачком подбородок и ушел в размышления. Скомандовал попутно:

— Посидите отдохните. В мешке можно найти перекусить. Главное — не отвлекайте меня.

Я хотел было возмутиться и сказать, что необходимо идти дальше, но запнулся на полуслове. Куда идти? Бесцельно блуждать по подземельям?

Оставалось надеяться, что в большой голове Фрога зародится спасительная мысль, и логический разум карлика подскажет верное решение.

* * *

— Ну, милые молодые люди, я кажется понял, какие серьезные неприятности мы низвергли на собственные головы, благодаря королю Селадасу, — Фрог взмахнул рукой, сметая перга-



менты, превращавшиеся в пыль. Заметив наши недоуменные взгляды карлик усмехнулся и постучал указательным пальцем по своему высокому морщинистому лбу. — Карта осталась в этой костяной шкатулке навсегда, не беспокойтесь. А вот теперь я с полной уверенностью могу сказать — ничего хорошего нас не ждет. И это самая приятная новость. Есть и похуже.

— А именно? — у меня заглохло сердце. По виду Фрога нельзя было сказать, что он шутит. Непривычно серьезен.

— Ротан, твой отец был одним из самых ученых людей страны и наверняка дал тебе достойное образование? — карлик пронзил меня взглядом и сделал паузу, дожидаясь ответа.

— Не скажу, что самое достойное... — поморщился я. — Барон Хальк желал, чтобы я принял в наследство должность библиотекаря и летописца, но моя душа лежит к другому.

— Понятно. Подраться, покутить, погарцевать на вороном жеребце на поле брани... Знакомо до боли в дупле коренного зуба. Но кое-что Юсдаль-старший обязан был вбить в твою дурную голову. Например, знание истории. Скажи, друг мой Ротан, что находилось на месте Тарантии до основания города?

— Ну... Какой-то поселок, замок древнего ярла.

— А до прихода на закат хайборийцев? Во времена Кхарийского государства?

— Говорят, тут стояла кхарийская крепость. Ее потом разметали по камешку.



— А до кхарийцев? — продолжал допытываться настырный Фрог.

— Никто не знает! Наверняка в этих местах обитали валузийцы, а до них, во времена величия — атланты.

— А еще раньше?

— Вот пристал! В такие глубины времени теперь никто не заглядывает! Говорят что-то о древнем черном боге, Роте-Всаднике, но Рота жил целых восемь тысяч лет назад! Или даже больше, если считать эпоху до Появления солнца...

— Рота у нас теперь живет, в Зингаре, — нехотя вставил Селадас. — В Рабирийских горах. Его зовут Эллар, он колдун!

— Это не сам Рота, это лишь его бессильное человеческое воплощение, — поморщился горбун. — А прежними временами он был величайшим из богов... Я, собственно, к чему? Мы с вами, насколько я понял, находимся на одной из линий обороны Тарантийской крепости.

— Как ты сказал? — наклонил голову Гай. — Крепости? Под землей? Чепуха!

— «Чепуха» — это твое нелепое существование на белом свете! — зло ощерился Фрог. — Не перебивайте! Крепость может не только обнести стенами город, защищая людей от вторжения извне. Крепость может оборонить и от нападения из глубин. Объясняю для дураков: случайно обнаруженные нами планы — есть секретнейшие бумаги королевской канцелярии короля Гвайнарда Седобородого. Одна из наиболее обе-



регаемых государственных тайн трех-четырёх-сотлетней давности! Наверное, она осталась таковой и поныне. Рассказать вам сказочку?

— Фрог, не время для забавных историй! — вспыхнул я. — Факелов мало, еды — кот наплакал. Хорошо хоть от жажды не умрем, каналы рядом!

— Не повышай голос на убогого, — невесело улыбнулся шут. — И выслушай. Тогда ты поймешь, о чем я хочу сказать.

* * *

...Десятки веков назад обширными землями Полуночи владел Великий Бог, не чуравшийся иметь телесное воплощение. Он, в отличие от иных богов, предпочитал повелевать смертными сам, а не через сообщества жрецов и магов.

Его имя было Рота, Черный Всадник, Скачущий в Ночи. Рассказывают, будто обитал он в удивительной крепости Лан-Гэллом, что переводится как «Долина Звездного Тумана». Теперь эта твердыня навеки скрыта водами Океана.

Чтобы сохранить власть, Рота призвал из Черной Бездны подземных духов огня, обитающих в огне и огонь порождающих. Назвали их Плетью Пламени и были они самыми верными и беспощадными слугами Роты. Огромные, невоплощенные чудовища, состоящие из дыма и первородного огня, поражающие врагов расплавленным бичом, против которого не устоять ни смертному, ни бессмертному.



Но случилось так, что в битве при Лан-Гэлом Рота был повержен и изгнан в Тьму Внешнюю, откуда богам нет возврата в обжитой мир. Хозяин ушел, но слуги остались. И были захоронены под необоримыми слоями земли, воды, воздуха и огня — четырех главнейших стихий.

Пламенные Плети живы доселе. Они жаждут вернуться к своему господину, но если господин исчез из мира навеки, то теперь им нужна лишь свобода.

И потерянная власть.

Так говорят самые древние легенды.

* * *

— Ротан, надеюсь ты читал летописи и воспоминания собственного отца? — стрельнул на меня взглядом карлик, закончив маленькую сказку. Потрескивали факела. — О его приключениях в неизмеримых глубинах Граскаала? Двадцать семь лет назад? Ничего похожего не вспоминаешь?

Я вспомнил. Это было как удар молнии! Перед глазами всплыли строки «Синей хроники», составленной Хальком Юсдалем в 1288 году, задолго до моего рождения.

Вот они.

«...Оно не походило ни на что, известное людям или оборотням. Среди опускающихся с потолка подгорного зала каменных сосулек струилась легкая переливчатая тень. Существо, проходящее неподалеку от



нас, напоминало силуэтом человека огромного роста с парой черных крыльев за спиной. Глаза светились багровым отблеском, темно-бордовые языки пламени окутывали тело... А в правой руке демон сжимал длинный, волочащийся по полу и оставляющий в камне выжженные углубления огненный кнут».

Я процитировал записи барона Халька почти наизусть. Вслух.

Фрог нахмурился. Выслушал. Прищелкнул языком.

Я заметил, как у Селадаса загорелись глаза — мальчишка соприкоснулся с самой настоящей тайной!

Помню как это слово, «тайна», привлекало меня в его возрасте. Но чем старше становишься, ты все больше понимаешь, что оно несет не романтику, а сплошные неприятности.

Гай выслушал тихо, не задал ни одного вопроса. Боссонец всегда предпочитал слушать, а не говорить. Ему нравилось золото, а не серебро, как сказал бы королевский шут.

— Точно, слово в слово, — кивнул Фрог. — Я читал «Синюю летопись». Тогда король Конан, барон Юсдаль и их друзья воочию увидели одного из демонов Пламенной Плети. Гномы называют из по другому — Огненные Бичи. Хотя, какая разница... Часть этих невероятных чудовищ никогда не служила Роте и осталась там, где предопределено — в вулканах, огненных горах, ибо они являются частью неподвластных никому стихий. Но другие, отведавшие власти — похоронены. И, если верить бумагам, которые я сумел



прочитать, некоторые обитают в недрах под Тарантией.

— Не может быть! — воскликнул я.

— Может. Теперь представьте: некий маг, сумевший отыскать сохранившиеся заклятия, способные подчинять Пламенные Плетки, этот ужас глубин, спускается вниз собирает армию непобедимых и... Месьоры, мы сделали величайшее открытие! Разгадали тайну подземной Тарантии! Первые короли Аквилонии знали, что внизу спят Древние! Но не стали переносить столицу, полагая, что сумеют охранить древнее демоническое захоронение! И начали расширять город, его укрепления, не только по поверхности земли, но и вниз, в глубины! Создали своеобразные рубежи обороны, выложили камнем подземные реки, способные затопить вырывающихся наружу чудовищ! Вода всегда противостояла огню, а если воды много — огонь погаснет. Тут, в этих галереях, до начала царствования короля Гвайнарда, была крепость. Крепость, оставшаяся в наследство от Алькоя и Олайета! Крепость глубин! Твердыня, способная защитить людей от возвращения огненных стражей Роты-Всадника! И мы случайно очутились в самом ее сердце.

— Это очень интересно, — вежливо сказал Гай. — Но где доказательства? Хотя зачем нам сейчас эти ненужные доказательства? С древними чудовищами пускай разбираются боги, надзирающие за нашей жизнью и бытием обитаемого мира! Когда мы вернемся в город, обязательно



расскажем королю о твоих мыслях. А лучше — ты сам... Фрог, как выйти наверх? Ты узнал? Нашел в старых пергаментях путь?

Карлик помолчал, как обычно сделал исковерканными губами несколько жующих движений, пискляво ругнулся под нос. И воззрился на нас.

— Если верить документам — выхода наверх нет. Стражи подземной крепости принимали клятву навсегда остаться под толщей камня. Подобно гномам. Раньше я ничего подобного не слышал, наверное этот обычай забылся в эпоху бурного царствования Сигиберта. Человека сюда впускали — а выйти было невозможно. Добровольная пожизненная тюрьма. Особая подземная гвардия, тайный орден, связанный клятвами и кровью... Понимаете? Войти можно, выйти — нет. Я быстро расшифровал руническую тайнопись — тогда пользовались весьма примитивными шифрами. Это — наш приговор.

— Но почему тайная стража ушла отсюда при Сигиберте? — вскричал я. — Они же выбрались наружу? Как?

— Не знаю. Будем думать. Кстати, мы не умрем с голоду. На плане остались отметки, там можно найти склады...

— Не думаю, что за несколько столетий зерно и сыр сохранили первозданную свежесть... — заметил Гай. — Значит, выходов нет? Вообще?

— Будем думать, — твердо сказал Фрог. — Пойми, даже если тебя съели, у тебя всегда есть два выхода!



На этой глубокомысленной фразе шута мы и закончили разговор.

Впереди маячила тягостная неизвестность.

И полнейшая тьма. В запасе осталось всего шесть факелов.

* * *

— Удивительно, но прежде никто не догадывался о замыслах Первых королей! Во времена Эпимитриуса Тарантия являлась сторожевой крепостью, защищая правобережье Хорота от вторжений кхарийцев, уцелевших после разрушения Пифона, и одновременно началось строительство подземных укреплений! Нам сотнями лет твердили, будто катакомбы — это всего лишь пустые выработки каменных копей, а оказалось, что короли и посвященные в тайну приближенные монархов благополучно обманывали подданных. Это разумно — если весть о том, что столица выстроена на эдакой «пробке», затыкающей ход в глубинную обитель Духов Огня, народ испугается, а возможно, и запаникует. Секрет оберегали настолько тщательно, что не сохранилось даже слухов...

— Зато намеренно распространялись другие слухи, — сказал я в ответ на размышления Фрога. — О разбойниках, о хищных тварях живущих в подземных галереях. О магии и тайных святилищах...

— Верно. Следовало отбить у любопытных желание спускаться вниз, — согласился горбун.



— До восшествия на трон короля Вилера первые два-три яруса были заселены нищими, но Вилер и их изгнал. Заботился о сохранении тайны коронованных предков. Видимо, секрет подземного замка передавался каждым государем своему наследнику лично, а записи не велись или не сохранились. Теперь понятно, почему Конан Канах ничего не знал о невидимой крепости — Нумедес так или иначе не мог сообщить узурпатору тайну, ибо погиб в ночь переворота 1288 года...

— А все-таки, что было написано на пергаментах, которые нашел Селада? — вяло поинтересовался Гай.

— Да-да, мне тоже любопытно! — подался вперед зингарец. Мальчишка был единственным, кто за прошедшие часы не обуялся плохо скрываемым унынием. Селада по прежнему считал, что все происходящее — только интересное приключение и ничего больше.

— В основе — это были планы нескольких ярусов замка, — развел руками Фрог. — указания переходов, каналов, шлюзов, через которые в глубины можно направить воду из Хорота или подземных рек. Словом, подробная карта. Мы теперь находимся на третьем сверху этаже крепости, всего их — девять. Ниже начинаются природные каверны и трещины, ведущие в обиталища Погребенных. Крепость имеет форму близкую к круглой, она действительно похожа на огромную пробку, которой заткнули бутылку. Расположение коридоров только с первого взгляда



кажется бессистемным. В действительности они расходятся от центра концентрическими кругами и связаны длинными проходами, причем каждый имеет свое руническое обозначение. Пример: в самом центре нашего этажа расположен главный зал. Его обозначают руной «ферт». Первый круговой коридор, обводящий зал, помечен рунами «ферт» и «уруз». Второй, соответственно — «ферт», «уруз» и «турс». И так далее. Проходы, которые подобно солнечным лучам рассекают круг от его середины до линии окружности, то есть внешних «стен» крепости, тоже имеют рунические обозначения. Если смотреть сверху, каждый увидит, что постройка изрядно смахивает на колесо телеги — втулка, восемь спиц... Заблудиться в крепости может только законченный дурак.

— Тогда где мы сейчас? — спросил я.

Горбун встал, прошелся по галерее, выискивая надписи и наконец остановился под аркой, на которой были выведены поблекшие знаки. Забормотал:

— Значит, если «ферт» — это первая руна асирского алфавита, то «райда» — пятая... Главный лучевой коридор идет от центра четко на Полночь, а до Полуденного таких ходов еще три, значит... Понятно! Мы стоим на углу четвертой круговой галереи и прохода ведущего на Полуденный восход! Замечательно! Идемте! Мне не терпится взглянуть на главный зал и склады возле второй от середины галереи! Надеюсь, прежние хранители крепости не успели вывезти



отсюда некоторые вещи — должны же они были оставить часть припасов на случай войны или какого-нибудь непредвиденного бедствия?

Фрог с невероятно самоуверенным видом повернул в прямой как стрела коридор и, увлекая нас за собой, продолжил самозабвенно проповедовать:

— Не исключаю, что подземная крепость в древние времена служила не только как оборонительное сооружение от опасности, сокрытой в недрах. Тут сухо, чисто, можно разместить сокровищницы или хранилища продуктов! Да и стражи Неизвестной Тарантии нуждались в пище, постоянных источниках освещения... Видимо, численность подземной гвардии была невеликой и часть стражей могла состоять из монахов-митрианцев, решившихся навсегда покинуть бренный мир и предаться благочестивым размышлениям в невидимой обители...

— Смотрите, мост! — воскликнул Селадас, когда две круговых галереи остались позади. — Интересно, зачем он здесь?

Предпоследний (перед центральным залом) кольцеобразный коридор оказался затоплен, это было полное подобие уже встречавшихся нам каналов. Через водную преграду и был переброшен узкий подъемный мостик. На наше счастье он находился в опущенном положении.

— Стоять! — горбун замер у самой кромки воды. — Не будем доверяться обманчивому впечатлению безопасности... Крепость тайная, а как мы выяснили здешняя охрана к незванным гос-



тям относилась без всякого уважения. Ловушки для непосвященных они устраивали нечасто, но со знанием дела. Что-то больно гостеприимно выглядит этот прелестный мостик... Селадас! Найди камень покрупнее!

Вскоре я и зингарский король притащили из соседних проходов несколько крошащихся базальтовых обломков.

— Фрог, это бессмысленно, — вставил свое веское слово Гай, пристально разглядывая мостки. — Мост выглядит довольно крепким, подъемный механизм не поврежден, канатики не веревочные, а свиты из стальной проволоки... Выдержит обязательно!

— Отойди, — рыкнул Фрог, взял в левую ладонь полдесятка камней, прихватил в правую самый большой, прицелился, размахнулся...

Ничего.

Обломок разбился от удара, мелкая крошка покатила по толстым, оплетенным железными полосами доскам, часть свалилась в воду с тихим всплеском.

Второй камень, третий, четвертый... Никаких результатов. Тишина и благолепие. Нет здесь никакой коварной западни! Фрог смотрел разочарованно.

— Но я же чувствую! — с надрывом воскликнул он. — Прямо-таки всей кожей ощущаю — дело нечисто!

— Фрог, ты чересчур утомился, — снисходительно проговорил я, не церемонясь отодвинул горбуна и шагнул на мостик. Быстро прошелся



туда и обратно, легонько подпрыгнул. Рассмеялся.

...И был ухвачен крепкой рукой Гая за ворот. Гай мгновенным движением буквально выдернул меня с моста, швырнув на пол галереи.

Дальнейшее я затрудняюсь описать. Черная вода вскипела, забулжила, покрылась серой противной пеной, из-под мостика полезло что-то длинное и извивающееся, сразу напугавшее клубок змей, потом на камень выползло зеленоватое студенистое тело, коему и принадлежали вытягивающиеся щупальца — десятки разбросанных по туловищу круглых глазок со щелями неподвижных зрачков, распыленные пасти с терками мелких зубов, какие-то шевелящиеся ворсинки, бахромы ножек... Отвратительное зрелище. Никогда не думал, что подобные твари вообще могут существовать на свете.

— Бежим! — взвизгнул Фрог, сцапал ошеломленного Селадаса за руку и потащил по коридору. Меня и Гая тоже не пришлось долго уговаривать — тварь была слишком несимпатичной и имела бессмысленно-угрожающий вид.

На четвертом или пятом шаге я упал: что-то тонкое и очень прочное оплело мою ногу. Резко заболела лодыжка — ее будто перетянуло стальной арбалетной тетивой. Не спасал и толстый походный саног воловьей кожи.

— Зажри тебя Нергал! — в голос заорал я, мешком шлепаясь на прохладный камень. Гай мигом повернул обратно, выхватывая кинжал. — Пошла прочь, тварь!



Обитатель подземных вод выбросил тонкое, как ус гороха, щупальце с коготочком на конце, оно обвило мою ногу наподобие аркана и сжималось с невероятной силой. Сам водяной зверь больше чем наполовину вылез на берег, десятки его рук ползли в мою сторону, а десятки глазок чудища смотрели на меня с хладнокровным бесстрашием.

Гай рубанул по бледно-зеленому отростку, но острейший кинжал не сумел отсечь щупальце зверя — оно оказалось упругим до невероятия. Гай ткнул факелом — безуспешно. А новые руки-змеи существа подползали все ближе и ближе. Вот теперь я испугался по-настоящему.

— Сапог! Сапог сбрасывай! — раненым быком взревел Гай, схватил меня под мышки и начал тянуть в противоположную от канала сторону. Сапог сползал неохотно, но в самый последний момент все же соскочил и щупальце немедленно потащило его к туловищу зверя. Я успел заметить, как моя злосчастная обувка исчезла в одной из зубастых пастей твари.

— Сожрал, подлец! — выдохнул я, и прихрамывая рванул след за Гаем. Нога болела нестерпимо. — Боги, да что это было?

— Не уверен, что я хочу это знать, — выдохнул Гай. — Жуть какая!

Фрог и Селадас ожидали рядом с поворотом в пятый круговой коридор, обозначенный набором рун от «ферт» до «кано». Преследования не замечалось. Скорее всего страж побаивался отходить далеко от воды.



— Покажи ногу! — немедленно потребовал карлик. Я уселся возле стены, пытаюсь отдышаться, а Фрог быстро разрезал кожаную штанину, и присвистнул. Было видно, что на коже остались ярко-красные следы. Будто после удавки. Но до крови голень не порезало.

— Отделались легким испугом, — заключил горбун. — Обменяли стоптанный сапог на наши жизни — выгодная сделка. Знаете, кого мы повстречали? В детстве, когда я из-за болезни не мог играть со сверстниками и был прикован к своей комнате, будто к тюремной камере, я прочитал все книги из библиотеки замка Логан. Особенно увлекался воспоминаниями путешественников. Это животное упомянуто и в «Странствиях барона Харта Альзаса по морям Полудня» и в «Описании царства зверей, рыб и птиц» знаменитого ученого мужа Орибазия Достопочтенного.

— Значит, это не демон? — поинтересовался Гай.

— Обычный хищник. Бывали на Побережье, видели медуз? Наше чудище является отдаленным родственником медуз, но обитает в пресной воде, в реках Дарфара. Способна вырасти до впечатляющих размеров. Очень опасна и ядовита. Царьки Полуденного материка используют этих животных в качестве охранников своих крепостей — запускают в ров несколько штук, кормят. А когда тварь подрастет и начнет охотиться, лучшего стража не найти! Но! Было замечено, что зверюга проявляет агрессив-



ность только услышав некий особенный звук или когда очень голодна. Несомненно, сейчас мы столкнулись с этими двумя особенностями. Полагаю, тварь живет впроголодь, а когда Ротан неосмотрительно прошелся по мостику, доски несколько необычно скрипнули — я это услышал. Мастера, создававшие мост сделали так, чтобы любой неосторожный припелец наступил на особое место, издающее надлежащий сигнал, привлекающий тварь...

— Но если подземную крепость покинули три-четыре столетия назад, и чудище не кормили, то... То как оно выжило? — озадаченно спросил я. — Или оно бессмертно?

— Если животных было несколько, они могли размножаться и поедать своих потомков... Кроме того, откуда мы знаем, вдруг каналы связаны с руслом Хорота и в них обитает рыба? Гай, сходи посмотри, зверь еще не вернулся в воду? Ротан, хлебни вина из фляги, тебе будет полезно. Так или иначе мы обязаны прорваться к центральному залу крепости! Возможно, там отыщется путь к спасению.

Гай ушел на разведку, а Фрог неустанно тархтел, обращаясь ко мне и Селадасу:

— Я, признаться, потрясен! Доставить в Аквилонию несколько детенышей этого опасного животного, сохранить в дороге, кормить, лелеять... Содержать многорукую тварь гораздо сложнее, чем леопарда или нордхеймского мамонта! Какие силы, какие средства были израсходованы на строительство и обустройство подземной кре-



пости! И никто, кроме посвященных, не знал о ней! Теперь я готов поверить в легенды о наших великих и мудрых предках, превосходящих своих бессильных внуков в любом деле!

— Зверь сидит на берегу и не желает уходить, — появившийся из мрака Гай был встревожен и недоволен. — Я швырялся камнями, но он их ловил и отправлял в рот... Думаю, тварюга устроилась возле моста надолго. Очень уж ей хочется пообедать.

— Обойдем! — решил карлик. — Доберемся до следующего кругового коридора, выйдем на лучевой и попробуем снова. Если мы сдадимся — всю жизнь проведем в затхлых подвалах! Ротан, идти можешь?

— Могу, конечно, — прокряхтел я, заодно скидывая уцелевший сапог. Босиком идти не очень удобно, зато не придется хромать. — Изумляюсь твоей решимости и жизнерадостности, о королевский шут!

— А мне просто нечего терять, — осканился Фрог. — Все уже потеряно при рождении, когда я появился на свет... таким. Таким необычным.

— Кстати, я всегда терялся в догадках, почему ты прижился при дворе Конана? — спросил я, поднимаясь. — Король-варвар недолюбливал... не совсем обычных людей. И шутов. А тебя Конан уважал. Конн тоже благоволил...

— Я оказал киммерийцу одну маленькую услугу. Совсем незначительную, — отмахнулся Фрог. — И попросился к варвару шутлом, не в канцлеры же метить?.. Потом расскажу эту бай-



ку. Когда — и если! — выберемся. Обещаю твердо...

Поворот налево, больше сотни шагов до следующего коридора-луча, идущего от середины круга к его краям, вновь налево. Это уже была галерея ведущая строго на Восход. Еще один мостик — такой, как и прежде. Никаких признаков присутствия зубастой и рукастой твари, порожденной тягучими илистыми реками таинственного Дарфара.

— Зверь неподалеку! — пригрозил Фрог, рассматривая мост. — Наступим на сигнальную доску — он появится немедленно, и единственным проглоченным сапогом мы теперь не откупимся... Пойдите, кажется я понял ход мыслей строителя лабиринта! Нормальный человек, увидев мост, не размышляя по нему пройдет. Своими ножками. И даст сигнал чудищу. Наверняка, посвященные знали как избежать появления тревожащего звука, но мы ведь не знаем... Когда я прошлый раз бросал камни, сигнал не последовал, очень уж слабым оказалось воздействие булыжников. Мысль такова: стоя на ногах человек очень тяжел, он давит всем своим весом на подошвы сапог! На тяжесть невнимательного гостя и рассчитана ловушка. А когда мы лежим, наш вес равномерно распределяется по всей длине тела! Мост следует не переходить, а аккуратно переползать! Уяснили?

Горбун опустил на четвереньки, затем улегся и быстро пополз вперед. Как я не прислушивался, предательский скрип не возник.



Фрог уже находился на противоположном берегу. Жестами звал нас.

Первым пополз зингарский король, явно решивший слушаться невзрачного, но решительного и хитрого уродца, потом я, а за мной — Гай. Только под его немалым весом дерево мостков прогнулось и тонко запел сигнал. Но мы уже вскочили и со всех ног бросились к главному залу крепостного яруса. Оглянувшись, я узрел, как водяное чудище выбрасывает на берег тонкие, бессильно шевелившиеся щупальца.

— Восхитительно! — тонкие взвизгивающие крики вырвавшегося вперед Фрога донеслись откуда-то спереди. — Скорее сюда! На такое стоит взглянуть!

Свет. Настоящий дневной свет! Откуда он здесь, в глубинах забытой твердыни?

Я, король Селадас и Гай ворвались с огромный зал с высоким куполом и остановились в недоумении.

Это было красиво и жутко одновременно.

Маленький горбатый карлик портил все впечатление — Фрог бегал кругами, воздевал руки, нечленораздельно голосил и неразборчиво возторгался. Ему здесь нравилось, это точно.





Запись четвертая,

*в которой мы изучаем чудеса
Подземной крепости, а затем низвергаемся
в таинственные глубины...*



Ракие чувства возникают у верного подданного трона, когда на главной башне столицы поднимается знамя государства, флейты и трубы, вкупе с хором выводят «Аквилонскую песнь», а король, восседая на белом коне возглавляет торжественный парад гвардейских сотен?

Ликование, прозрачная, видимая радость, ощущение гордости за свое великое королевство сливаются в одно чувство, которому пока не придумали названия. Слышал я такое ученое словечко: «катарсис». Оно означает высшую степень душевного подъема и восторга, то самое настоящее счастье, которое, вроде бы, недостижимо смертному...

Ничего подобного!
Достижимо. Вполне.



Именно такой катарсис я получил в полной мере, оказавшись в центральной зале третьего яруса удивительного сооружения, возведенного нашими предками.

Не знаю, как они это сделали. Они — древние строители, сумевшие идеально сочетать грубые и мрачные катакомбы с настоящим храмом света и сияния, раскинувшимся глубоко под улицами «верхнего» города.

Архитектор, возводивший подземные укрепления, видимо, пользовался советами богов. В зале никогда не требовались светильники — под куполом громоздилась хитрейшая система зеркал, рассеивавших и усиливавших лучи естественных светил, неким чудесным поступавшие сверху. Если днем это помещение (в котором, само собой, не имелось ни одного окна или заметной глазу посетителя световой шахты, ведущей наружу) освещалось мягкими солнечными лучами, то безоблачными ночами его наверняка окутывала таинственная серебристая синева звезд и луны, восходившей над миром после заката.

Откуда сейчас распространялся свет, не понял и искушенный во всяческих хитростях Фрог — закатное солнце проникало в закрытое со всех сторон помещение будто по велению удивительного волшебства...

...Проникало и ложилось на янтарь. Статуя Митры в центре зала, инкрустация арок, ведущих в лучевые коридоры, мозаика на полу и стенах — на изготовление любой вещи пошли «морские слезы», чудесный материал, во множе-



стве добывавшийся на побережье Нордхейма и в полуночной Гиперборее. Зал будто светился изнутри, человек ощущал себя здесь так, словно он оказался в центре сгустка Неугасимого Жара, из которого был создан мир.

— Здесь было святилище! — орал королевский шут, беспорядочно жестикулируя. — Видите изваяние Солнечного бога и его символику на алтаре? Люди верили, что Пресветлый защитит город от неведомой угрозы... Не знаю, как обстоят дела на прочих ярусах крепости, но я предполагаю, что в каждом центральном зале обязательно должно быть нечто особенное и столь же великолепное! Эх, кто мне объяснит, как сюда доставляются солнечные лучи? Видите, видите, освещение становится более тусклым — это означает, что на поверхности заходит солнце! И как красиво — янтарь пылает золотом и багрянцем, всеми мыслимыми оттенками, меняя цвета с каждым мигом!

Да, зрелище умопомрачительное. Никогда не видел ничего красивее и роскопнее. Янтарь, золото, снова янтарь, желтая яшма и опять янтарь... Сколько же средств казны сюда вложили прежние короли! Сколько усилий потрачено создателями!

Главный зал резко контрастировал с невзрачными и пыльными переходами внешних коридоров, но почему так было задумано — теперь никто не догадается.

— Фрог! — я довольно резко оборвал излияния карлика, не устававшего громко воздавать



хвалы мудрости и умениям древних. Селадас, вдоволь отвосхищавшись, вынул ножичек и сделал несколько безуспешных попыток выковырять янтарные плитки. — Фрог! Не забыл, нам надо идти наверх! Если судьба позволит, мы сюда обязательно вернемся и вдоволь насладимся чудесами прошлого. Мы голодны. Мы устали. Неподалеку нас подстерегают водяные чудовища... Фрог, уймись. Надо выбираться.

— Справедливо, — горбун оборвал себя на полуслове, вновь приобретая сосредоточенный вид. — Карту я запомнил наизусть... Вы наверняка хотите покушать? Попробуем это устроить. Пусть Солнцезарный Митра (шут отбил неловкий поклон в сторону громаздящегося посередине залы изваяния) не позволит мне ошибиться. Заметим, статуя традиционно повернута лицом к Полудню, туда же обращен алтарь. Отлично! Теперь, когда мне известны стороны света, мы можем начать разыскания. Нам нужен первый круговой коридор «ферт-уруз», Восходная сторона, двери обозначенные рунами «науд-инг», то есть «нужда» и «богатство». Хранилища крепости именовались не числительными, а смысловыми значениями рун, как я понял. За мной!

Следуя за неугомонным речистым коротышкой, мы свернули в коридор обходящий кольцом главный зал. Фрог, быстро нашел нужную дверь. Обычная каменная плита, каких мы в достатке видели раньше.

— А как открыть? — озадачился Гай, взирая на гранит. — Механизм?



— Скорее, магия, — Фрог оттеснил гвардейца от двери, почесал в загривке, дотронулся до нескрушимого камня. — Кажется, догадался! Руна — это слово, понятие, звук. Любая магия основана на сочетании звуков и тайного смысла. Вовсе не надо быть волшебником, чтобы открыть заслон. «Науд» и «Инг» обозначают содержимое комнаты. А другая руна — «Тьюр», всегда является знаком повеления. Смотрите!

Фрог внятно, по очереди произнес имена трех рун. Плита не шелохнулась.

— Значит, «Повеление» надо было ставить в начале заклинания, — упрямо сказал карлик. — Попробуем снова. Тьюр! Науд! Инг!

Тяжеленный прямоугольник белого гранита медленно отполз в сторону, явив проход в большую квадратную комнату. Селадас восхищенно захлопал в ладоши.

— Захотим закрыть, — самодовольно заявил Фрог, — добавим к заклинанию руну «Иса», отвечающую за финал задуманного дела! Как просто! Наверняка, эти помещения строились при помощи гномов — знакомая магия, рудознатцы пользуются такими же рунами...

— Ты еще и колдун? — усмехнулся я. — Не предполагал, что самозванный шут короля владеет магией!

— Ничего подобного! — возмущенно отрекся Фрог. — Просто я умею думать, а все прочитанное или услышанное навсегда откладываю на запыленные полочки моей памяти. В отцовском замке мне приходилось читать трактат о руни-



ческой магии — самой простой и незамысловатой из всех разновидностей волшебства, доступного почти каждому человеку. И только подумайте, пригодилось! Почаще проводите время в библиотеке за мудрыми трактатами, а не расходуйте целые дни на ратные потехи! Чтение дарует сообразительность... Это бесплатный совет, молодые месьюры.

— Молодые... — эхом повторил Гай. — Фрог, извини за неуместное любопытство, но сколько тебе лет?

— Тридцать два года от рождения, — скривился горбун. — Да, представьте себе. Из них двадцать пять я непрерывно провел за книгами. Полагаю, за такое время вполне можно получить образование, достойное самого выдающегося преподавателя из Обители Мудрости нашей столицы.

— Здорово! — ахнул Селадас. — Наверное, за двадцать пять лет ты прочитал уйму книжек!

— Гораздо больше, чем ты думаешь, — снисходительно проворчал карлик и взглянул на открытую дверь. — Заглянем? Вдруг найдем нечто интересное?

Сундуки. Ящики, обшитые толстой шерпавой кожей гипшотавров. Несколько кувшинов, наглухо запечатанных политыми черной смолой пробками. Я вскрыл один, обнаружив внутри отлично сохранившееся ламповое масло. На железной подставке — десяток ламп со слюдяными зеркалами. Понятно, для чего приберегались кувшины.



Фрог в это время рылся в кипе пергаментов, валявшихся на низком столе.

Гай сторожил у входа и на всякий случай передвинул в проем большущий сундук — вдруг дверь закроется? Селадас предпочел остаться снаружи — не забыл о судьбе обнаруженного недавно мертвеца.

— Это опись хранящихся здесь ценностей! — провозгласил Фрог, осмотрев пергаменты. — Написано на староаквилонском, и в целом подлинность рукописи не вызывает сомнений. Ротан, будь любезен, вскрой... Вскрой во-он тот большой ящик, помеченный печатью со львом!

Замок долго не поддавался острию кинжала, однако современность оказала верх над старинной. Скрипнули невидимые пружины, я откинул крышку. Под ней виднелась темная промасленная ткань. А под ней...

Все виды и разновидности драгоценных камней, граненых и необработанных, мешочки с золотыми самородками, чудесные старинные изделия. Потрясающее своей красотой навершие посоха, украшенное узором из сапфиров и изумрудов. Жемчуг. Топазы. Редкостный зеленый аметист. Статуэтки из фиолетового чароита, ценящегося наравне с бесценным опалом. Кристаллы хрусталя. Квадратные слитки платины с клеймами давних аквилонских королей. Перстни с незнакомыми гербами.

С ума сойти!

Если все ящики, хранящиеся в комнате забиты камнями и золотом, то здесь собрано больше



драгоценностей, чем наличествует ныне в казне Аквилонии! А если и меньше, то ненамного!

— Ничего интересного, — заявил Фрог, бесстрастно осмотрев содержимое ящика. — Сейчас деньги нам не нужны. Я догадывался, что древние государи считали подземную крепость надежной сокровищницей и отправили сюда часть нерастраченных богатств... Или это приношения святилищу Митры, подарки божеству? Ротан, ничего не трогай! Сокровища нам не принадлежат, не следует покушаться на чужие богатства. Однако, пойдем дальше. Нам требуется нечто другое.

— Что именно? — переспросил я, заморожено глядя на камни и золото, мерцающие под огнем факела.

— Наши жизни. Придется повоевать с подземельем за обладание этой единственной и неповторимой ценностью. Надеюсь, война окажется победоносной...

* * *

Увы, но пристальное обследование располагавшихся в первом круговом коридоре складских помещений, принесло крайне скудные результаты.

Всего комнат оказалось восемь, как раз по числу коридоров, лучами расходившихся от зала-святилища. В трех было пусто, две комнаты оказались доверху забиты тяжелыми золотыми слитками с вычеканенным вензелем короля Да-



гоберта Шестого (это означало, что уже четыре-ста пятьдесят лет назад сокровищницы были заполнены), и только в предпоследней комнате мы обнаружили требуемое: связки факелов, запечатанные кувшины с горючей «боссонской смесью», в которую окунают черенок с намотанной на него шерстью, старинные зеркальные лампы и непонятные ящички, содержимым которых не медленно заинтересовался Фрог.

— Очень интересно, — гнусил карлик, вскрыв одну из медных коробок, размером примерно локоть на поллоктя. К самому ящичку был приделан кожаный ремень, по прошествии лет совершенно иссохший. — Что бы это могло быть? Посветите, я хочу разобраться!

Мы встали в кружок, наблюдая, как наш ретивый проводник вынимает из коробки странные штыри черного металла, в чем-то похожие на арбалетные болты. Девять аккуратно уложенных стержней разнились только набором зазубрин с узкого конца и украшением на широком — на оконечье каждого стержня был закреплен тщательно ограненный цветной камень.

— Почти весь набор радужного спектра, — прищелкнув языком сказал Фрог. — Изумруд, сапфир, рубин, белый жемчуг — только посмотрите, какой крупный! — янтарь, топаз... Ого! Черный алмаз, причем настоящий, не подделка! Ничего не понимаю! Зачем хранителям крепости понадобились эти стержни?

— Может быть, это набор ключей? — здраво предположил Селадас.



— Возможно... Однако, тут не меньше десятка подобных ящичков! — Фрог поднял крышку на другой коробке, внутри которой находились совершенно аналогичные вещицы. — Да, похоже на ключи. Только от каких дверей? Замечу: на карте этого яруса я не заметил никаких отметок, указывающих на лестницу, ведущую наверх или вниз, а если таковая и есть, я не думаю, что хозяева крепости запирали проход на целых девять замков... Хватит и одного, достаточно хитроумного.

— А я такую штуковину уже видел! — вдруг оговорил нас Селадас. — Она валялась возле скелета, рядом с которым я нашел карты...

— Так что ж ты раньше молчал?! — рявкнул Фрог, но мигом остыл. — Ты просто не обратил на нее внимания — кому нужна старая железка? Она лежала на костях?

— Рядом, — кивнул мальчишка. — Я ее ногой оттолкнул. Помню, при свете факела блеснуло желтым, словно золотом или янтарем.

— Желтым, желтым... — быстро пробормотал карлик. — Зажри меня Сет, отгадка совсем рядом, но я не могу нащупать истину! Хорошо! Забирайте факелы, лампы, идем осматриваться дальше. А ящичек я приберу — пригодится. Унесу хоть что-то на память о городе-призраке...

Наконец, мы вскрыли последнюю, восьмую комнату. И тут пусто. Я недовольно сплюнул и хотел повернуть назад, однако тонкие пальчики горбуна вцепились мне в штанину.



— А ну постой... Гай, Селадас, огонь сюда! Ничего странного не замечаете?

— Такое же помещение, что и семь уже осмотренных, — самоуверенно заявил я, но при этом замечая свою неправоту.

Если прежние комнаты-склады были выложены камнем, то эти стены отсвечивали гладким отполированным металлом. На углах и потолке следы клепки.

— Зайдем! — Фрог прошмыгнул внутрь и задрал голову. — Комната обшита бронзовыми листами, только дверь каменная... Очень странно.

— Может, здесь хранили особенно ценные вещи, а потом вывезли? — предположил Гай.

— Ответ на загадку и проще, и сложнее одновременно, — процедил горбун и внезапно взвизгнул так громко, что мы втроем вздрогнули. — Есть! Вот она, лестница на другие ярусы! Следовало сразу догадаться! Не зря меня кличут дураком!

— Не ори, а объясни по-человечески, — потребовал я, но Фрог ухватился за найденную коробку с непонятными штырьками и вытащил первый попавшийся стержень.

— Сходится! — ликовал карлик. — У мертвеца был желтый ключ! Святилище Митры отделано янтарем и золотом, цветами Солнечного бога! Смотрите. — вот и замочные скважины!

На дальней стене действительно обнаружили девять узких прорезей, черневших на высоте груди человека.



— И как же действует этот замок? — озадачился я.

— Каждый ключ соответствует одному из ярусов-этажей подземного замка, — пустился в объяснения Фрог. — По цвету. Желтый, с янтарным наконечником — знак Митры, оберегающего третий сверху уровень крепости. Одна беда — нам неизвестно, как расположены остальные ярусы. Придется повозиться, чтобы подобрать нужный ключ к первому, самому верхнему.

Горбун взял стержень с сапфиром, рассудив, что синий цвет может символизировать голубое небо, к которому мы так стремились, потыкал им в крайнее слева отверстие, но ключ застрял. Пришлось приложить немало усилий, чтобы его вынуть.

Только с четвертой попытки зазубрины стержня вошли в соприкосновение с механизмом замка — ключ по самое навершие вошел в четвертую левую скважину.

Фрог, с самым торжествующим видом повернул штырь, но... ничего не произошло. Только где-то за стеной приглушенно щелкнуло.

— Неудача! — Фрог, похоже, ничуть не расстроился. — Ага, кажется знаю в чем трудность. Заходите внутрь. Да заходите же, я никого не обижу, куда мне, маленькому и слабому... Нечего бояться! Хуже не будет!

Горбун на мгновение выглянул в коридор, снова прочел руны, вернулся, простер над головой руки, уподобляясь завязтому волшебнику, громко произнес имена магических символов,



добавив в финале руну «Иса» — знак окончания любого дела.

Тяжеленная каменная плита сдвинулась, повернулась вокруг вертикальной оси и наглухо запечатала комнату. Мы оказались в запертом каземате. Язычки пламени фонариков едва заметно колыхнулись.

— Если мы не выберемся в коридор через полколокола — задохнемся! — напомнил я Фрогу. — Лампы сильно коптят...

— Выберемся! — беззаботно отмахнулся Фрог. — Только вот вопрос — куда? Теперь приготовьтесь — строители крепости были изрядными выдумщиками и мы увидим нечто неожиданное...

Королевский шут снова повернул ключ. Абсолютная тишина нарушалась только нашим напряженным дыханием и потрескиванием ламповых фитильков.

— Как обидно! — через некоторое время воскликнул Фрог. — Это настоящий обман! Почему не действует?

— Тихо! — воскликнул Гай, поднимая руку. — Ничего не замечаете?

Издали донесся постепенно усиливающийся шум водного потока. Пол под ногами ошутимо вздрогнул. И вдруг каменная дверь, ведущая в круговой тоннель поползла вверх...

— Митра Пресвятой... — только и выдохнула я, а испуганный Селадас прижался к Гаю. — Мы опускаемся! Комната опускается!

— Нашли диковину! — презрительно фыркнул карлик. — Старая шутка, правда, редкост-



ная. Скорее всего, ключом приводится в действие механика, открывающая плюз на подземной реке. Падающая вода приводит в действие другой механизм, вроде водяной мельницы. Вращаются шестеренки, натягивающие канаты, и бронзовая коробка, в которой мы находимся, начинает двигаться по вертикальной шахте... Жаль, что я перепутал символику ключей и случайно выбрал неверное направление. Но ничего — теперь мы знаем смысл действия здешней механики и скоро поднимемся на верхний ярус! А оттуда — в город! Замечу, такие водяные подъемники часто используются в Стигии при постройке пирамид. Я читал...

— А о том, куда нас везут, ты не читал? — огрызнулся я. — В царство Нергала? Смотри, новая дверь...

Бронзовая комната опустилась на три яруса и внезапно остановилась перед каменной плитой, в точности копирующей все прежние.

— Мы были на третьем сверху этаже, оказались на шестом, — проговорил Фрог. — Выглянем наружу? Ведь интересно!

И, не дожидаясь всеобщего согласия, карлик вскрыл дверь уже знакомым набором рун. Нехитрое заклинание подействовало безукоризненно.

— Из-за его интереса мы пропустим торжественный ужин в замке, — доверительно сообщил я Гаю и Селадасу. — А ведь государь Пограничья и король гномов Дьюрин наверняка уже приехали в Тарантию...



— Матушка на ужин не пойдет, — огорченно сказал зингарский король. — Она, наверное, беспокоится за меня. Признаюсь, я бы очень хотел посмотреть на короля Эртеля — никогда не видел настоящего живого оборотня. Мы скоро вернемся домой?

— Успеется, — я потрепал мальчишку по голове и шагнул в темень коридора. — Фрог успел исчезнуть из виду, скрывшись за поворотом. — Гордись: потом будешь всем рассказывать, как побывал в тайном городе, построенном под землей. Уверен, раньше никому не доводилось участвовать в таком необычном приключении!

Верно, приключение необычное. И это весьма мягко сказано. Если произвести нехитрые подсчеты, то выйдет, что самый нижний, девятый ярус Невидимой Тарантии расположен на весьма изрядной глубине. Возьмем самое высокое сооружение столицы — донжон королевского дворца возносящийся к небу на целых девяносто локтей — надстроим башню вдвое, закопаем в землю и все равно получится, что рядом с древним сооружением донжон будет выглядеть довольно жалко. Неужели исходящая из глубин опасность была настолько велика, что аквилонские короли не жалея сил и средств возводили (тайно!) этот невероятный замок?

Не думаю, что мне хочется разгадать этот секрет прежних эпох... Меньше знаешь — крепче спишь.

— Эй, где вы застряли?! — разнесся по лабиринту голосок Фрога. — Взгляните! Я был непо-



грешимо прав — на каждом ярусе устроен храм, посвященный одному из божеств нашего материка! Сапфировый цвет ключа означал лазурные покровы Иштар! Мы во владениях богини добра и любви... Идите же, насладитесь зрелищем. Здесь еще красивее!

* * *

Если бы Фрог знал, насколько мне опротивели удивительные красоты вкупе с нескитными тайнами потаенного замка, карлик немедленно отвоз всю компанию наверх и употребил свои умственные способности не на разгадку старинных секретов и замыслов строителей, а на поиски выхода.

Бесспорно, посвященный Иштар зал был прекрасен — синева аметистов, нефрит, искорки голубого хрусталя и все такое прочее. Холодный бесстрастный камень искрился тысячами бликов, темными звездами мерцали глаза изваяния богини, сделанные из огромных сапфиров... Но жизни здесь не было и быть не могло. Мы постепенно начинали мерзнуть. Мои босые ноги заledenели.

Фрог тем временем порывался снова учинить обыск на ярусе, однако наткнулся на стойкое сопротивление — возражали все, включая короля Зингары. Хотелось есть и спать, а самое главное, нас начали тяготить каменное небо, невыносимая тишина склепа и полное ощущение оторванности от мира. Мы словно бродили по ги-



гантской могиле. Не спасало и присутствие изумительной статуи Всеблагой Иштар — даже от нее веяло холодом и безжизненностью.

— Надоело! — я взбунтовался первым. — Возвращаемся к подъемнику и едем наверх! Если тебе, Фрог, хочется — попросишь у короля организовать особую экспедицию в подземный замок. Потом. Без нас можешь бродить по этому леднику хоть целую вечность! Подумай хотя бы о Селадасе — ребенок устал. И Чабела сама не своя от тревоги!

— Подчиняюсь грубому насилию, — карлик сделал постное лицо. — Удивляюсь вам, мои дорогие соратники: случайно обнаружить главнейший секрет нашего государства и оставаться при этом настолько приземленными! Ротан, я обязательно последую твоему совету и потребую у Конна снаряжения полноценной экспедиции! Мы обязаны знать, что находится под нашими ногами! Подумать только, сотнями лет тарантийцы ходили по улицам столицы, не подозревая о сокрытом в глубинах чуде архитектуры и мысли!

— Хватит! — я довольно бесцеремонно подтолкнул Фрога в спину, направляя к подъемнику. — Потом будешь восторгаться. Когда вылезем из этих крысиных нор.

— Тупоумный неуч именует великое творение предков «крысиными норами»! — возмущенно запищал Фрог. — Твой многоученый батюшка отдал бы тебя на растерзание гиенам за такие слова! Между прочим, барон Хальк Юсдаль все-



гда был охоч до тайн и чудесных приключений — вспомним любое его путешествие!

Сопровождаемый шутивно-серьезными воплями Фрога, я загнал всю компанию в бронзовую комнату и вопросительно взглянул на шута.

Фрог вздохнул, но полез в коробку за ключами от механизма.

— Рассудим логически, — начал зудеть он, подбирая нужные стержни. — Каждый ярус обладает своим божественным покровителем, который в свою очередь имеет свое обозначение в цвете. Митра — золото. Иштар — сапфировая лазурь. Посмотрим... Эрлик наверняка обозначен красным. Зеленый цвет всегда принадлежал Дэркету. Бел — вор и обманщик — владеет серым цветом... Видите, полупрозрачный кристалл хрустала на ключе? Черный, символ Тьмы — Сет Змееликий, повелитель злобных теней. Белый камень может символизировать и Митру, но мы выяснили, что Солнцезарный владеет золотым залом... Кто же остальные? Нергал, Керуннос, Ариман? Невозможно! Выберем метод проб и ошибок: чтобы попасть наверх следует подобрать ключ к крайней справа скважине.

Первый же ключ подошел — Фрог, направляемый неведомым предчувствием, отправил в скважину стержень, на котором сиял алмаз чистейшей воды — прозрачный, незамутненный, подобный упавшей звезде.

Может быть, он символизировал незнакомого людям Творца Всех Богов, о котором порой говорили смутные легенды, далеко не всегда поощ-



рывшиеся яркими последователями привычных нам культов?

Хлюпнула толстая гранитная дверь, закрывая проход. Ключ повернут. Осталось подождать совсем недолго — хитрая механика должна заработать.

Прекрасно! Бронзовый куб, внутри которого мы находились, вздрогнул и лениво пополз наверх. На самом излете восприятия слышался рев водяного потока...

— Момент! — Фрог внезапно насторожился. — Я ошибаюсь или наверху потрескивает?

Карлик не ошибался. Подъемник начал замедлять ход, а над нашими головами отчетливо раздавались непонятные щелчки. Будто... Будто рвались веревки!

— Падайте! На пол! — истошно заорал шут и подал пример: рухнул на толстую бронзу пола движущейся комнаты.

Я сбил с ног Селадаса и притянул к себе. Гай промедлил, не понимая что происходит. И тотчас воспарил к потолку, словно птица! Да и я почувствовал, как отрываюсь от твердого и надежного металла. Последовало краткое, но исключительно неприятное мгновение свободного падения.

В детстве мы прыгали с третьего этажа замка в огромные стога сена, возвышавшиеся на хозяйственном дворе. Мне сразу вспомнилось это ощущение — будто желудок отделился от туловища и летит вслед за тобой в десятке локтей позади.



Удар был страшен. Грохот, скрежет ломающейся бронзы, Гай рухнул сверху на меня и Селадаса, Фрог тонко пищал, словно попавший в ловушку мышонок. Катастрофа продолжалась всего один миг, однако мне почудилось, будто мы падали целую вечность.

На этот раз я оказался единственным, кто не потерял сознания. Почему — не знаю. Наверное, просто повезло.

Две лампы не погасли. Когда осела пыль я сумел поднять голову, протереть запорошенные глаза. Движения давались с трудом.

Бронзовый куб подъемника искорежен. Прогнулся потолок, стены пробиты острыми камнями, показывающими зазубренные лезвия из рваных прорех. Пол невероятно выгнут и тоже разорван. Но с той стороны, где должен быть проход в галерею ясно виден прямоугольник черноты. И оттуда идет поток воздуха! Затхлого, подземного, но все-таки воздуха!

Я схватил лампу, прополз наружу, немного полежал приходя в себя...

С трудом заставил себя подняться на ноги и вытащить остальных. С Фрогом и Селадасом трудностей не возникло — они маленькие, легкие, а я отнюдь не являюсь слабосильным недомерком.

Гай, однако, крупнее и тяжелее меня. Ничего, справлюсь. Подхватил его правой рукой за плечо, левой — за ворот. Поволок.

Разложил всех троих рядочком. У Гая явно сломана рука ниже локтя. Фрог вроде бы цел и



невредим, но продолжает пребывать в обмороке. На лице короля Зингары кровавый потек, рядом с правым виском. Ударился о камень, прорезавший наш подъемник? Наверное...

Так или иначе помочь им я ничем не могу. Сами придут в себя.

Я нашел единственный мешок наполненный взятой в замке небогатой поклажей, вынул деревянную баклагу с красным сладким вином и опустошил почти на треть. Очень хотелось осушить ее до дна, но совет не позволила — остальным тоже пригодится. Вино подействовало сразу, придав сил и решительности. Еще бы — не ел целых восемь колоколов. Наверху наверное бьют полночь...

— Ротан... Эй, проклятый мальчишка... Слышишь меня?

Отлично! Фрог очнулся! Будет на ком сорвать злость.

Но злости почему-то не было. Расхотелось кричать и обвинять в наших бедствиях другого человека. Фрог не виноват. Да никто не виноват, кроме невнимательного камердинера, приставленного к любопытному маленькому зингарцу.

— Мы упали? Сорвались с канатов? — шут, кряхтя сел и потер ушибленную грудь. — Боги, как мерзко... Тошнит. Я должен был предполагать, что механизм подъемника за столько лет придет в негодность, что он ненадежен!

— Оставь, — сплюнул я. — Это был единственный выход наверх. И мы попытались. Теперь надо выяснить, куда нас занесло.



— А чего тут выяснять? — Фрог нескладно и смешно, как получается только у карликов-уродцев, встал и принялся отряхиваться. — Ни же пола не упадешь. Девятый ярус. Мы рядом со склепами Погребенных. Да-да, тех самых Пламенных Плетей. Именно тут, если верить найденной карте, заканчивается подземная крепость. Первый рубеж обороны. Что с остальными?

— В обмороке, — отозвался я. Все тело болело жутко, словно между жерновами побывал.

— Пускай отлеживаются, — сказал Фрог. — Ротан, ты в состоянии прогуляться со мной? Я обязательно должен посмотреть, какому богу посвящено святилище этого яруса! Это действительно важно!

— Пойдем, если важно...

Нижний уровень крепости ничуть не походил на два предыдущих, виденных нами. Настоящие пещеры. Пробитые в скале низкие ходы, только промежуточные арки грубо выложены отесанными камнями. Ползает огромные, с ладонь, светящиеся слизи — они дают постоянный призрачный свет, да такой яркий, что дорогу можно разобрать без фонарика или факела.

Под ногами шмыгают неприятного вида насекомые, похожие на помесь пауков и сороконожек. Наверху ничего подобного я никогда не видел. В глубинах катакомб слышатся шорохи и стрекот — будто неподалеку обосновалась целая стая гигантских сверчков. По бугристым стенам медленно течет белесая слизь. Странная плесень — раскидистая, будто мох, и одновременно ше-



велящаяся. Между постоянно изгибающихся кустиков проползают невиданные прозрачные твари, величиной с мышку — скользкие, похожие на пиявок, внезапно отравивших тонкие щупальца и членистые ножки. Они отдаленно напомнили мне чудище, обитавшее в канале третьего яруса.

— Эти звери безопасны, — увещевал Фрог, пробираясь вперед. — Они живут своей, особой подземной жизнью. Им нет дела до человека... Вот! Нашли!.. Только... Боги Всеблагие, проясните разум глупейшего из ваших рабов! Кому посвящен этот алтарь?

Центральный зал полыхал голубоватым мертвенным огнем, испускаемым целыми гроздьями висевших на стене слизней. Алтарь, постамент... Но на постаменте нет никакого изваяния.

Святылище посвящено Ничему, Небытию, Пустоте?

Разве можно поклоняться Пустоте?

Она именно на то и Пустота! Она не содержит в себе *ничего*!

— Знаю, — прошептал Фрог, и его шепот оказался громче удара самого огромного колокола. — Роган, ни о чем не спрашивай, идем обратно. У нас есть один шанс из тысячи тысяч! Прискорбно, если этот шанс выпадет, но будет еще более прискорбно, если мы не сможем его реализовать!

Мы вернулись быстро.

Гай, прижимавший к груди сломанную руку, сидел рядом с зияющим прямоугольником, веду-



щим в шахту подъемника. Мой приятель все-таки очнулся. На коленях Гая лежал запрокинувший голову Селадас.

— Он умер! — встретил нас Гай, озлобленно-подавленным возгласом. — Король Зингары мертв... Наверное, ударился головой. Череп проломлен возле виска. Понимаете?

По моей спине заструился холодный пот.

Фрог наоборот, выдохнул с облегчением.

— Хвала богам... Умер! Мои молитвы услышали даже отсюда. Замечательно! Я уже перестал надеяться.

Я резко развернулся. Медленно взялся за кинжал. После этих жутких слов мне хотелось только одного — отправить проклятого уродца туда, где ворота наружу никогда не будут открыты. В глубины, живым человеком неизведанные. В царство Владыки Теней...

Не знаю, что меня остановило. Если это была длань Митры, то бог Солнца навестил глубины земли исключительно вовремя.





Запись пятая,

*в которой мы разговариваем с существами
сверхъестественными, но путешествие
заканчивается благополучно*



Ну, а последнему ярусу крепости покровительствует Нергал, — сбивчиво пояснял Фрог. — Незримый Повелитель Теней. Не вспоминайте пространенные легенды, сказки лгут. Нергал вовсе не злой бог, он всего лишь беспристрастный судья. Вернее — Судия. Справедливый, а потому — безжалостный. Человеческие души в его незримом Царстве получают отдохновение и ожидают возвращения в мир после Битвы Богов, когда старое мироустройство падет и начнется Золотой Век...

— Покороче! — рявкнул я. — Меня не интересует ни Нергал, ни... э-э... жизнь в его подземных владениях! Почему ты радуешься смерти короля Селадаса? В чем дело, Фрог?

— Легенды... Я читал в старинных богословских трактатах, будто людская душа, спустив-



шись в Царство Теней всегда предстает перед Судией, самим Нергалом... Он определяет, достоин ли человек прожил жизнь, а затем открывает перед ним Врата в свои владения. Если человек прошел через порог — он уже никогда не вернется. Однако, если Врата не пройдены, живые могут попросить Нергала за своего умершего друга. И вообразите, бывали случаи, когда Судия возвращал душу в бездыханное тело!

— Значит, ты предлагаешь... — поразился я. — Но каким образом?

— Не перебивай. Если человек возвращается из Нижней Сферы, Нергал делает ему подарок — как-никак второй день рождения. Он исполняет любое пожелание! Любое, понимаете? У нас один шанс из тысячи тысяч, но если мы уломаем Судию вернуть Селадаса... Мы будем спасены! Ротан, хватай мальчика, идем к алтарю! Гай, если не можешь идти — оставайся. Но будет лучше, если за зингарца будем просить все вместе, втроем! Быстрее, мы можем не успеть!

Гай поморщился от боли в сломанном предплечье, но с усилием поднялся на ноги. Я подхватил тело Селадаса и зашагал вслед за Фрогом.

— Наверное, требуется особый обряд, церемония? — безнадежным тоном вопрошал я у карлика. — Я никогда не бывал в святилищах Повелителя Теней. Ты знаком с ходом обряда?

— Какой «обряд»? — отмахнулся Фрог. — Раскрыть врата меж Средней и Нижней Сферами мира проще простого — требуются металл, огонь, живая кровь и неживая плоть. Это основы ис-



кусства некромантии, я читал. Отлично, вот и святилище. Клади Селадаса на алтарь!

Я аккуратно уложил потяжелевшее тело на серую мраморную плиту. Тонкая рука зингарца безжизненно свесилась вниз. Кривящийся Гай стоял поодаль, Фрог командовал.

— Ротан, дай кинжал... Нет, сначала порежь руку и стряхни несколько капель крови на камень!

— Может, лучше ты этим займешься? — огрызнулся я, ощущая себя участником бесполезного суетливого фарса. — И порежешь себе жилы на шее?

Фрог взглянул на меня так свирепо, что я не раздумывая полоснул кинжалом по левому запястью. Ледяной мрамор окрасился темной кровью.

Карлик немедленно отобрал у меня кинжал, положил его в лужицу крови, открыл лампу, наклонил над алтарем. Капелька горящего масла упала на рукоять узкого клинка.

Мы с Гаем потихоньку отошли в сторону. Пока ничего особенного не произошло.

— Повелитель Теней, Справедливейший и Незримый. Живые вызывают к тебе, — буднично и ничуть не торжественно забормотал Фрог. — Если Селадас Зингарский еще не миновал Врата, ведущие на подвластные тебе равнины, выслушай тех, кто хочет вступить за маленького человека, нить жизни которого оборвалась столь безвременно... Мы просим тебя, о Судия... Выслушай речи в защиту Селадаса Зингарского!



Тишина. Только неподалеку, в коридорах подземелья капает вода и шуршат ползающие слизи-гиганты.

— По-моему, бесполезно... — сквозь зубы процедил я, но нетерпеливый жест Фрога заставил меня немедленно заткнуться.

Чудес не было. Не взвивались языки багрового пламени, не громыхнул замогильный глас Незримого, не появились суровые стражи подземного мира. Только в отдаленной части круглого зала неясно обозначилось странное шевеление.

К нам медленно подошел явившийся из ниоткуда высокий человек.

* * *

Длинная истрепанная коричневая хламида. Пыльный рваный плащ с брошенным капюшоном. В левой руке тяжелый корявый посох, в правой — толстая книга темного переплета с застежками в виде сомкнутых человеческих ладоней. Лицо неизвестного прикрыто тряпичной маской.

Словом, зрелище ничем не примечательное. Я представлял себе Нергала несколько иным. Более величественным, что ли?

Мои неверные выводы о сущности незнакомца были тотчас опровергнуты им самим. Человек приблизился к алтарю, уложил книгу рядом с неподвижным Селадасом и устоял на нашу слегка напуганную компанию точками красновато-светящихся глаз, мерцающих под капюшоном.



— Мое имя — Леук, — без предисловий сообщил таинственный пришелец. Голос бесцветный, безразличный и глухой. — Иногда меня называют Странником или Ловцом. Именуйте, как хотите, впрочем. Мне все равно. Я служу Великому, к правосудию коего вы взывали. Мальчик пока не прошел Врата и ждет своей участи. Если вы решились заступиться за него — говорите. Я передам сказанное Господину.

«Леук? — подумал я. — Имя знакомое... Откуда я мог слышать о нем?»

Память услужлива: мне не пришлось долго копаться в ее лабиринтах. Ответ пришел сам собой.

Особенно мрачные и грозные легенды рассказывают о Мертвеце — самом верном и преданном слуге Нергала. Вот как повествует о нем «Синяя Хроника»:

«Кто-то называл его Ловцом, кто-то — Стражем, некоторые предпочитали вычурное «Искатель утерянных истин», другие звали проще — Охотником, Вестником или Скрытным. Иногда за спиной слышалось оскорбительное «Вечный Мертвец» или «Ходячая падала», но вскоре он разучился обижаться. Что они понимают, смертные, чьи жизни схожи со свечами, трепещущими на ветру?»

Кроме того, он действительно мертвец, с очевидным не поспоришь. Мыслящий, умеющий передвигаться и даже что-то чувствовать, но — мертвец. Покойник. Существо, обитающее на грани между жизнью и смертью, днем и ночью, не принадлежащее никому и ничему...»



Леук был связующим звеном между своим Господином и миром живых. Верный исполнитель поручений Владыки Теней, доверенное лицо самого Нергала; хмурый демон, надзирающий за миром живых, за сохранением равновесия между жизнью и смертью. Леук никогда не делал зла, но оставался в стороне и от добра — его, как и Нергала, интересовала только одна вечная ценность: Справедливость.

Но, разумеется, молва приписывала подземному демону (некогда являвшемуся самым обычным человеком, не то магом, не то некромантом, однажды заключившим с Нергалом некую жуткую сделку) огромное количество невероятно омерзительных деяний — люди боятся всего, что связано со смертью. Уверен, абсолютное большинство кошмарных баек неправдивы, а те, которые кажутся истинными — излишне предвзяты.

Я читал о Леуке в некоторых главах составленной отцом Хроники, и барон Хальк отзывался о нем сдержанно-нейтрально. Мертвый сам по себе, люди сами по себе. Остается надеяться, что Леук останется верен самой главной добродетели Смерти — беспристрастности.

— Почтенный, — Фрог неловко поклонился. — Мальчик погиб случайно, во многом по нашей вине. Нелепая смерть молодого короля может поколебать равновесие мира и...

— Нет ничего случайного, — перебил Мертвый, одновременно расстегивая замки на книге. — Ваши жизни — это череда predetermined



событий, которые вы неверно именуєте «случаями». А к равновесию мира гибель Селадаса не имеет никакого отношения — лишь к равновесию политики.

— Те, кто любил его, будут страдать... — заикнулся я.

— Все люди страдают при телесной жизни. Это предопределено законами мироустройства, созданными Творцом Вселенной.

— Но ведь это мы виноваты! — громко сказал Гай, решившийся вступить в разговор. — Если бы не Фрог... не я и не Ротан, мальчишка остался бы жить! Спроси с нас за смерть молодого короля!

— Ты желаешь обменять у Справедливейшего жизнь Селадаса на свою? — хладнокровно поинтересовался Леук. — Это можно устроить. Согласен? Или дождешься решения Господина, который рассудит дело по вечным законам, ведомых лишь богам?

Гай смущенно затих и покраснел.

Книга раскрылась, и я начал догадываться, что вижу перед собой величайшую драгоценность всех Трех Сфер — знаменитую Книгу Судеб, сокровище Нергала, летопись, в которой описана жизнь каждого жившего прежде, живущего ныне и даже еще не родившегося. Интересно, зачем явившийся на зов смертных Леук принес с собой магический фолиант?

— Подойдите! — приказал Страж Серых Равнин. — Я не хочу, чтобы вы обвинили меня в предвзятости или во лжи. Убедитесь, что я и



Книга будем придерживаться истины и только истины.

Само собой, первым подбежал Фрог, словно позабывший о мертвом зингарце, привстал на цыпочки и уткнулся длинным носом в раскрытый том.

Конечно, карлик не мог упустить случая самовольно посмотреть на удивительный артефакт, равный по цене тысячам королевств!

Я смотрел из-за угловатого плеча Леука, Гай встал сбоку.

Страницы оказались пустыми — чистый пергамент без единого символа.

— Каждый может проверить, что Книга не лжет, — прогудел из-под капюшона Мертвый. — Назовите имя одного из вас.

— Пусть будет Гай Аттинский! — провозгласил Фрог с более чем невинным видом. Нет бы назвать собственное имя — сколько секретов бы открылось!

Пергаментные листы шевельнулись, перелистались без вмешательства Леука, и посреди левой страницы обозначились ровные строчки аквилонских букв:

«Гай Рострон, по титулу — двадцать четвертый эрл владения Аттина. Родился в 1297 году. Всеми окружающими ошибочно считается сыном эрла Грея Аттинского от его супруги, урожденной баронессы Хродехильды Лестер. В действительности был тайно усыновлен эрлом Греем во младенчестве, как плод незаконной связи эрла и графини Клай, скончавшейся в родах,



признан приемной матерью Хродехильдой наследником...»

— Боги! — воскликнул я. — Гай, это правда? Ты знал раньше?

— Ну... — мой приятель вновь запунцовел и потупился. — Отец рассказывал. Кроме батюшки, госпожи Хродехильды и меня никто не знает... Ротан, Фрог...

— Мы сохраним тайну, — нетерпеливо бросил карлик. — Я и Ротан обещаем. Правда, барон Юсдаль?

Я кивнул. Какое мне дело до происхождения Гая? Так или иначе оба родителя — из самых благородных семей Боссонского герцогства.

Книга порождала новые строчки:

«...В возрасте пятнадцати-семнадцати лет постоянно участвовал вместе с отцом и дружиной Аттины в набегах на пограничные деревни пиктов и в разгроме пиктских отрядов, совершающих рейды в Боссонию. Лично убил семнадцать пиктов. Так же его меч обогрен кровью двух аквилонских купцов, направлявшихся в Киммерию — караван был разграблен отрядом эрла Грея 14 днем третьей весенней луны 1313 года, сдавшиеся на милость победителя торговцы и уцелевшие охранники — вырезаны. Тремя седмицами позже изнасиловал захваченную пиктскую лучницу, впоследствии бежавшую из плена и спустя положенный срок родившую от него мальчика, названного пиктами Халассом — «Подарком Белокожих». Вскоре был отправлен эрлом Греем в...»



Невероятно! Вот тебе и тихоня Гай!

Как, оказывается, много мы не знаем о наших друзьях!

Доблестный гвардеец стоял ни жив, ни мертв. Похоже, его проняло всерьез.

— Хватит, — пророкотал Леук. — Удостоверились?

Строчки в Книге немедленно исчезли.

— Если прочитанное нами истинно, — подвел итог карлик, повернувшись к гвардейцу, — то я беспокоюсь за твое, Гай, будущее. Кошмар! Войны, набеги, убийства, насилия — и это в таком нежном возрасте!

— Жизнь в приграничной Боссонии отнюдь не мед, — смущенно отозвался Гай. — Или ты, или — тебя. Лесной закон. А вообще, Книга не сохла. К моему сожалению.

— Тогда взгляните, — глухо проговорил Леук, указав затянутой в перчатку ладонью на Книгу Судеб. — Сейчас нам расскажут о жизни короля Селадаса. Той, которая могла бы состояться, не окажись он сегодня в подвалах Тарантийского замка. Итак, зингарец должен был умереть в возрасте шестидесяти двух лет...

Страницы вновь перевернулись и пышный заголовок сообщил:

«Селадас Зингарский, из династии Альмендро. Рожден от королевы Чабелы, дочери Фердруга и принца Оливерро в 1303 году в Кордаве...»

Читали мы долго. И хотя Книга Судеб пыталась быть краткой, история непрожитой жизни Селадаса растеклась почти на двадцать листов.



Я не хочу и не буду рассказывать в подробностях о прочитанном. Это тайна мне не принадлежит.

Скажу лишь, что передо мной прошла воистину королевская судьба, со всеми ее перипетиями, радостями, чудовищными поступками тирана и редким великодушием счастливого монарха. Увы, но черных страниц в этой жизни было гораздо больше, нежели светлых.

Чабела действительно вырастила бы до крайности избалованного и развращенного вседозволенностью властителя, от которого вскоре могли зависеть судьбы тысяч людей. По крайней мере, будущее Зингары в эпоху несбывшегося царствования Селадаса не показалось мне счастливым и радужным...

— Вы по прежнему настаиваете? — осведомился Леук, едва был перевернут последний лист трактата. — Будете просить Господина вернуть жизнь наследнику Чабелы?

Признаться, я уже не слишком рвался упрашивать посланника Нергала поддержать нашу просьбу пред ликом Справедливейшего. Прочитанное не понравилось никому, включая скептически настроенного Фрога.

Карлик подумал, пожевал губами, сплюнул, покачал головой, тихонько выругался и, наконец, серьезно уставился на невозмутимого Леука.

— Здесь присутствует некий казус, — с расстановкой произнес Фрог. — Ты недавно сказал: «Нам расскажут о жизни короля Селадаса, кото-



рая могла бы состояться, не окажись он сегодня в подвалах Тарантийского замка». Верно?

— Верно, — кивнул Мертвый.

— Но вот сейчас произошло то, что произошло. Селадас на Серых Равнинах. И я уверен, если мальчик вернется, запись о его жизни изменится.

— Изменится, — подтвердил Леук. — Не знаю, насколько. Думаю, ненамного, пускай случившееся и отразится на его судьбе. Итак, я обязан возвращаться к Судие. Что ему передать? Вы отказываетесь от просьбы, узнав правду о жизни этого человека?

— Нет, не отказываемся, — решительно сказал Фрог. — Потому что многое возможно изменить. Это в человеческих силах. Я уверен — каждый из нас способен противостоять предопределению.

— Не отказываемся, — согласился я. — Если можно — верните мальчишку в этот мир.

Гай только наклонил голову в знак поддержки.

— Но почему? — казалось, Леук слегка рассердился. Конечно, Смерти не хочется расставаться с законной добычей! — Почему? Какой аргумент в защиту будущего тирана вы приведете?

— Предопределение изменилось, — загадочно сказал Фрог. — Это и есть главный аргумент.

— Прощайте, — холодно бросил Мертвец, быстрым движением застегнул книгу, повернулся и зашагал в темноту. Донеслась только последняя



фраза Леука: — Ждите, вам сообщат о решении Господина.

Мы замерли возле алтаря в угрюмом молчании. Первым встрепенулся деловитый Фрог.

— Ротан, кровь из пореза больше не идет? Прекрасно! Давай поможем Гаю — на сломанную руку следовало бы наложить какие-нибудь лубки! Гай, когда вернемся в замок — немедленно отправись к лекарю!

Не понимаю, как наш безобразный компаньон ухитряется сохранять оптимистичное настроение в самой паршивой ситуации? Может быть, Фрогу действительно нечего терять?

И все-таки жаль, что я не решился попросить Книгу Судеб рассказать нам о жизни королевского шута. Он доселе остается для меня неразрешимой живой загадкой.

* * *

Ждали долго, не менее полного колокола и двух квадрансов. Лубки на предплечье Гая были созданы из плоских ножен наших кинжалов и перевязаны лоскутами ткани, оторванными от подола балахончика королевского шута — теперь Фрог выглядел истинным «королем нищих», легендарным персонажем Тарантийских сказочников. Страшный как смерть, оборванный, грязный, но очень и очень самодовольный.

Я несколько раз подходил к телу зингарского короля, по прежнему остававшемуся на плите алтаря Незримого. Никаких признаков возвра-



щающейся жизни. Кожа холодная и противно липкая. В голубоватом свете, исторгаемом огромными слизнями, безжизненное лицо Селадаса выглядело устрашающе.

Разговорчивый Фрог предпочел молча прогуливаться по залу святилища и с нарочито безразличным видом рассматривать обитающих здесь необычных животных. Упорно делал вид, будто его ничто не заботит.

Гай шипел под нос недобрые словечки — ему очень не нравилась окружающая обстановка. Как и большинство людей, воспитывавшихся в глухой провинции, Гай был суеверен, а значит, он предпочитал не доверять силам потусторонним. Я попробовал его успокоить, сказав, что пока мы живы, Нергалу и его слугам нет никакого дела до троих незадачливых искателей приключений, а огненные демоны — Пламенные Плети, заперты в глубинах так надежно, что вырваться не сумеют. Или, по меньшей мере, не будут делать это прямо сейчас.

Когда Гай весьма недвусмысленно рыкнул, чтобы я оставил его в покое, пришлось послушаться. Босые ноги превратились в совершеннейшие ледышки, и я, со вздохом распорол кинжалом куртку, начав сооружать из лоскутов кожи и ремешков некое подобие «киммерийских башмаков» — ступня и голень заворачиваются в мягкую кожу и закрепляются длинными тесемками. Когда я завязывал последний узел, внимательный Фрог, заставив нас с Гаем вздрогнуть, воскликнул:



— Поднимайтесь! Глядите! Я знал, что Справедливейший не забудет о нашей просьбе!

Повинуясь жесту карлика я обернулся к стене зала, в которой исчез Леук.

Точно, слизи-светлячки начали оживленно расползаться в стороны, освобождая место для неожиданно появившихся темных двустворчатых ворот — арка была высотой не менее четырех локтей, достаточно, чтобы прошел самый высокий человек.

Когда двери распахнулись, в лучах исходившего из глубин зеленовато-белого света стала различима знакомая тощая фигура Леука. Только сейчас Книги при нем не наблюдалось.

— Если не боитесь — идите, — по залу тугой волной разошелся голос Мертвого.

— К-куда? — ахнул я.

— За вашим мальчишкой. Незримый согласен отпустить его. Возьмите брненное тело...

— Мы ведь не боимся, правда? — заюлил Фрог, но в его развязности явственно звучала нотка страха. — Нас сразу отпустят! Верно, досточтимый Леук?

Мертвый надменно промолчал, однако кивнул в знак правоты Фрога.

Я снова подхватил труп Селадаса на руки (Боги, каким он стал тяжелым!). Посланник Нергала величественно развернулся, сделал жест рукой, призывая идти вслед. Первым засеменил к воротам неугомонный карлик, я за ним, арьергард прикрывал бледный Гай. Видимо, догадался, куда нас пригласили.



Лестница, ведущая вниз. Очень длинная. Я пытался считать ступеньки, но сбился на пятисотой. Не темно, однако и не светло. Потолок и стены окрашены мутно-болотным сиянием, позволяющим различать фигуры идущих впереди, но не детали их одежды или тонкие черты фигур. Позади беззвучно сквернословит Гай, громко сопит Фрог. Леук перемещается как призрак — его ноги словно и не касаются камня ступеней, шаги не различимы.

У меня онемели руки, и Селадаса пришлось положить на плечо, будто мешок. Его холодные ладони ударили по моей спине. Страшно не было — наоборот, на этой странной лестнице каждого из нас обуяло чувство полнейшего безразличия и спокойствия. Если мы действительно направляемся к Незримому, то он не собирается нас пугать. Зачем? Так или иначе, каждый из смертных окажется в объятиях Господина. Рано или поздно.

Вот она, последняя, самая нижняя площадка. Леук резко остановился.

— Будьте почтительны, — порекомендовал он. Такое чувство, будто Мертвый заподозрил нас в желании нагрубить тому, кто повелевает Серыми Равнинами. — Не говорите много. Вы и так доставили нам излишние заботы. Превыше всего Господин ценит вечное спокойствие Царства Теней, которое никто — особенно смертные! — не вправе нарушать... Идем!

Если это на самом деле был дворец Нергала, то я позавидовал чувству вкуса его хозяина. Ни-



какой пошлой роскоши, ничего вульгарного или вызывающего. Скромные украшения, созданные, однако, из самых драгоценных материалов; строгие охранители в древних доспехах (или просто неподвижные статуи воителей?), беспрепятственно пропускающие уверенного в себе Леука и нашу компанию, поспешающую вслед. Полнейшее безмолвие. Никаких запахов, движения воздуха. Тут все мертво.

Неужели мы действительно оказались во владениях, где живые люди такая же редкость, как честный канцлер или щедрый ростовщик? В Царство Нергала допускались лишь редкие гости из Средней Сферы, их количество можно исчислить единицами!

Селадас — король. Сомневаюсь, что ради безвестного мальчишки из предместий Тарантии, случайно утонувшего в реке, Незримый открыл бы живым дорогу в Нижнюю Сферу. Нам либо очень повезло, либо...

— За этими дверьми — Обитель Господина, — сообщил Леук, когда мы прошли через несколько длинных галерей и остановились возле полукруглых ворот — черный мрамор и золотые искры, вспыхивающие в глубинах тяжелого камня. — Великий готов принять вас немедленно.

Створки расползлись бесшумно.

* * *

Безумно красиво. Огромная прямоугольная зала выглядела монашески строго, но отказать



Обители в чарующем неземном великолепии было сложно. Тут вовсе не преобладал черный цвет — в основном серый, всех возможных оттенков, от жемчужного до мышинного. Два ряда полупрозрачных колонн, справа и слева. Между ними — статуи, на высоких постаментах, мутного розово-серого мрамора. Титанические чаши, извергающие бесцветное белое и холодное пламя. Стены и пол украшены преискусной мозаикой.

Ничего угрожающего. Ничего, способного возбудить в человеке тревогу или ужас. Да, необычно, колдовски прекрасно, чуточку тяжеловато... но не страшно! Я всегда полагал, что загробная жизнь человека будет тяжелой и безрадостной, наполненной грустью и жутью! Тут прежде всего спокойно.

Леук провел нас от дверей в противоположный конец Обители. Я надеялся увидеть огромный трон, на котором должно восседать богу, или что-нибудь столь же величественное, однако разочаровался — под мозаичной картиной (во всю стену!) изображавшей все Три Сферы мироздания, стоял обычный железный стул без украшений. Скромно живет Нергал, ничего не скажешь.

Над жестким сидением, впрочем, клубился непонятный тугой сгусток — то черный, то радужный...

Некое вместилище божественной силы, не имеющее формы, цвета, но располагавшее собственной, непостижимой человеческому разуму жизнью.



— Можно не кланяться. — сказал Леук. — Господину безразличны знаки почтения.

Не обратив внимания на слова Мертвого, мы все преклонили правое колено. Бог — это больше, чем любой король!

Я осторожно положил тело Селадаса перед железным стулом.

Сгусток Силы внезапно поднялся выше, затем ринулся к расцветченному цветными камнями полу и начал обретать зримую форму.

За полдесятка ударов человеческого сердца Справедливейший воплотился.

С виду — человек. Не молодой, но и не старый, лет сорока пяти. Морщины на лице. Бесцветные волосы — седоватые или светло-русые, серые, перехваченные на лбу простеньким шнурком. Обликом напоминает ушедшего на покой философа — взгляд неожиданно ярких синих глаз умиротворен и спокоен. Одежда скромная — длинная, до пола, жемчужная хламида без всякой вышивки или драгоценных накладок. Только на пальце красуется перстень черного камня.

— М-мы... — заикнулся Фрог, как самый смелый. — Господин, мы...

— Знаю, — мягко сказал Нергал. — Не следует говорить лишнего. В моем доме это не приветствуется. Ты сказал Леуку, будто предопределение Селадаса изменилось. Почему?

— Потому, великий, что я сам прослежу за этим изменением, — безапелляционно заявил Фрог. — И написанное в Книге не сбудется. Если



нужно — я положу ради этого свою жизнь. И мои друзья, надеюсь, не откажутся.

— Надеешься, или знаешь? — наклонил голову Судия.

— Знаю!

Мы с Гаем обменялись взглядами. И каждый нашел понимание. Если давать слово — по предликом одного из Великих!

— Селадас будет другим, — сказал Гай, увидев мою поддержку. — Мы обещаем тебе, Хранитель Душ!

Нергал вытянул руку и над его ладонью материализовалась Книга Судеб. Бог раскрыл фолиант, пролистал несколько страниц, покивал. Судия по лицу — остался доволен. Аккуратно положил книгу на свой неприметный трон.

— Я отпускаю мальчика, — тихо сказал Владыка. — Вот он. Но помните о данном мне слове... Я не прощу обмана.

Нергал кратко отмахнул ладонью, и рядом с ним появилась тень. Призрак.

Бестелесное существо, прозрачное и зыбкое, было очень похоже силуэтом на маленького зингарца. Вот как, оказывается, выглядит человеческая душа, ушедшая на Серые Равнины!

Призрак внезапно обратился в клубок тумана, взмыл к потолку, а затем ринулся к телу Селадаса, будто чайка, ныряющая в воды Океана.

Дух и плоть воссоединились.

Фрог с торжествующим ревом бросился к зингарскому королю. Помог встать. Селадас взирал на нас и Владыку изумленно. И он был жив!



— Я вправе вручить тебе любой дар, ради второго рождения, — Справедливейший положил ладонь на плечо мальчишки, привлекая внимание. Глаза Селадаса выражали безмерное изумление происходящим. Видимо, еще не осознал, каково это — воскреснуть. — Пожелай, и чаемое исполнится...

— Ой, — своим обычным тонким и капризным голоском заверещал Селадас. — Правда? Я всегда хотел кровного жеребца из матушкиной конюшни, и еще свой собственный боевой корабль, и поехать на лето в Аргос...

Леук, стоявший за нашими спинами, неделями хрюкнул. Смеялся над наивностью смертных.

И вдруг Селадас осекся. Глянул на Фрога, на Гая, на меня. Изменился в лице. И очень смущенным тоном попросил:

— А можно... Можно я вернусь к маме? Точнее, мы все вернемся? Я, месьор Фрог, и благородные гвардейцы? Можно? Прямо сейчас?

— Уверен, что ты хочешь именно этого? — уточнил Господин. — Прямо сейчас? Не жеребца, не свой корабль?

— Уверен! — отчеканил Селадас. И хитро улыбнулся.

— Что ж, досточтимый Фрог, я не ошибся в решении, — Нергал мимолетно поклонился карлику. — Уходите. Желание вновь рожденного исполнится немедленно. В том — закон, который никто не будет преступать.

А затем для живых наступила тьма.



* * *

Стража была злой и неразговорчивой. Городские блюстители с черными от усталости лицами подгоняли нас тупыми концами пик в спины, однако мы не жаловались. Поняли, что попали в грандиозную облаву, устроенную властями Тарантии. Объясниться даже не пытались — стража никого не слушала, а лишние разговоры пресекала тумаками.

...Я, Фрог, Гай и Селадас очнулись в какой-то закопченной кирпичной галерее. Вонючий теплый воздух разительно отличался от ледяной свежести дворца Справедливейшего. Сразу стало ясно, что здесь обитают люди.

— Если все минувшее нам не почудилось, — прокряхтел карлик, шустро вскакивая на ноги, — и Незримый исполнил желание Селадаса, мы должны находиться в королевском замке Тарантии! Однако, я не узнаю этого места.

Неподалеку слышались напряженные человеческие голоса. Звук приближался. Вскоре стало ясно, что по освещенной редкими копилками галерее бегут двое или трое людей, направляясь в нашу сторону.

— Нищие! — пораженно выдавил Гай, рассмотрев прищельцев. — Эй, месьоры, вы откуда?

— Из притона Кривого Эйнара! — задыхаясь, сообщил первый бродяга, облаченный в бесформенные коричневые лохмотья. — Во все подземелья города лезет стража, кого-то ищут! Не убивают, а сгоняют всех на площадь Побед Сигибер-



та или в кордегардии! Если хотите унести ноги — бегите за нами!

— Думать будем потом, — скороговоркой произнес Фрог. — Теперь понятно, что нас перенесли в обжитые катакомбы под городом! Чтобы не иметь проблем со стражниками — побежали! До замка доберемся своим ходом! Селадас, не отставай!

Мы ринулись вслед за перепуганными нищими, вероятно принявшими нас за своих. Немудрено — каждый, включая зингарского короля, был невероятно грязен, лица чумазые, одежда разодрана и припорошена пылью. Никто из всей четверки внешне никак не напоминал благородного дворянина.

Понались, само собой, глупо. Нищие вывели нас к выходу, расположенному на улице Медников, однако лестницу наверх уже охраняли городские гвардейцы. Увидев заряженные арбалеты, мы немедленно сдались — не хотелось вновь очутиться в Обители Теней. Еще не время...

Каждому, кроме покалеченного Гая, скрутили руки за спиной (Селадас морщился, но терпел) и повели вверх по улице, но не к площади, а в сторону кордегардии, к дециону, возглавлявшему стражу квартала. Судя по шуму на ночных улицах города, облава была нешуточной — Конн явно решил любой ценой отыскать своих гвардейцев, шута и малолетнего зингарского гостя, исчезнувших в глубинах Подземного Города.

— Ага, еще семеро! — толстый десятник свирепо оглядел нашу компанию и тройку нищих,



когда стражники втокнули нас в обширное помещение кордегардии. — Всех в клетку! До выяснения!

— Позволь, почтенный! — завопил Фрог, надуваясь будто рассерженная жаба. — Нельзя так поступать с благородными дворянами и слугами короля!

— Ты, что ли, благородный дворянин? — несколько сальных подбородков десятника затряслись от мелкого смеха. — Высоко метишь, коротышка, не по росту! Сказано — в клетку! Утром разберемся!

— Я барон Ротан Юсдаль! — попытался возмутиться я. — Отошли человека во дворец, пускай пришьют караул гвардии Черных Драконов, меня опознают! Этот мальчик — король Зингары!

— А я — сам святейший Эпимитриус, — поморщился толстяк. — Заткнуться всем! Порядок не нарушать, не голосить! Иначе всыплю плетей! Бродяги! Явится господин капитан — разберется, кто здесь барон, а кто золотарь. Марш!

С тем мы оказались в битком набитой бродягами камере, отделенной от кордегардии толстой заржавленной решеткой. Хорошо хоть руки развязали. Изловленные в катакомбах нищелюды оживленно обсуждали последние события — внезапный налет гвардии на подземные укрытия, усердные розыски каких-то неизвестных, чьи приметы пока оставались тайной, а заодно и прибытие в город важных заграничных особ.

— Сидеть нам здесь не меньше суток, — огорченно сказал Фрог, устраиваясь в свободном



уголке камеры и приглашая остальных присесть рядом. — Надо же, побывали в преддверии самих Серых Равнин, побеседовали с богом, а теперь вынуждены отдыхать в вонючем каземате плохонькой кордегардии!

— Матушка обязательно нас найдет, — вставил Селадас, расположившийся возле шута. — Очень скоро. Я должен передать ей привет от деда, короля Фердруго — мы виделись там... внизу.

— Вот как? — поразился Фрог. — Послушай... А как это — быть мертвым?

— Я и не заметил, — равнодушно пожал плечами Селадас. — Когда подъемная камера упала вниз, я больно стукнулся головой (он машинально почесал небольшой синеватый рубец у виска), а потом... Потом я сразу оказался в каком-то дворце. Там были дедушка, папа... Сначала я удивился — они ведь умерли! Мы разговаривали... О разном. Знаете, давайте я потом расскажу? Посейчас не могу опомниться.

— Конечно, конечно, — согласился Фрог и строго глянул на нас с Гаем. — Не забудьте, мы будем обязаны переговорить с Чабелой. Запись в Книге Судеб должна измениться! И, в конце концов, мы дали слово Незримому!

— Какое слово? — немедленно встрял Селадас.

— Честное, — нехотя буркнул карлик. — Мы пообещали помочь одному знакомому мальчишке стать настоящим человеком. Селадас, попробуй заснуть. Это был самый утомительный день в моей жизни...



Я уже задремывал, привалившись спиной к прохладной стене камеры, когда через решетку донеслись знакомые голоса:

— Нет, месьор гвардейский сотник, никаких подозрительных типов не задержано! Обычные бродяги, ничего примечательного.

— Плохо. Запомните еще раз приметы разыскиваемых — четверо, двое молодых людей, мальчик десяти-двенадцати лет и карлик с зачуханной губой. Одеты...

Меня будто пружиной подбросило. Боги, это же сотник Драконов, месьор Равальд! Мой командир! Наверное, инспектирует городские кордегардии после облавы!

Я подскочил к решетке камеры. Точно! Равальд и несколько знакомых гвардейцев из нашей сотни! Ура!

— Эй! — завопил я. — Мы здесь!

Толстяк-стражник, отвечавший на вопросы грозного гвардейца отреагировал первым — запустил в меня огрызком яблока, валявшимся на столе. Попал в лоб. Повернулся к замершему Равальду, объяснив:

— Что с этих паршивых нищих возьмешь! Так и норовят нарушить благочиние!

* * *

Спустя четверть колокола мы очутились в королевском дворце. Сонного зингарского короля слуги немедленно унесли в опочивальню, а неутомленный Фрог потащил нас к Белой Гости-



ной. Гай попробовал отговориться сломанной рукой и надобностью побывать у лекаря, однако шут упрямо заявил:

— Позже! Есть дела более важные!

Королевская гостиная принимала прежних гостей. Несмотря на поздний час, в комнате оставались Конн, Чабела и канцлер Просперо.

— Нашли? — аквилонский король вскочил.

— Нашли. Жив и здоров, — скрипуче заявил карлик. Хмурая, заплаканная Чабела вымученно улыбнулась.

— Я попросил бы тебя, Конн, и тебя Просперо, выйти ненадолго, — Фрог хозяйским жестом указал королю и великому герцогу на дверь. Последние от изумления подобной наглостью лишь рты раскрыли. — У нас есть исключительно приватный разговор к Ее зингарскому величеству.

— Если приватный, тогда пожалуйста, — неожиданно покладисто согласился Конн. — Только потом вы обязательно все расскажете! Идем, Просперо.

Когда двери захлопнулись, Чабела настороженно подалась вперед.

— Мой сын не пострадал?

— Отчасти, — Фрог отхлебнул из наполненного кубка короля, порывлся в складках балахона и вынул свернутый вчетверо лист пергамента. — Ротан, Гай, присаживайтесь.

Карлик разгладил чистый листок на столешнице и взглянул на нас с торжеством. В чем суть разыгрываемого спектакля пока никто не догадывался.



— Пусть нам поведают о несостоявшейся жизни Селадаса Зингарского, — с расстановкой произнес шут, уставившись на белый пергамент. — И пусть королева Чабела сама прочтет историю своего наследника!

Подобное чудо я наблюдал совсем недавно. Так появлялись написанные умелым каллиграфом строчки на чистых страницах Книги Судеб.

— Ты!.. — ахнул Гай. — Святотатец! Но каким образом?.. Когда?

— В святилище. Леук отвлекся на мгновение, и маленький Фрог улучил момент, — хихикая, сказал шут. — Ну, выдрал из Книги один листик, от Нергала не убудет... Читай, о королева!

— Ничего не понимаю, — нахмурилась Чабела. — Что происходит, Фрог?

— Сначала прочти, а затем... Затем мы все объясним. Главное — ничему не удивляйся, госпожа. От твоего понимания зависит судьба не только Селадаса, но и благополучие Зингарского королевства.

Чабела осторожно взяла измятый лист и принялась читать...





СОДЕРЖАНИЕ

СОКРОВИЩА НЕБЕС

Олаф Бьорн Локнит

Пролог Город Неожиданностей.....	7
Глава 1 Песчаная скрижаль.....	11
Глава 2 Храм неудачников.....	45
Глава 3 Суд удаляется на совещание.....	80
Глава 4 Восполнение утраченного.....	108
Глава 5 Ястреб Пустыни.....	143
Глава 6 Как украсть сфинкса.....	176
Глава 7 Гадание на рассвете.....	214
Эпилог Перекресток.....	246



ПРИНЦ ЗИНГАРЫ

Атли Гуннарссон

Сын короля — тоже король?

<i>Вступительное слово от Олафа Локнита.....</i>	259
Запись первая.....	279
Запись вторая.....	313
Запись третья.....	347
Запись четвертая.....	386
Запись пятая.....	410



издательство
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

представляет в

«ЗОЛОТОЙ СЕРИИ
ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

**ВЪЛШЕБНАЯ
ЯПОНИЯ**



КОНАН

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

**КОНАН
КЛУБ**



197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ



ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ



СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Стэшера, Глена Кука, Терри Гудкаинда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ДЮНА



В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»

«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитан Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Квином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2002 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
второй роман трилогии — «ДОМ ХАРКОННЕНОВ»!



По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ — «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ



ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ



СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Читайте в «Золотой серии фэнтези» сборник «ЛЕГЕНДЫ»

Роберт Силверберг собрал для этого сборника самых знаменитых творцов миров:

*Стивена Кинга, создавшего мир «Темной башни»,
Урсулу Ле Гуин, создавшую мир «Земноморья»,
Роберта Джордана, создавшего мир «Колеса времени»,
Терри Гудкайнда, создавшего мир «Меча Истины»,
Джорджа Мартина, создавшего мир «Семи Королевств».*

И многих, многих других — тех, кто не просто пишет романы-фэнтези, а подобно демиургам, полетом фантазии творит миры. Тех, которым нет равных.

Они объединились для сборника «Легенды», чтобы пригласить миллионы своих поклонников в эти миры еще раз. И все произведения, вошедшие в «Легенды» — новые эпизоды самых знаменитых саг наших дней, — были написаны специально для антологии.

Эти и многие другие книги вы можете
приобрести по почте, заказав
БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ
по адресу: 107140, Москва, а/я 140. «Книги по почте».

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские
фирменные магазины издательства «АСТ» по адресам:

Каретный ряд, д. 5/10. Тел. 299-6584.
Татарская, д. 14. Тел. 959-2095.
Звездный б-р, 21. Тел. 232-1905.
Б. Факельный пр-д, д. 3. Тел. 911-2107.
2-я Владимирская, д. 52. Тел. 306-1898.

Оптовая торговля:
129085, Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Литературно-художественное издание

Конан и принц Зингары

Локнит Олаф
Сокровища небес

Гуннарссон Атли
Принц Зингары

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Наталья Баулина*

Художественный редактор *Игорь Богданов*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор *Валентин Успенский*

Корректор *Елена Малько*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2, 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Жарвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Конан и принц Зингары: Сб. — М.: ООО «Издательство К64 АСТ», 2002. — 436, [12] с. — (Конан).

Содерж.: Сокровища небес / О. Локнит. Принц Зингары / А. Гуннарссон.

ISBN 5-17-012500-3

В вольном Городе Воров продолжают похождения бесшабашной воровской шайки, куда угодил и юный Конан. В этом первом его столкновении с Хайборийским миром много веселого, но случаются и подлинные трагедии. И, как всегда, не обходится без вмешательства самих богов.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)

САГА О КОНАНЕ

КОНАН
И КОЛЬЦО
ВЛАСТИ 43

КОНАН
И ЗОВ
ДРЕВНИХ 44

КОНАН
И ПРОРОК
ТЪМЫ 45

КОНАН
И ГНЕВ
СЕТА 46

КОНАН
И ХРАМ
НОЧИ 47

КОНАН
И КОРОЛЬ
ВОРОВ 48

КОНАН
И ПОДЗЕМНЫЙ
ОГОНЬ 49

КОНАН
И МЯТЕЖ
ЧЕТЫРЕХ 50

КОНАН
И КЛЕЙМО
ЗМЕЯ 51

КОНАН
И ХОЗЯИН
ОКЕАНА 52

КОНАН
И КОРОНА
МИРА 53

КОНАН
И ПОСЛАНИЕ
СВЕТА 54

КОНАН
И СПЯЩЕЕ
ЗЛО 55

КОНАН
И ЗВЕЗДЫ
ШАДИЗАРА 56

КОНАН
И СКАЛЕП
ХАОСА 57

КОНАН
И ЖРЕЦ
ТАРИМА 58

КОНАН
И СВЯТИЛИЩЕ
ПИКТОВ 59

КОНАН
И ПОВЕЛИТЕЛЬ
МОЛНИЙ 60

КОНАН
И ТИТРЫ
ХАЙБОРИИ 61

КОНАН
И ВСАДНИКИ
БУРИ 62

КОНАН
И СЛЕД
ИСПОЛИНА 63

КОНАН
И САГА
ТУМАНА 64

КОНАН
И ЛИК
ЗВЕРЯ 65

КОНАН
И ОБИТЕЛЬ
ДРАКОНОВ 66

КОНАН
И НАСЛЕДИЕ
МЕРТВЫХ 67

КОНАН
И ЗАКАТ
АРГОСА 68

КОНАН
И АЛЛА
ПЕЧАТЬ 69

КОНАН
И ТАНЕЦ
ПУСТОТЫ 70

КОНАН
И ПОСЛАНИЕ
МРАКА 71

КОНАН
И ГОЛОС
КРОВИ 72

КОНАН
И ТЕНЬ
ВЕТРА 73

КОНАН
И ПРИНЦ
ЗИНГАРЫ 74





ISBN 5-17-012500-3



9 785170 125005